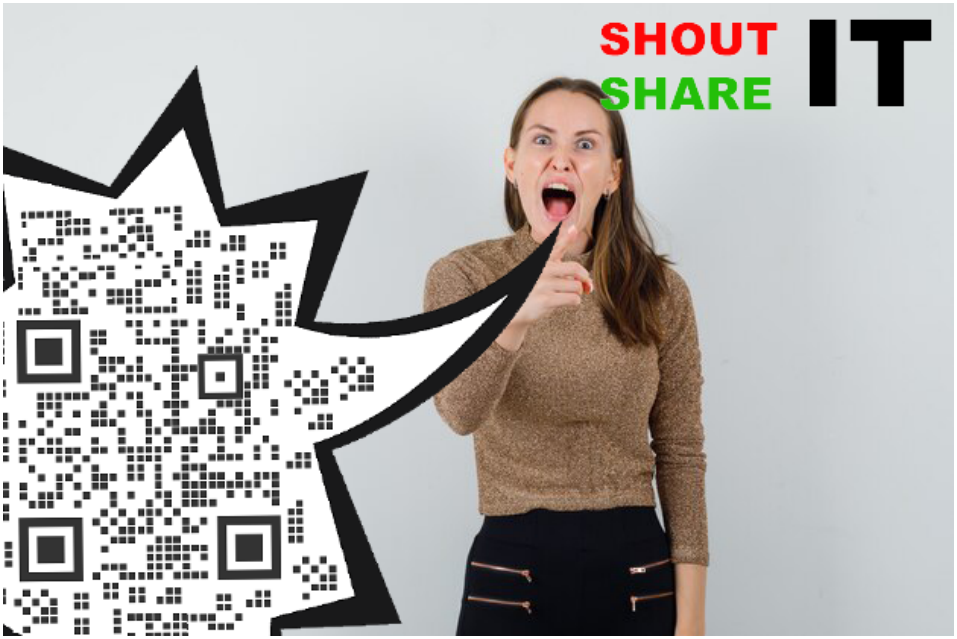
МИКЛУХА-МАКЛАЙ

Н. ВОДОВОЗОВ


SHOUT
SHARE
IT

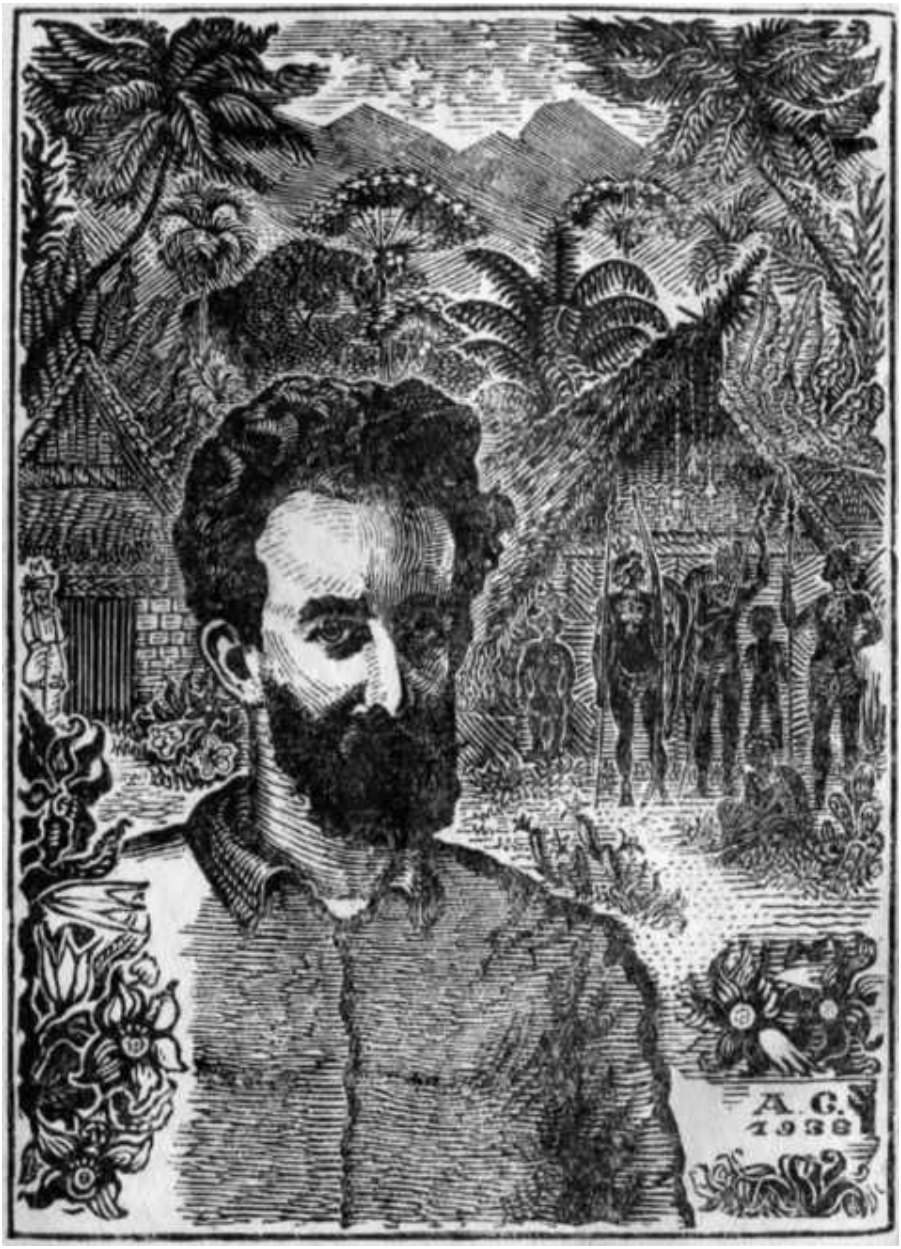
Annotation

Книга про русского ученого-антрополога Н. Н. Миклуху-Маклая, исследователя берегов Новой Гвинеи, где он искал ответы на некоторые вопросы относительно эволюции животного мира вообще, а также хотел решить основную проблему, стоявшую в то время перед всеми антропологами, — проблему о происхождении и развитии человеческих рас. Анатом в юности, он сосредоточился затем на антропологии и этнографии, а под конец жизни думал только о судьбе берега Маклая, о своих друзьях-папуасах и об основании утопической колонии на островах Тихого океана.

- Н. Водовозов
  -
  - НЕУСПЕВАЮЩИЙ ГИМНАЗИСТ
  - ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО
  - ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
  - ТРУДНЫЙ ПУТЬ УЧЕНОГО
  - НА БОРТУ КОРВЕТА «ВИТЯЗЬ»
  - НОВАЯ ГВИНЕЯ
  - НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ
  - СРЕДИ ЛЮДЕЙ «КАМЕННОГО ВЕКА»
  - МИР, ДОВЕРИЕ И БРАТСТВО
  - ДРУГ ПАПУАСОВ
  - ПЕРВЫЕ ИТОГИ
  - ПО ОСТРОВАМ ИНДОНЕЗИИ
  - ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В НОВУЮ ГВИНЕЮ
  - «ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ» ПОЛУОСТРОВА МАЛАККИ.
  - ПО ОСТРОВАМ АДМИРАЛТЕЙСТВА
  - СНОВА СРЕДИ ЧЕРНЫХ ДРУЗЕЙ
  - В АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЯХ
  - НОВЫЕ СКИТАНИЯ
  - ТРИБУН ЧЕРНОГО ПЛЕМЕНИ
  - НА РОДИНЕ
  - ПОСЛЕДНИЙ РАЗ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ
  - ВО ВЛАСТИ УТОПИИ
  - МИКЛУХА-МАКЛАЙ И ЛЕВ ТОЛСТОЙ
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - ПРИМЕЧАНИЯ
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

Н. Водовозов
МИКЛУХА-МАКЛАЙ



НЕУСПЕВАЮЩИЙ ГИМНАЗИСТ

В Своей автобиографии Николай Николаевич Миклуха-Маклай говорит, что он родился в 1848 году. Но это неточно. В церковной записи села Рождественского, находящегося близ города Боровичи, Новгородской губернии, записано следующее:

«Миклуха, Маклай, 5 июля 1846 года».

Отец Николая Николаевича, Николай Ильич Миклуха, был по своему времени человеком незаурядным. Он окончил корпус инженеров путей сообщения в Петербурге. Затем служил одно время начальником вокзала Московско-петербургской железной дороги — первого, по времени постройки, железнодорожного пути в России. Современник Герцена, Белинского, Станкевича и других замечательных русских людей, Николай Ильич принадлежал к той части русской молодежи, которая искала в передовой философии ответы на мучительные вопросы, поставленные тяжелой действительностью того времени, и, по словам Герцена, «все написанное Гегелем или о Гегеле немедленно зачитывала до дыр, до пятен, до падения листов в несколько дней».

Увлечение философией Гегеля порой доходило до курьезов. Так, например, молодой русский гегельянец, отправляясь гулять за город, не шутя уверял, что он идет «отдаться пантеистическому чувству своего единения с космосом». А если на прогулке встречал крестьянина или крестьянку и вступал с ними в разговор, то потом рассказывал друзьям, что имел возможность «определить субстанцию народную в ее непосредственном и случайном явлении».

Николай Ильич Миклуха лично не был связан с кружком Герцена и Белинского, но несомненно переживал те же настроения, что и все радикально-прогрессивные люди его времени. Он, вероятно, не раз имел повод задавать тот же вопрос, что и Герцен: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования?» А трагедия заключалась в вопиющем несоответствии между прогрессивными идеалами человечества и страшным гнетом николаевского режима, которого не могли не замечать передовые люди России. «Противоречие между воспитанием и правами, — говорил Герцен, — нигде не доходило до таких размеров, как в дворянской Руси... Число воспитывающихся у нас всегда было чрезвычайно мало, и те, которые воспитывались, получали не то чтобы объемистое

воспитание, но довольно общее и гуманное; оно очеловечивало учеников всякий раз, когда принималось. Но человека-то именно и не нужно было ни для иерархической пирамиды, ни для преуспевания помещичьего быта.

К концу сороковых годов русская революционная мысль шагнула дальше. Социалистические идеи захватывают мыслящих людей. Писатель Анненков, только что возвратившийся тогда из-за границы, рассказывает, что он «встретил дома отражение многих сторон тогдашней интеллектуальной жизни Парижа. Книга Прудона о собственности, «Икария» Кабэ, сочинения Фурье — все это служило предметом изучения, горячих толков, вопросов и чаяний всякого рода... Книги названных авторов были во всех руках в эту эпоху, подвергались всестороннему изучению и обсуждению, породили, как прежде Шеллинг и Гегель, своих ораторов, комментаторов, толкователей».

Несмотря на суровые преследования, социалистическая литература проникала всюду. В магазине одного книгопродавца обнаружено было на полках несколько тысяч томов такой литературы. Книгопродавец был немедленно выслан из столицы, но торговля запрещенными книгами продолжалась. Даже в модных французских лавках в Москве можно было достать эти «крамольные» произведения, — настолько выгодно было торговать ими.

Социалистические идеи популяризировались всевозможными средствами. Был, например, выпущен «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Вышло два выпуска словаря — в 1845 и 1846 годах. В словаре, между прочим, деятельное участие принимал известный М. В. Буташевич-Петрашевский. В предисловии к словарю говорилось, что он должен стать «краткой энциклопедией понятий, внесенных к нам европейской образованностью». Словарь был составлен очень искусно; первый его выпуск мог даже показаться вполне «благонамеренным». Например, слово «конституция» автор истолковывал отрицательно. Царская цензура могла думать, что автор—антиконституционалист и не посягает на самодержавие, тем более, что первый выпуск словаря был посвящен великому князю Михаилу Николаевичу.

Второй выпуск был составлен уже более откровенно. В нем подробно разъяснялись взгляды и сочинения Оуэна, Сен-Симона и других. В статье «Овенизм» словарь давал сжатое изложение учения Оуэна и подчеркивал отрицательное значение института частной собственности. Там же выдвигалось требование, чтобы орудия производства стали общественным достоянием. Везде, где только возможно, словарь рекомендовал учение Фурье и

пропагандировал его сочинения.

О влиянии на русское общество идей утопического социализма, шедших тогда, главным образом, из Франции, очень красочно рассказывает такой авторитетный свидетель, как М. Е. Салтыков-Щедрин. Он пишет: «С представлением о Франции и Париже для меня неразрывно связывается воспоминание о моем юношестве, т. е. о сороковых годах. Да и не только для меня лично, но и для всех наших сверстников в этих двух словах заключалось нечто лучезарное, светоносное, что согревало нашу жизнь и в известном смысле даже определяло ее содержание. Я в то время только что оставил школьную скамью и... естественно примкнул к западникам, но, не к большинству западников (единственный авторитет тогда в литературе), которое занималось популяризированием немецкой философии, а к тому безвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции. Само собой разумеется, не к Франции Людовика-Филиппа и Гизо, а к Франции Сен-Симона, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Санд. Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла новая уверенность, что золотой век находится не позади, а впереди нас».

Увлечение русской образованной молодежи социализмом было так велико, что даже Федор Михайлович Достоевский, впоследствии защищавший реакционные взгляды, в те годы вместе с Салтыковым-Щедриным участвовал в кружке Петрашевского и был приговорен к смертной казни как революционер.

Вот что пишет сам Достоевский, вспоминая об этом периоде: «Об огромном движении европейских литератур самого начала 40-х годов у нас весьма скоро получилось понятие. Были уже известны имена многих ораторов, историков, трибунов, профессоров... Вдруг возникло новое слово и раздались новые надежды, явились люди, прямо возглашавшие, что дело (словом «дело» — по цензурным соображениям — заменялось тогда слово «революция». — Н. В.) остановилось напрасно и неправильно, что ничего не достигнуто политической сменой победителя, что дело надобно продолжать, что обновление должно быть радикальное и социальное».[1]

Русская жизнь сороковых годов неуклонно выдвигала вопросы «радикального и социального обновления» страны. Приближался второй период освободительного движения в России XIX века, деятелями которого были, по определению В. И. Ленина, «революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского».

Социалистическую литературу изучали не только

выдающиеся писатели и деятели. Огромный интерес к ней проявляли все интеллигенты-разночинцы. Даже учителя казенных учебных заведений, где свирепствовал режим, установленный мракобесом Уваровым, — министром народного просвещения при Николае Палкине, — не отставали от общего движения. Один из них, А. П. Милюков, вспоминает: «Все, что являлось нового по этому вопросу (по социализму. — Н. В.) во французской литературе, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на наших сходках. Толки о Нью-Ламарке Роберта Оуэна и Икарии Кабэ, а в особенности о фаланстере Фурье и теории прогрессивного налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Все мы изучали этих социалистов. Сочинения Прудона, Луи Блана, Пьера Леру... вызывали обсуждения и споры».

Каким же путем могли так широко распространяться запрещенные царской цензурой книги в николаевской России? В этом трудном и опасном деле незаменимую роль сыграли многочисленные букинисты-ходебщики.

«Я очень хорошо помню, — вспоминает А. Н. Пыпин, родственник великого русского революционера Н. Г. Чернышевского, — особого рода букинистов-ходебщиков... Эти букинисты, с огромным холщевым мешком за плечами, ходили по квартирам известных им любителей подобной литературы и, придя в дом, выкладывали свой товар: это бывали сплошь запрещенные книги, всего больше французские, а также немецкие... Сделка совершалась на взаимном доверии». [2]

Именно таким образом проникли в Россию первые работы великих основоположников научного социализма — К. Маркса и Ф. Энгельса. «Коммунистический манифест», провозгласивший новую эру человеческой истории, русский читатель впервые получил из рук этих букинистов-ходебщиков.

Семья Николая Ильича Миклухи, несмотря на свое дворянское происхождение, по существу ничем не отличалась от обычной интеллигентской семьи. Сам Николай Ильич, имея чин инженер-капитана, служил, как мы уже знаем, на железной дороге. Жена его, Екатерина Семеновна, была дочерью подполковника Беккера — ветерана народной войны 1812 года. Беккер принадлежал к тому поколению русской дворянской молодежи, носившей военный мундир, среди которой, по метким словам А. И. Герцена, «развились люди 14 декабря, фаланга героев, вскормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и счистить

детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

Хотя Семен Беккер и не был декабристом, но идеи декабризма не остались ему чуждыми. Как и большинство его сверстников, он был страстным поклонником молодого Пушкина, знал свободолюбивые стихи великого русского поэта наизусть и считал себя демократом. Его дети также получили демократическое воспитание и сохранили до конца дней своих жгучую ненависть к русскому царизму, взявшему на себя роль душителя свободной человеческой мысли.

Николай Николаевич Миклуха-Маклай рано потерял отца. Мальчику минуло всего одиннадцать лет, когда случилось это несчастье. Помимо морального потрясения, семья сразу же испытала и материальные трудности. Небольшая пенсия оказалась недостаточной для сколько-нибудь сносного существования. Екатерине Семеновне пришлось поторопиться с определением старших детей в учебные заведения. Николай сначала был отдан в немецкую петербургскую школу, а через год, по желанию матери, его перевели во Вторую казенную гимназию. Но тогдашние гимназические порядки, схоластическая зубрежка и формальная дисциплина никак не соответствовали вольному духу, в котором воспитывались дети Николая Ильича Миклухи. То и дело Николай нарушал гимназические традиции: по своей программе изучая предметы, наиболее его увлекавшие, он держался с преподавателями независимо. Это привело к тому, что мальчик быстро навлек на себя неудовольствие начальства, нетерпимого ко всякому проявлению в учениках чувства собственного достоинства.

Окончить гимназию Миклухе-Маклаю так и не удалось: под предлогом неуспеваемости в некоторых предметах его исключили из шестого класса. Такова была обычная манера в школах царской России отделываться от способных и талантливых, но беспокойных, с точки зрения казенного «порядка», учеников. Как известно, ретивые «педагоги» даже гениального Белинского ухитрились исключить из Московского университета «по ограниченности способностей». Неудивительно, что и Миклуха-Маклай попал в разряд «неуспевающих».

Однако сам «неуспевающий» чувствовал неудержимое влечение к знанию и науке. И в сентябре 1863 года семнадцатилетним юношей, не имеющим никакого свидетельства об образовании, Миклуха-Маклай поступил в качестве вольнослушателя на физико-математический факультет Петербургского университета.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Но и студенческая жизнь Миклухи-Маклая продолжалась недолго. Уже в марте 1864 года он, по его собственному свидетельству, оказался исключенным без права поступления в русские университеты. Формально исключение мотивировалось тем, что Миклуха-Маклай, «состоя в числе вольнослушателей С.-Петербургского университета, неоднократно нарушал во время нахождения в здании университета правила, установленные для этих лиц».

Эта глухая, неясная мотивировка все же не может скрыть действительной причины исключения: явно непримиримого отношения юного Миклухи-Маклая к порядкам, только что установленным тогда в русских университетах после студенческих волнений 1861 года.

Русские университеты, которые в шестидесятых годах имели преобладающий демократический состав студенчества, выступали застрельщиками революционного движения, все сильнее охватывавшего страну в период «реформ» 1861 года. А для роста революционного движения в то время имелись достаточные основания. «Пресловутое освобождение, — как говорит Владимир Ильич Ленин, — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними».[3] У крестьян отняли даже ту землю, которую они обрабатывали на себя при крепостном праве. Наделы выделялись так, чтобы поставить «освобождаемого» крестьянина в полную экономическую зависимость от прежнего помещика. За нищенские наделы крестьяне должны были платить выкуп, вдвое и втрое превышающий фактическую их стоимость.

Естественно, что такое «освобождение» вызывало протест и ненависть многомиллионного крестьянства к существовавшему тогда строю. «Реформа» не случайно сопровождалась объявлением в ряде губерний военного положения и мобилизацией войск. Наиболее активная часть крестьянства восставала и гибла под ударами карательных отрядов. Революция стремительно надвигалась. Количество бунтов росло. Карл Маркс, внимательно следивший за тем, что делается в России, писал в январе 1860 года Фридриху Энгельсу: «По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти (Джона) Брауна, с другой стороны — движение рабов в России».[4]

Сотни молодых студентов-разночинцев, наполнявших в

шестидесятые годы русские университеты, чутко прислушивались ко всем событиям эпохи. Демократические и социалистические идеи Чернышевского, Добролюбова, Писарева, революционно-демократическая поэзия Некрасова владели умами, звали к активности. Студенты уже не слушали покорно всего, что им преподносилось с профессорских кафедр. Они стали критически относиться к отдельным лекциям и даже целым курсам. Дело доходило до того, что студенты требовали удаления профессоров, защищавших реакционные взгляды. Так неоднократно бывало в Московском и Казанском университетах.

Студенты создавали свои библиотеки и читальни, превращавшиеся в дискуссионные клубы, где читались и обсуждались свежие номера журнала «Современник» со статьями Чернышевского и Добролюбова, стихами Некрасова, наводили свои порядки в университетах, организовали даже собственный товарищеский суд, разбиравший все университетские конфликты. Эта часть студенчества чувствовала себя в университетах, по удачному выражению Д. И. Писарева, настоящим «хозяином».

Правительство выжидало только подходящего момента, чтобы покончить с этой опасной активностью демократического студенчества. Случай скоро представился. В селе Бездна, Казанской губернии, при подавлении возникшего восстания было расстреляно множество крестьян. Студенты Казанского университета немедленно приступили к сбору денежных средств в пользу семейств убитых. Кроме того, 17 апреля 1861 года молодежь устроила демонстративную панихиду по жертвам бездненской бойни. После панихиды один из самых талантливых и передовых профессоров Казанского университета, Щапов, выступил с речью, в которой назвал убитых крестьян «искупительной жертвой деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу». В конце своей гневной речи Щапов провозгласил: «Да здравствует демократическая конституция!»

Известие о событиях в Казанском университете произвело сильное впечатление в Петербурге. Не на шутку испугавшийся Александр II обратился к министру народного просвещения с категорическим заявлением: «Такие беспорядки, какие ныне волнуют университеты, не могут быть долее терпимы».

Царское правительство решило бороться со студенческим движением самым решительным образом, — вплоть до закрытия университетов. Была создана особая комиссия из матерых реакционеров, которая выработала новые правила для студентов: обязательное посещение студентами всех лекций и установление строгого надзора за учебными занятиями. Сходки и всякие иные формы проявления студенческой активности были категорически

запрещены. А самое главное — вводилась обязательная высокая плата за право учения. Для малоимущих студентов-разночинцев это равнялось фактическому лишению возможности получить высшее образование.

Новые правила были утверждены в мае 1861 года и введены в жизнь с осени того же года. Возвратившееся после летних каникул в университеты студенчество реагировало на новые правила шумными демонстрациями протеста естественно принявшими политический характер. Тогда царское правительство, осуществляя задуманный план, прибегло к суровым репрессиям. Сотни петербургских студентов были арестованы и посажены в Петропавловскую крепость. Но эта мера привела лишь к тому, что студенческое движение получило еще большее значение, вызвав целый взрыв общественного сочувствия и солидарности. Все чаще возникали тайные кружки, ставившие своей задачей пропаганду социалистических идей; они втягивали в свою среду всю обездоленную молодежь. Издательская деятельность тайных революционных кружков (печатание и распространение нелегальной литературы) развернулась довольно широко. Так, вышли в свет 700 экземпляров «Сущности христианства» Фейербаха, которые разошлись в течение трех дней, что свидетельствовало об исключительной популярности и влиянии этого писателя на русскую студенческую молодежь. Была выпущена книга Герцена «С того берега», очень скоро ставшая библиографической редкостью, — до того велик был спрос на эту книгу.

Такова была обстановка в русских университетах, в частности в Петербургском, когда семнадцатилетний Николай Николаевич Миклуха-Маклай поступил туда вольнослушателем. Несмотря на свою крайнюю молодость, он уже отличался исключительным интересом к науке, серьезностью и начитанностью. Он хорошо знал все опубликованные работы Герцена, Белинского и Чернышевского. Мировоззрение Миклухи-Маклая формировалось главным образом под сильным влиянием идей великого русского революционера-демократа. Миклуха-Маклай был также хорошо знаком с философией Фейербаха, сущность которой блестяще изложена в статье Чернышевского «Антропологический принцип в философии».

Так как вся деятельность Миклухи-Маклая отражает некоторые революционно-демократические идеи Чернышевского, необходимо остановиться кратко на мировоззрении последнего.

В. И. Ленин, определяя мировоззрение Чернышевского, указывал, что он «...единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годе вплоть до 88-го года

остаться на уровне цельного философского материализма».[5] Сам Чернышевский определял свои философские взгляды следующим образом: «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека».

Борьба Чернышевского против идеализма и дуализма шла с позиций фейербаховской философии. Это была наивысшая ступень, на которую мог подняться домарксовый материализм. Только в силу отсталости русской жизни середины XIX века Чернышевский не сумел подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса.

«Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, — говорит Энгельс, — Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилюйске, среди якутов. Все его умственное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером... Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше».[6]

Н. Г. Чернышевский, — которого Маркс назвал «великим русским ученым и критиком», — был не только глубоким мыслителем, но и страстным политическим борцом, революционером. Философия Чернышевского была философией жизни, философией революционного дела и освободительной борьбы.

«Шестидесятые годы», по свидетельству самого Чернышевского, были периодом, когда крестьянский вопрос сделался «единственным предметом всех мыслей, всех разговоров». Правильно вскрыв классовое содержание так называемой «крестьянской реформы», Чернышевский впротивовес планам крепостников и либералов видел подлинное решение крестьянского вопроса в экспроприации всей помещичьей земли и в уничтожении абсолютной монархии посредством революции. Он стоял на точке зрения массового крестьянского революционного движения, считая, что освобождение народа есть дело самого народа. Чернышевский верил, что только народная революция откроет путь к социалистическому преобразованию России. В его учении «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное неразъединимое целое» (Ленин).

Вместе с тем в воззрениях этого пламенного демократа-

революционера определенное место занимали идеи утопического социализма. Так, например, говоря о путях и особенностях движения России к социализму, Чернышевский особое значение придавал русской отсталой крестьянской общине. Его крестьянский социализм поэтому был одной из форм утопического социализма.

Чернышевский видел в современной ему русской крестьянской общине средство для перехода к новой ступени развития, которая будет, с одной стороны, выше, чем русская община, а с другой — выше, чем западноевропейский капиталистический строй с его классовыми противоречиями.

В сохранении крестьянской общины Чернышевский видел преимущества России перед Западной Европой для перехода к социализму.

Позднее эта мысль Чернышевского была подхвачена народниками, которые своим утверждением, что для России, с ее крестьянской общиной, капитализм является регрессом и что поэтому Россия должна итти своим особым путем, минуя стадию капиталистического развития, довели эту мысль до полного абсурда.

Касаясь вопроса, могла ли Россия, не испытав мук капиталистического строя, сразу перейти к высшим общественным формам на основе сохранившейся крестьянской общины, Ф. Энгельс писал: «Уже самая постановка вопроса показывает, где нужно искать его разрешения. Русская община просуществовала сотни лет, и внутри нее ни разу не возникло стремления выработать из самой себя высшую форму общественной собственности, точно так же, как ни чего подобного не происходило ни в германской марке ни в кельтском клане, ни в индийских и иных общинах с первобытно-коммунистическими порядками. Все они с течением времени, под влиянием окружавшего их или же возникавшего в их собственной среде и постепенно захватывавшего их товарного производства и обмена между отдельными семьями и отдельными лицами, — все они все более и более утрачивали свой коммунистический характер и превращались в общины независимых друг от друга земельных собственников».[7]

Миклуха-Маклай разделял взгляды Чернышевского на крестьянскую общину; не раз он высказывался в своих статьях о развращающем влиянии капиталистических отношений, проникавших в жизнь туземцев. Отсюда-то и проистекала его любовь к обитателям берега Маклая, сохранившим первобытно-коммунистические порядки во всей их чистоте, так же как и идейное содержание его борьбы против захвата европейскими

капиталистическими странами новы территорий в Океании. Попытка Миклухи-Маклая создать своеобразную социалистическую республику папуасов, кончившаяся такой плачевной неудачей, свидетельствует о прочности утопических взглядов, воспринятых им еще в шестидесятые годы от великих русских революционеров-демократов.

В системе философских взглядов Чернышевского очень большую роль играл воспринятый им у Фейербаха «антропологический принцип».

Сила этого принципа заключалась в революционной критике всех существовавших тогда понятий, а слабость — в том, что он исходил из представления «нормального человека» вообще и выступал в качестве обязательного его атрибута. Эта слабость «Антропологического принципа в философии» прекрасно была вскрыта Марксом в его тезисах о Фейербахе. «Сущность человека, — писал Маркс, — не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений».[8]

Правда, Н. Г. Чернышевский пошел дальше социологии Фейербаха. Нередко он искал объяснения исторического развития и самой сущности человека в «экономическом положении», в «материальных условиях» людей, и тогда он выходил за пределы антропологического принципа. Но даже тогда, когда Чернышевский обращался к экономике как к источнику общественного развития, он не смог показать, что действительный базис общества — это совокупность исторически определенных производственных отношений.

Миклуха-Маклай знакомился с Фейербахом через Чернышевского. Под влиянием идей последнего он особенное внимание отводит антропологии. Эта наука становится краеугольным камнем его учебных занятий в университете. Но, как уже сказано, в марте 1864 года молодого студента исключили из Петербургского университета без права поступления в другие русские высшие учебные заведения.

Восемнадцати лет Николай Николаевич Миклуха-Маклай оставил Россию и для продолжения своего образования уехал за границу.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Приехав в Германию, Миклуха-Маклай поступил на философский факультет Гейдельбергского университета. Влечение к естественным наукам не только не исключало в нем интереса к философии, но, наоборот, тесно с ним связывалось.

В Гейдельберге Миклуха-Маклай слушал лекции известных физиков и натуралистов—Кирхгофа, Гельмгольца, Бунзена, а также историков, юристов, политико-экономов и философов—Гейсера, Целла, Миттермайера и других.

В Гейдельбергском университете Миклуха-Маклай пробыл около двух лет; затем он переехал в Лейпциг, поступил на медицинский факультет и вскоре перебрался в Иену — маленький университетский городок, где продолжал слушать лекции по медицине. Тогда же Миклуха-Маклай познакомился с эволюционной теорией Дарвина, осветившей ярким светом антропологические изыскания самого Миклухи-Маклая.

В середине XIX века в области естествознания происходили замечательные события. Учение Чарльза Дарвина об изменчивости видов, о постепенном развитии более простых форм растительного и животного мира в более сложные произвело настоящий переворот в биологии. Сущность теории Дарвина сводилась к учению о естественном отборе, согласно которому в борьбе за существование выживают организмы, наиболее приспособленные к условиям окружающей среды.

Эволюционная теория Дарвина явилась лучшим объяснением происхождения видов, но она не могла иметь универсального значения. Говоря о человеке, Дарвин включал его в ту же систему развития, что и остальной животный мир. Но это было принципиальной ошибкой, так как человеческое общество подчинено своим особым законам развития, совершенно отличным от законов развития животного или растительного царства. «Животное пользуется, — говорит Ф. Энгельс, — только внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же своими изменениями заставляет ее служить своим целям, господствует над ней».[9]

Говоря о происхождении человека, Дарвин все черты, отличающие человека от его животных предков, приписывал только действию естественного отбора. Однако это отнюдь не соответствует истинному ходу эволюции, ибо если развитием животного мира руководит борьба за существование, то в развитии человека решающую роль сыграл труд. А «труд, — как

его определяет К. Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой... Веществу природы он сам противостоит, как сила природы».[10] Поэтому только учение Маркса и Энгельса, показав «роль труда в процессе очеловечения обезьяны», превратило эволюционную теорию Дарвина в могущественное средство борьбы против суеверия и религиозных предрассудков и против порабощения человека человеком.

Находясь в Иене, Миклуха-Маклай с особенным интересом изучал сравнительную анатомию; ей он придавал исключительное значение в связи с общей эволюционной теорией Дарвина, сторонником которой он сделался. Сравнительная анатомия изучает сходство и различие животных форм и устанавливает родство между организмами различных видов. Дарвинизм поставил перед сравнительной анатомией задачу уяснения происхождения различных животных видов и путей их развития.

Миклуха-Маклай становится ассистентом известного в то время ученого Эрнста Геккеля, ревностного последователя теории Дарвина. И, когда в 1866 году профессор Геккель предпринял научную экспедицию на Канарские острова, Миклуха-Маклай отправился вместе с ним в первое свое путешествие.

Первая остановка экспедиции была на острове Мадейра. Это — наиболее значительный остров из архипелага носящего то же название. Остров Мадейра был открыт в 1418 году португальскими мореплавателями Гонсальвезом Зарко и Тристаном Ваз Тексейра. Колонизация остров; привела к полному преобразованию его животного и растительного царства. С первых же дней португальской оккупации началось уничтожение лесов на Мадейре. Гонсальвез Зарко, которому был пожалован в ленное владение весь Фунчальский округ, пустил огонь в лесную чащу, покрывавшую местность, намеченную для будущего города. Пожар распространился далеко внутрь острова, угрожая жизни самих поджигателей. Чтобы уйти от пламени поселенцы, по словам Зарко, принуждены были бежать на барки или бросаться в море, где они провели двое суток без пищи, стоя по горло в воде. Несколько лет огонь продолжал истреблять леса острова, перекидываясь с одного горного склона на другой. Только название острова — «Мадейра», что значит «лесистый остров», — напоминало о том, что было здесь до португальской оккупации.

Вместе с туземной флорой острова погибла и его фауна. Все животные, которые населяют ныне остров Мадейра ввезены были колонистами, в том числе и грызуны: кролики и крысы, опустошающие сады и поля прекрасного острова.

Население Мадейры смешанного происхождения. Первыми поселенцами были португальцы, затем приходили искать убежища евреи и мавры; негров привозили в качестве невольников; англичане, владевшие Мадейрой в эпоху наполеоновских войн, оставили после себя многочисленные семейства. Когда же остров очутился на большой дороге океанского пароходства, там поселилось еще много европейцев. Тем не менее, господствующая раса — португальцы — постепенно поглощает эти разнородные элементы; почти все жители Мадейры имеют черные глаза, густые и темные волосы; у большинства из них цвет лица смуглый, что приписывают влиянию скрещивания с африканцами.

Это естественное смешение самых различных рас дало Миклухе-Маклаю возможность произвести интересные антропологические наблюдения. Уже тогда у него впервые появилась мысль о необходимости длительного изучения людей в первобытной обстановке, чтобы решить вопрос о сущности расовых особенностей.

На Мадейре Миклуха-Маклай мог также убедиться в том, какую огромную роль играют социально-экономические факторы в физиологическом развитии человека. Несмотря на прекрасный климат острова, бедственное материальное положение трудящегося населения является постоянным источником многочисленных болезней, которым подвержены жители Мадейры. Они питаются здоровой пищей, главным образом кукурузой, иньямом, сладкой бататой, картофелем с прибавкой съедобных корней, плодами и рыбой, но этой пищи никогда не бывает у них в достаточном количестве. Что же касается жилищ, то чаще всего — это темные и сырые пещеры с каменными стенами, пристроенными к скале. Немудрено, что женщины, проводящие большую часть дня в этих логовищах, почти поголовно страдают болезнями, вызываемыми недостатком воздуха и света.

Благодатная природа острова могла бы обеспечить население полностью продуктами питания, но порядок землевладения, установившийся на Мадейре, обрекал большинство населения на голод. Почва и источники орошения все еще принадлежали потомкам прежних феодалов. Именно по этой причине за время с 1835 по 1859 год, когда были большие неурожаи, более пятидесяти тысяч мадейрцев покинули родной край в поисках лучшей доли.

С острова Мадейра научная экспедиция отправилась на Канарский архипелаг. Это те самые «острова Блаженных», о которых говорят греческие поэты, острова, где герои

наслаждались вечной жизнью, в восхитительном климате, где неведомы были ни холод, ни бури. Правда, ни один тогдашний географ не мог указать точно местоположения этих «счастливых островов». В сознании древних они смешивались со всеми атлантическими землями, лежащими в великой «реке Океане», по ту сторону «Ворот Геркулеса».

Достоверная история Канарских островов начинается с 1344 года, когда папа Климент VI подарил их инфанту Луису де-ла-Серра, дав при этом ему титул «принца Фортуны». Но «принц Фортуны» не обладал достаточными ресурсами, чтобы захватить силой подаренные ему щедрым Климентом VI острова. Все экспедиции Луиса де-ла-Серра, произведенные с целью вступить, наконец, во владение архипелагом, походили скорее на простые разбойничьи налеты, сопровождавшиеся грабежом мирных жителей. Положение изменилось только тогда, когда в дело вмешалось испанское правительство. Завоевание, продолжавшееся около ста лет, кончилось присоединением Канарских островов к испанской короне.

Канарские острова, лежащие южнее Мадейры и ближе к африканскому материку, имеют климат более теплый, хотя и менее ровный. Здесь нет зимы в европейском смысле слова: температура этого времени года здесь выше, чем средняя годовая температура в южной Италии. Зато лето часто бывает слишком жарким для европейцев, особенно на восточных островах. Ветер, дующий по временам со стороны пустыни Сахары, приносит сухой, насыщенный пылью воздух, растительность блекнет, земля трескается, люди и животные изнемогают. В летописях островов Ланцерота и Фуэртевентура приведены примеры, когда ветры из Сахары, особенно юго-восточные, приносили с собой страшный голод и обезлюдение островов.

Для Миклухи-Маклая Канарские острова представляли особый интерес потому, что с точки зрения антропологии тогда еще не был решен вопрос о расовом происхождении канарийцев. Одни этнографы считали их ветвью берберской расы, другие видели в них басков, кельтов и даже вандалов. Изучение черепов и костяков канарийцев не внесло ясности, так как показало, что население архипелага принадлежало к различным расам. Миклуха-Маклай тогда уж усомнился в том, что изучение черепов может дать решающий признак для опознания расы. Впоследствии, после своих замечательных путешествий по Новой Гвинее, он блестяще доказал псевдонаучность формальных признаков, на которые теперь опирается «расистская теория».

На Канарских островах Миклуха-Маклай пробыл около полугода, занимаясь, кроме антропологических наблюдений,

зоологическими исследованиями. В результате он написал интересную работу по анатомии мозга хрящевых рыб и морских губок.

В Европу Миклуха-Маклай возвращался из своего первого путешествия через Марокко. Он не мог отказать себе в удовольствии заглянуть в страну, о которой говорили, что ее «нельзя слишком превознести». Действительно, теплый климат, обилие вод, плодородие почвы, многоликость природы, счастливое положение страны между двумя морями на торговых путях — все это обещало ее народу прекрасную жизнь и процветание. А между тем страна была бедна и несчастна, и мало где люди были так порабощены, как в Марокко. Миклуха-Маклай видел многочисленные караваны невольников, которых приводили из Судана, чтобы распродать на рынках Феца или Марракеша. Самодержавная власть султана была номинально ограничена только кораном, но право истолкования текста корана было предоставлено также ему.

Миклуха-Маклай удивлялся жестокости, с которой наказывали неугодных султану лиц. В государственных тюрьмах томились несчастные, головы которых были продеты в железные ошейники, заставлявшие их все время оставаться в стоячем положении. Многие тюрьмы представляли собой вонючие клоаки, где забитые арестанты умирали голодной смертью. Наказания были ужасны: людям сжимали кулаки так, чтобы ногти впивались в живое мясо, предварительно разрезанное ножом; нарастающая свежая кожа сращивала пальцы с ладонью и делала людей навсегда калеками.

Миклуха-Маклай видел, что деятельность европейцев в Марокко была направлена не на то, чтобы внести культуру и цивилизацию в эту прекрасную страну, а только на порабощение туземцев, на их зверскую эксплоатацию в целях обогащения их завоевателей.

Наблюдая действия «цивилизаторов», Миклуха-Маклай много размышлял о судьбе народов колоний, задыхавшихся под железной пятой европейского империализма. И уже тогда созревали в нем идеи, осуществлению которых он отдал потом всю свою жизнь.

В 1868 году Миклуха-Маклай отправился для продолжения работы по сравнительной анатомии в Сицилию. Он поехал вместе с доктором Дорном, который был горячим пропагандистом идеи о необходимости устройства морских зоологических станций, где ученые могли бы наблюдать животных не в музейной или лабораторной обстановке, а в условиях окружающей их естественной среды.

Миклуха-Маклай горячо поддерживал эту мысль Дорна, не раз высказывая убеждение, что первым условием научно-исследовательской работы должно быть непосредственное ознакомление с материалом на месте и что только в результате накопления большого числа строго проверенных фактов можно делать окончательные выводы, не торопясь с преждевременными обобщениями и смелыми гипотезами.

Работа Миклухи-Маклая и доктора Дорна в Сицилии была очень плодотворна. Через несколько лет их мечта осуществилась: там была основана первая в мире морская зоологическая станция.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ УЧЕНОГО

В 1869 году Миклуха-Маклай предпринял новое путешествие. На этот раз он отправился на восток, в бассейн Красного моря. Целью второго путешествия были проверка и пополнение некоторых данных, полученных им при зоологических изысканиях на Канарских островах.

Это путешествие требовало большой выдержки, бесстрашия, железной выносливости и огромной инициативы. Миклуха-Маклай показал, что он обладает всеми этими качествами в полной мере.

Красное, или Чермное, море, отделяющее Аравию от Абиссинии и Египта, тянется узкой полосой на протяжении 2200 километров от Суэцкого канала до пролива, который носит название Баб-эль-Мандебского, что в переводе означает «Ворота умирающих». Европейцев, путешествующих в летние месяцы по Красному морю, прежде всего пугает жара. Она томительна в штиль и нестерпима, когда дует ветер из пустыни. Между различными гипотезами, которые были предложены для объяснения происхождения названия «Красного» моря, наиболее правдоподобна та, которая придает ему смысл «жаркого». Багровое небо, отражающееся в море, ослепительный блеск господствующих над ним гор и скал, раскаленный воздух — таковы будто бы причины, заставившие назвать это море «жарким», «красным».

Около трети бассейна Красного моря занято низменными островами, созданными трудом кораллов. Вдоль аравийского берега коралловые мели образуют почти сплошную цепь от Ходейдской бухты до входа в Акабский залив. На африканском берегу шеб — бахрома из коралловых рифов — не образует такой непрерывной линии, зато в некоторых местах она дальше выдвинута в открытое море. Против города Массауа коралловые банки занимают боле половины моря. Плавание очень опасно среди шеба — этого бесконечного лабиринта проливов и морских улиц. Арабские суда, следующие вдоль побережья, ночью должны бросать якорь: при всей своей опытности и осторожности лучшие кормчие могут сбиться с пути, так как рифы из года в год меняют свое местоположение.

Не на многих морях имеется возможность наблюдать зрелище, подобное тому, которое представляется путешественнику, созерцающему с корабля дно Красного моря.

Сквозь прозрачную, как хрусталь, воду, на глубине двадцати

и более метров видны подводные «луга» зоофитов с миллиардами ветвей, почек и цветов. Этот бесконечный мир разнообразнейших форм сияет чудным блеском бриллиантов, рубинов и сапфиров.

Миклуха-Маклай отправился исследовать причудливы берега Красного моря один. Скудные средства, которыми он располагал, не позволяли ему нанять служителя или переводчика. Научную работу приходилось вести под тропическим солнцем, при постоянной температуре более 35° по Цельсию. Микроскоп и термометр он прятал в холщевый мешок, опасаясь возбудить подозрение у фанатичны туземцев незнакомыми для них инструментами. Страдая лихорадкой, скорбутом, подчас голодая, он упорно шел вперед. Чтобы сблизиться с туземцами и снискать их доверие, он изучил арабский язык, обрил голову, стал носить аравийский бурнус, научился подражать религиозны обрядам мусульман и даже выкрасил себе лицо коричневой краской. Миклуха-Маклай не имел ничего общего со «знатными» путешественниками, выглядывающими из окон комфортабельных кают парохода. Он окунулся в самую гущу жизни и личным опытом проверял сделанные им наблюдения.

Религиозно-фанатически настроенные арабы и множество кочующих любителей легкой наживы нередко угрожали жизни путешественника, но ни разу он не изменил своего благожелательного отношения к туземцам, понимая, что не они виноваты в окружающем их невежестве, упадке нравов, болезнях и нищете.

Миклуха-Маклай побывал в белых, сожженных солнцем городах Ямбо, Джедде и Массауа. Он изучал типы жителей побережья Красного моря и видел, что ни о какой «чистой» расе говорить не приходится. Мусульманские гаремы арабов исстари пополнялись негритянскими девушками, которые продавались на невольничьих рынках по цене от ста до двухсот рублей, и это давно уже создало смешанный тип приморского населения.

Недостаток в средствах у Миклухи-Маклая был настолько велик, что, когда настало время возвращения на родину, ему пришлось прибегнуть к помощи местных русских консулов и занять у них небольшие суммы. И все же, несмотря на все неблагоприятные условия, он собрал интереснейший материал по вопросам сравнительной анатомии и зоологии, на основании которого сделал доклад на заседании Русского географического общества в Петербурге.

В Россию Миклуха-Маклай возвращался через Турцию. В Константинополе русский консул выразил желание оказать ему какую-нибудь услугу. Непритязательный путешественник ограничился тем, что попросил отдать в стирку его белье. Консул,

не представлявший себе условий, в каких приходилось существовать Миклухе-Маклаю, счел эту просьбу за насмешку.

Из Константинополя Миклуха-Маклай приехал в Одессу, а затем отправился на южный берег Крыма. Прожив там некоторое время и собрав необходимый научный материал, он выехал на Волгу, чтобы продолжать там работу по изучению мозга хрящевых рыб.

С Волги Миклуха-Маклай отправился в Москву, где в то время происходил второй съезд русских естествоиспытателей и врачей. На съезде он выступил с докладом, в котором доказывал необходимость организации зоологических морских станций на Белом, Балтийском, Черном и Каспийском морях, а если возможно, то и на берегах Тихого океана — во Владивостоке, на Сахалине и на Камчатке. Он указывал, какое огромное значение в народном хозяйстве может иметь такая сеть морских станций, не говоря уже об их научном интересе.

Это выступление Миклухи-Маклая не прошло бесследно. На съезде молодой ученый обрел горячих сторонников, и через несколько лет Общество любителей естествознания по инициативе профессора А. П. Богданова, стало усиленно собирать коллекции низших животных в Черном и Балтийском морях; позже были основаны две зоологические морские станции — в Севастополе и на Соловецких островах. В настоящее время таких станций в Советском Союзе имеется двенадцать: восемь по побережью Черного моря две на Каспийском, одна на Северном и одна во Владивостоке.

Из Москвы Миклуха-Маклай отправился в Петербург. К этому времени у него созрел грандиозный план научного исследования берегов Тихого океана; там он надеялся, во-первых, найти ответы на некоторые вопросы относительно эволюции животного мира вообще, а во-вторых, решить основную проблему, стоявшую в то время перед всеми антропологами, — проблему о происхождении и развитии человеческих рас.

В антропологии существовали тогда два направления, сторонники которых вели между собой жестокую борьбу. Одни — моногенисты — утверждали, что человеческие расы произошли от одного ствола, другие — полигенисты— пытались доказывать, что человеческие расы произошли от нескольких независимых друг от друга стволов. Белая и черная расы, по мнению полигенистов, представляют собой две совершенно особые породы, отличающиеся как в физическом, так и в интеллектуальном отношении. Отсюда вытекало учение о неравноценности человеческих рас. Белая раса объявлялась высшей расой, самой природой предназначенной для господства,

а черная и желтая расы считались низшими, обреченными на вечно подчиненное положение.

Учение полигенистов являлось теоретическим обоснованием колониальной политики европейской буржуазии, беспощадно угнетавшей и эксплоатировавшей цветные расы в своих колониях. В настоящее время фашисты, эти ярые враги человечества и культуры, охотно возродили учение полигенистов о расах, сделав его основой своей человеконенавистнической политики, территориальных захватов и истребления народов.

Моногенисты, стоявшие на единственно правильной научной точке зрения, целиком отвергали теорию различного происхождения человеческих рас и вытекающий отсюда вывод о их природной неравноценности. Они утверждали, что теория полигенистов не опирается на проверенный фактический материал и что для решения вопросов о существовании «низших» рас, неспособных якобы в силу своего анатомического устройства подняться до уровня так называемых «высших» рас, необходимо провести всестороннее и глубокое изучение представителей всех рас, населяющих земной шар от экватора до полярного круга. Один из крупнейших моногенистов того времени в России, академик Бэр, писал: «Является желательным и, можно даже сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинеи».

Академик Бэр обращал такое внимание на Новую Гвинею именно потому, что эта экваториальная страна была почти неизвестна тогда европейцам. На большей части ее территории еще не ступала нога европейских путешественников, и населявшие ее туземцы должны были представлять собою наиболее чистые, без всяких примесей, образцы цветной расы. Изучить их с точки зрения сравнительной анатомии и определить сходство и различие их с белой расой — значило научно решить антропологический спор между моногенистами и полигенистами, значило вырвать почву из-под лженаучных и глубоко реакционных утверждений полигенистической расовой теории.

По приезде в Петербург, в октябре 1869 года, Миклуха-Маклай сделал в совете Русского географического общества сообщение о своем желании совершить при поддержке Общества научное путешествие на острова Тихого океана. «Во время предстоящего мне путешествия (путешествие рассчитано лет на 7 или 8, а потому план его может быть начертан лишь в кратких и неопределенных чертах. Первые годы путешествия думаю провести на берегах тропических морей, а затем подвигаться постепенно на север, до берегов Охотского моря и северных частей Тихого океана. Первым же полем моей деятельности будет

Новая Гвинея; при этом вообще я руководствовался соображениями, которые не замедлю сообщить Географическому обществу) занятия мои, кроме специально-зоологических исследований, будут состоять также в метеорологических наблюдениях и исследованиях по антропологии и этнографии».

Предложение Миклухи-Маклая было поддержано двумя академиками — Бэром и Брандтом. Последний рекомендовал путешественника в особом письме как «талантливого и ревностного молодого человека, предпринявшего уже два путешествия, а также работавшего с отличным успехом в Германии. Плодом его занятий явились обогатившие науку исследования над плавательным пузырем акул, губками и по сравнительной анатомии мозга; в последней из этих работ он проводит новый взгляд на морфологическое значение частей головного мозга рыбы».

Но молодому исследователю нужна была небольшая сумма денег для приобретения необходимых научных инструментов, о чем он и просил Географическое общество.

О том, как он будет жить сам в течение тех семи или восьми лет, о которых говорил, Миклуха-Маклай не думал.

Вице-председатель Русского географического общества адмирал Литке, по болезни не присутствовавший на докладе Миклухи-Маклая, особенно отрицательно отнесся к предложению молодого ученого. Он нашел его проект чересчур смело задуманным и выходящим за пределы тех задач, которые непосредственно должны были интересовать общество. Литке даже отказался встретиться с Миклухой-Маклаем, когда тот захотел изложить ему свои соображения о предполагаемом путешествии.

Но Миклуха-Маклай отличался железной настойчивостью в достижении раз поставленных целей. Кроме того он уважал престарелого Литке как крупного исследователя, много потрудившегося для своей родины, и решил добиться свидания с ним. Во время происшедшего объяснения заслуженный адмирал был совершенно очарован молодым ученым, убедившись в его глубоких знаниях и прямом, решительном характере. Когда же Миклуха-Маклай заговорил о научных работах самого Литке, обнаруживая при этом редкую осведомленность и превосходное понимание всех вопросов, старый адмирал окончательно сдался и обещал ему полную поддержку.

Поддержка Литке и члена совета Русского географического общества, известного ученого П. П. Семенова, также заинтересовавшегося предложением Миклухи-Маклая, решила дело. Совет Общества согласился предоставить путешественнику

указанную им небольшую сумму денег и вошел в переговоры с морским ведомством, добиваясь разрешения для Миклухи-Маклая воспользоваться для совершения путешествия одним из русских военных кораблей, отправляющимся в дальнее плавание по Тихому океану.

Слух о том, что молодой ученый отправляется в Океанию, чтобы поселиться среди дикарей, считавшихся людоедами, быстро распространился в Обществе. Даже великая княгиня Елена Павловна пожелала посмотреть на Миклуху-Маклая, который, видимо, представлялся ей каким-то оригиналом-эксцентриком. Молодому ученому пришлось явиться на эту аудиенцию. Но с детства воспитанный в демократическом духе, он не питал к придворным церемониям ничего, кроме отвращения. Свидание с великой княгиней казалось ему скучной и ненужной тратой времени, он отвечал на ее вопросы сухо и коротко. После беседы обиженная княгиня с неудовольствием заявила, что редко ей приходилось встречать людей с таким самомнением и аффектацией. Ученый-демократ настолько чувствительно задел самолюбие тщеславной аристократки, что она до конца дней своих не хотела ничего слышать о Миклухе-Маклае даже тогда, когда о замечательной деятельности его заговорил весь мир.

Через год, 7 октября 1870 года, Миклуха-Маклай на общем собрании Русского географического общества изложил подробную программу намеченных им исследований. Программа эта была составлена на основании вопросов и указаний, предложенных крупнейшими учеными по просьбе самого Миклухи-Маклая. Так, например, вопросы по физической географии и метеорологии были составлены русским академиком Вильдом и берлинским профессором Дове; по этнологии и антропологии вопросы были предложены русским академиком Бэром и иенским ученым, профессором Геккелем; по политической экономии и социальном быту туземцев — членом совета Русского географического общества Семеновым и иенским профессором Бруно Гильдебрандтом. Сам Миклуха-Маклай прибавил к этому вопросы Чарльза Дарвина, изложенные им в инструкции для австрийской экспедиции в Восточную Африку и Южную Америку.

Таким образом, получилась обширнейшая программа работы, выполнение которой равнялось бы созданию целой научной энциклопедии по Новой Гвинее. К сожалению, Русское географическое общество без достаточного интереса отнеслось к проекту Миклухи-Маклая. Важнейшие вопросы по антропологии и этнографии туземцев казались большинству членов Общества чем-то далеким и для русской науки ненужным. Поэтому, кроме ходатайства перед морским ведомством о доставлении

путешественника на одном из военных кораблей, помощь Миклухе-Маклаю со стороны Общества выразилась только в небольшой субсидии в сумме 1350 рублей, да и то главным образом на покупку инструментов. Все же остальные расходы, связанные с многолетним пребыванием на неисследованном острове, ложились на плечи самого молодого ученого, не располагавшего никакими денежными средствами.

Но это не могло остановить Миклуху-Маклая. Полный энергии и энтузиазма отправлялся он в неизведанный путь, грозивший тысячами опасностей. О себе он не думал — его работа и жизнь принадлежали науке и человечеству.

НА БОРТУ КОРВЕТА «ВИТЯЗЬ»

17 апреля 1870 года русский военный корвет «Витязь», на котором находился Миклуха-Маклай, снялся с Кронштадтского рейда и отправился в кругосветное плавание, имея задание высадить путешественника на берегу Новой Гвинеи в том месте, где он укажет.

Перед отплытием корабля генерал-адмирал, великий князь Константин, осматривая судно, покровительственно обратился к Миклухе-Маклаю с вопросом, не может ли он что-либо для него сделать?

Ученый ответил с большим достоинством: «Все, что я желал, уже сделано, так как я уже нахожусь на корвете, который перевезет меня на берега Новой Гвинеи, и мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность за помощь моему предприятию».

Когда же князь еще раз предложил ему подумать сказать, не нуждается ли он в чем-либо еще, Миклуха-Маклай, нуждавшийся решительно во всем, спокойно ответил: «Так как цель моего путешествия в Новую Гвинею — научные исследования этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований и открытий не пропали для науки. Ввиду того, что я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить в Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки и от нравов туземцев, я принял предосторожность запастись несколькими медными цилиндрам для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен, если бы можно было устроить таким образом чтобы русское военное судно зашло через год или несколько лет в то место берега Новой Гвинеи, где я останусь, с тем чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были бы вырыты и пересланы Русскому географическому обществу».

Князь внимательно выслушал Миклуху-Маклая и, пожимая ему на прощанье руку, милостиво сказал, что не забудет ни его самого, ни его рукописей в Новой Гвинее Справедливость требует тут же отметить, что великий князь интересовался судьбой Миклухи-Маклая очень мало и если через год за молодым ученым по пути послан бы клипер «Изумруд», то это произошло главным образок потому, что газеты всего мира заговорили о предполагаемой гибели русского путешественника.

«Витязь» пересек Балтийское море, прошел датскими проливами в Северное море, затем через Ламанш вышел в Атлантический океан. Далее путь лежал к югу через экватор, к берегам Южной Америки, Магелланову проливу, а там его ждал необъятный простор Тихого океана.

Миклуха-Маклай впервые пересекал экватор. С нетерпением ожидал он минуты, когда «Витязь» очутится в Южном полушарии. Отчеты, которые посылал с дороги молодой ученый в Географическое общество, были сухи и кратки, но сам он, натура одаренная, поэтическая, живо воспринимал красоту щедрой южной природы. Впоследствии, в своих новогвинейских дневниках, он с замечательным художественным мастерством расскажет о чудесах экваториальной природы. Он окажется настоящим поэтом, для которого мир говорит шорохами деревьев и шелестом травы, легким журчаньем ручья и тихим дуновением ветра.

Дни и ночи проводил Миклуха-Маклай на палубе корвета, любуясь тропическим небом, густой синевой океана. Он вспоминал, как в детстве увлекала его прекрасная книга И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» неподражаемыми описаниями незнакомых стран и далеких океанов. «Скажите,— спрашивал Гончаров, — как назвать этот воздух, который, как теплые волны, омывает, нежит и лелеет вас, этот блеск неба в его фантастическом неописанном уборе, или цветы, среди которых утопает вечернее солнце?

Океан в золоте, или золото в океане, багровый пламенем, чистый, ясный, прозрачный, вечный, непрерывный пожар без дыма, без малейшей былинки, напоминающей землю. Покой неба и моря — не мертвый и сонный покой: этот покой как будто удовлетворенной страсти, в котором небо и море, отдыхая от ее сладостных мучений, любуются взаимно в объятиях друг друга...

Солнце не успело еще догореть, вы не успели еще додумать вашей думы, а оглянитесь назад: на западе еще золото и пурпур, а на востоке сверкают и блещут уже миллионы глаз: звезды и звезды, и между ними скромно и ровно сияет Южный Крест! Темнота, как шапка, покрыла вас... Но вот луна: она не тускла, не бледна, не задумчива, не туманна, как у нас, а чиста, прозрачна, как хрусталь гордо сияет белым блеском... Хлынул по морю и по небу ее пронзительный свет, она усмирила дерзкое сверканье звезд и воцарилась кротко и величаво до утра. А океан, вы думаете, заснул? Нет, он кипит и сверкает пуще звезд. Под кораблем разверзается пучина пламени, с шумом вырываются потоки золота, серебра и раскаленных углей. Вы ослеплены, объяты сладкими творческими снами... вперяете неподвижный

взгляд в небо: там наливается то золотом, то кровью, то изумрудной влагой Канопус, яркое светило корабля Арго, две огромные звезды Центавра. Но вы с любовью успокаиваетесь от нестерпимого блеска на четырех звездах Южного Креста: они сияют скромно и кажется, смотрят на вас так пристально и умно...»

12 февраля 1871 года показался берег Бразилии. Скала называвшаяся Сахарной Головой, указывала вход в Рио-Жанейрский залив. И вскоре якорь корвета упал на дно Рио-Жанейрского рейда.

Город и порт Рио-де-Жанейро, столица Бразилии, находится на берегу закрытого со всех сторон просторной залива. За городом высятся зеленеющие горы с Корковадо во главе.

Миклуха-Маклай тотчас отправился на берег. Все, что он видел, было необыкновенно, по-южному ярко и крикливо. В городе и на пристанях сновали негры всевозможных оттенков — от бурого до лоснящегося черного, в рубашках и полунагие; тут же лениво прохаживались бразильцы в черных сюртуках и цилиндрах. На рынках поражало несчетное количество апельсинов, мандаринов и чудесных бананов, а также обезьян и попугаев. Особенно понравился Миклухе-Маклаю ботанический сад с необыкновенна красивой аллеей королевских пальм, высоких и прямых, как точеные колонны. Днем в саду летали крошечные птицы-мухи и огромные бабочки, а вечером в воздухе носились светящиеся насекомые.

Из Рио-де-Жанейро Миклуха-Маклай отправил Географическому обществу письмо, сообщая о произведенном им измерении температуры Атлантического океана на глубине двух тысяч метров. Температура равнялась + 3,5° С. Цифра эта представляла интерес потому, что точно такая же температура и на такой же глубине была найдена на 40° севернее, у берегов Англии. Сопоставляя эти данные с теми, которые он нашел потом в Тихом океане, Миклуза-Маклай пришел к выводу, что гипотеза Гумбольдта о понижении температуры верхних слоев воды с приближением к берегу не подтверждается по отношению к тихоокеанским островам.

Корвет «Витязь» прошел мимо берегов Патагонии и вступил в Магелланов пролив. Это — одно из наиболее негостеприимных мест на земном шаре. Суровые ветры, дикие скалы, скудная растительность берегов пролива и, в особенности, островов Огненной Земли действовали на путешественников удручающе. Туземцы, которых они здесь видели, принадлежали к самым диким и жалким существам на земле. Миклуха-Маклай живо вспомнил, что о них говорил Дарвин, побывавший в этих местах

лет за тридцать до того: «Страна, где они живут, постоянно окутана туманом и обуреваема ветрами. Она состоит из беспорядочной массы диких утесов, высоких холмов и непроходимых лесов. Здесь только прибрежные камни могут служить приютом. В постоянных поисках пищи дикари вынуждены переходить с места на место. Им чуждо чувство привязанности к дому и к семье; муж относится к жене, как грубый хозяин к рабочему-рабу...

Да и что здесь может привести в действие высшие духовные способности: какая здесь пища воображению, какая работа рассудку для сопоставлений, суждений и решений? Чтобы снять раковину с утеса, не требуется даже самой низкой умственной способности — хитрости».

«Экипаж «Витязя» с чувством облегчения оставил берега Магелланова пролива и с нескрываемым удовольствием встретил спокойные воды Тихого океана. Корвет взял курс на Вальпарайсо, главный порт южно-американской республики Чили.

После Магелланова пролива климат Вальпарайсо всегда приводит в восторг путешественников. Сухой воздух, ясное и синее небо, солнце столь яркое, что кажется, будто отовсюду брызжет искрами горячая молодая жизнь, — все это составляет изумительный контраст скудной природы Огненной Земли.

В Вальпарайсо Миклуха-Маклай опять съехал на берег. Вид с рейда был очень красив: цепь крутых и высоких холмов поднималась над самым городом, вытянутым в одну длинную, широко раскинувшуюся улицу, идущую параллельно морскому берегу. В тех местах, где улицу пересекали овраги, дома теснились по их краям, а лишенные растительности склоны оврагов обнажали удивительно яркую красную почву. В северо-восточном направлении были довольно отчетливо видны Анды. Великолепной казалась гора Аконкагуа — громадная, неправильная коническая глыба, значительно превышавшая другую вершину — прославленный вулкан Чимборасо.

Несмотря на огромное расстояние, отделяющее Кордильеры от морского берега, горы были видны превосходно в сухом и необычайно прозрачном воздухе. Особенно хороши были их зубчатые очертания, когда заходящее солнце расцвечивало их нежными, разнообразными оттенками красок

Из Вальпарайсо Миклуха-Маклай совершил поездку в Сант-Яго и к горе Аконкагуа. Возвратясь оттуда, он отправил 13 мая 1871 года второе письмо Географическому обществу, сообщая о своих наблюдениях у берегов Патагонии и в Магеллановом проливе. В письме он говорил также о своем намерении посетить остров Пасхи, или, по-туземному, Рапа-Нуи, куда корвет

отправлялся из Вальпарайсо. Остров Пасхи, или Рапа-Нуи, был открыт в 1721 году мореплавателем Роггевином в первый день пасхи,— отсюда и европейское название острова. Остров поднимается совершенно обособленно из вод восточной части Тихого океана под 27°10' южной широты и 109°26' восточной долготы. Высшая его точка находится на высоте 615 метров над уровнем моря, общая же площадь равна 120 квадратным километрам. Остров вулканического происхождения, на нем имеются потухшие кратеры. Климат отличается обилием атмосферных осадков, способствующих поддержанию озерков и болот, но рек нет. Растительность и животный мир очень скудны. Население острова когда-то составляли полинезийцы, повидимому, переселившиеся сюда с соседнего острова Рапа.

На острове Пасхи особенно наглядны были результаты хозяйничанья европейских колонизаторов. Миклуха-Маклай знал, что еще в начале XIX века население острова доходило до трех тысяч человек, а теперь он оказался почти необитаемым.

Дело в том, что в 1863 году южно-американская республика Перу, нуждаясь в рабочих руках для разработки залежей гуано на островах Чинча, вывезла под видом «добровольного» найма почти половину жителей острова Пасхи. Этот пример вдохновил предприимчивого авантюриста капитана Борнье, который договорился с одним крупным плантатором, Брандлером, обещав доставить двести пятьдесят человек туземцев на его плантации на островах Таити, где рабочие почти сплошь погибали от неимоверной эксплоатации и жестокого обращения.

Капитан Борнье прибыл на остров Пасхи и приступил к вербовке туземцев. Встретив глухое сопротивление, он выжег на острове все деревни, уничтожил плантации, вырубил кокосовые пальмы и, когда туземцы очутились перед угрозой голодной смерти, милостиво согласился бесплатно поставить их на плантации к Брандлеру, шхуна которого все время стояла наготове у берегов острова Пасхи. Разумеется, несчастные туземцы вынуждены были согласиться на любые условия капитана Борнье и покинули свою родину, чтобы стать наемными рабами Брандлера.

А на опустевшем острове Пасхи капитан Борнье стал разводить овец, поставляя шерсть тому же Брандлеру Обо всем этом капитан Борнье лично рассказал Миклухо-Маклаю, цинично хвастаясь своей бесчеловечной жестокостью.

С чувством величайшего негодования слушал Миклуха-Маклай эту отвратительную историю и проникался глубоким сочувствием к тем, кого звери, подобные капитану Борнье, называли «дикарями», недостойными сожаления. Непобедимое

отвращение к «культурным» хищникам охватывало его. Он целиком отдался давно преследовавшей его мысли: как защитить туземцев Океании от грозившего им полного истребления?

На острове Пасхи Миклуха-Маклай видел гигантские памятники, представлявшие собой остатки древней, неизвестной культуры. Среди местного населения не сохранилось ни воспоминаний, ни легенд, объясняющих происхождение этих памятников, — так глубока была их древность. Впоследствии Миклуха-Маклай задавал себе вопрос, не остались ли эти памятники от жившего здесь в далекие времена папуасского племени, так как черепа, найденные им в могилах на острове Пасхи, в своих существенных чертах ничем не отличались от черепов жителей Новой Гвинеи, которые он имел возможность изучить превосходно.

Теперь же, прогуливаясь по правильным аллеям острова, вымощенным плитами, любуясь стенами, украшенными обелисками и исполинскими статуями из базальта, он поражался искусству и трудолюбию древних людей. Высота одной статуи, например, была не менее семи метров. Все памятники изображали фигуры людей с суровыми лицами — широкий лоб, выдающиеся надбровные дуги, длинный с крупными ноздрями нос, большой рот с тонкими губами. Большая часть статуй, идолов или надгробных фигур воздвигнута была на базальтовых карнизах внутри кратеров. Одна статуя осталась незаконченной, неотделенной от первоначальной горной породы; вокруг нее на земле валялись обсидиановые инструменты, скребки и ножи. По всей вероятности, этими инструментами и создавались чудовищные изваяния.

Миклуха-Маклай знал, что на этом же острове была сделана единственная в своем роде находка «говорящих табличек» — дощечек из дерева toromiro (акация с крепкими волокнами), на которых с большой тщательностью и правильными линиями изображены были различного рода предметы: рыбы, черепахи, змеи, растения, раковины, а также люди и их оружие; эти изображения— настоящие иероглифы. Правда, еще не доказано, что «говорящие дощечки», хранящиеся ныне в чилийском музее в Сант-Яго, были когда-либо прочитаны, но существует предание, что один житель острова Пасхи, умерший около середины XIX века, умел читать их и сам писал при помощи таких же знаков.

Наличие памятников на острове Пасхи свидетельствовало о том, что древние его обитатели обладали собственной, хотя и невысокой, культурой. В следующем своем письме Географическому обществу Миклуха-Маклай рассказал обо всем виденном, воздержавшись, однако, от собственных гипотез: он

поставил себе за правило говорить лишь о том, в достоверности чего мог убедиться сам на основе бесспорных фактов.

После двухнедельной стоянки у острова Пасхи «Витязь» взял курс на остров Питкери, куда и прибыл 2 июля 1871 года.

Несмотря на то, что корвет бросил якорь довольно далеко от берега, к нему подъехали туземцы на своих маленьких узких пирогах. Островитяне были одеты в рубашки и длинные штаны и говорили по-английски. В своих лодках они привезли груды апельсинов, бананов, ананасов и множество свиней, кур и уток. Денег они не брали, а выменивали свой товар на старое белье, посуду, порох и краски.

На Питкери Миклуха-Маклай встретил туземцев острова Пасхи, отправленных капитаном Борнье к плантатору Брандлеру. Многие туземцы не выдержали долгого морского перехода и задохнулись в тесном трюме шхуны, а некоторые, воспользовавшись остановкой у острова Питкери, сумели высадиться на берег. Но до какого состояния довели их белые эксплоататоры! С особенной остротой осознал Миклуха-Маклай, в чем причина вымирание целых народов, происходящего, как правило, при появлении европейских колонизаторов.

У острова Питкери интересное романтическое прошлое его прекрасно отобразил знаменитый английский поэт Байрон в своей замечательной поэме «Остров, или Христиан и его товарищи». Миклуха-Маклай помнил эту поэму почти наизусть; особенно же она нравилась ему тем что автор не скрывал в ней своего расположения к туземцам и поэтически изобразил океанийскую природу.

Поэма Байрона явилась откликом на действительное событие, имевшее место в 1787 году. Несколько вест-индских плантаторов и купцов задумали перенести и акклиматизировать в Вест-Индии хлебное дерево, в изобилии растущее на островах Таити и других островах Тихого океана. Приехав в Лондон, они обратились к английскому правительству с соответствующей петицией. По распоряжению правительства, в декабре того же года для этой цели было отправлено судно «Bounty» в 215 тонн водоизмещением, под командой лейтенанта Блая, плававшей прежде с знаменитым Куком. Экипаж «Bounty» состоял из сорока четырех человек.

В конце октября 1788 года экспедиция прибыла на Таити. В апреле следующего года, выполнив свою задачу — загрузив судно несколькими сотнями хлебных деревьев, пересаженных в горшки, бочки и ящики, лейтенант Блай поднял паруса и двинулся на запад, к Вест-Индии. Несмотря на исключительно грубое, деспотическое отношение командира корабля к матросам,

сначала все шло благополучно. Но на четвертой неделе плавания матросы не выдержали. Один из вахтенных, Флетчер Христиан, вместе с тремя другими схватили капитана, связали его и принудили перейти в спущенную с корабля шлюпку, куда перевели также и восемнадцать человек из команды, оставшихся верными своему командиру. Затем буксир был отдан и шлюпка оставлена на произвол судьбы. Блай с восемнадцатью матросами поплыли к западу и, пройдя с различными приключениями двести лье, благополучно прибыли в бухту Купанг на северо-западном берегу острова Тибор.

Корабль «Bounty» с оставшейся на нем командой в двадцать пять человек направился к востоку и прибыл сначала на Тубуай (остров на юге группы Товарищества), оттуда на Таити, где сошли на берег четырнадцать человек, в числе которых находился мичман Джордж Стюарт, упоминаемый в поэме Байрона под вымышленным именем Торквиль. Флетчер Христиан и с ним восемь человек экипажа, шесть туземцев и двенадцать туземок отплыли далее на восток в неизвестном направлении.

Вернувшись в Англию в марте 1790 года, Блай донес правительству о «жестоком, разбойничьем и возмутительном поступке» экипажа «Bounty», как он назвал справедливое возмущение матросов.

Несмотря на то, что английское общественное мнение в значительной степени было на стороне Христиана и его товарищей, так как жестокость Блая была хорошо известна, правительство отправило в Тихий океан военный фрегат «Пандору» для поимки возмутившихся матросов «Bounty».

В конце марта 1791 года «Пандора» прибыла на Таити, а в начале мая удалось захватить четырнадцать человек матросов «Bounty», не пожелавших ехать далее с Христианом. Пойманные матросы были на фрегате «Пандора» отправлены в Англию.

Что же касается Христиана и его восьми товарищей, то их нигде не могли найти и посчитали погибшими. Только через двадцать пять лет, когда вся эта история была уже основательно забыта, английская эскадра, крейсировавшая в Тихом океане, подошла к маленькому уединенному острову Питкери, лежащему в тысяче двухстах милях к западу от Таити. Командир эскадры Стайн намеревался найти место, удобное для якорной стоянки, и исследовать заброшенный островок. Приблизясь к берегу, он был очень удивлен, увидав хижины, плантации и двух туземцев, спускавших на воду лодку. Изумление его увеличилось еще более, когда туземцы, подойдя к нему, заговорили по-английски. Из разговора с этими «дикарями» капитан Стайн выяснил, что они — потомки матросов корабля «Bounty» а один из них — сын самого

Христиана.

Возвратясь в Англию, Стайн сообщил о своем открытии; это вызвало настоящую сенсацию во всей Европе. Общественное мнение Англии было крайне заинтересовано историей беглецов-робинзонов. Байрон находился в это время в Италии и готовился принять участие в греческой революции. Судьба Христиана и его товарище; привлекла его внимание тем, что они, сбросив иго деспотизма, сумели основать свободную колонию на отдаленном острове, совсем в духе многочисленных утопий XVIII века

В свое время Байрон испытывал на себе сильное влияние Руссо и, подобно ему, считал, что «пока люди довольствовались грубыми хижинами, пока они одевались в звериные шкуры, сшитые рыбьими костями, украшались перьями и раковинами, расписывали тело красками, — они жили вольными, здоровыми, добрыми и счастливыми, поскольку к этому способны от природы, и пользовались прелестью взаимных отношений». Он утверждал, что «чистота человеческой души возможна только без растлевающей заразы цивилизации». Легко понять, как воспринял английский поэт историю Христиана и его товарищей. Он увидел в ней подтверждение всех своих утопических идеалов и создал на основе ее апофеоз «Острова Блаженных».

Вспоминая романтическую историю команды «Bounty», Миклуха-Маклай смотрел на берега острова Питкери и заново переживал все события, ощущал глубокое их созвучие своим собственным затаенным мыслям о будущей жизни среди свободных народов Гвинеи.

У острова Питкери «Витязь» пробыл недолго. Далее путь его лежал к острову Уполу в архипелаге Самоа.

С острова Уполу 17 августа 1871 года Миклуха-Маклай направил четвертое письмо Географическому обществу, в письме он сообщал, между прочим, что им наняты двое слуг, которые должны остаться с ним в Новой Гвинее. Один из них, швед, по имени Ульсон, когда-то служивший матросом китоловного судна, был добродушный малый, ленивый и малоразвитый. Он надеялся подработать немного денег, чтобы вернуться на свою северную родину, где у него оставалась жена, и, видимо, плохо представлял себе, в каких условиях и сколько времени ему придется жить с Миклухой-Маклаем среди папуасов Новой Гвинеи, иначе скромное вознаграждение, предложенное ему русским путешественником, вряд ли соблазнило бы его.

Другой слуга — полинезиец с острова Ниуе — назывался Боем. Это — обычное имя, дававшееся англичанами всем слугам-туземцам, независимо от их возраста. Миклуха-Маклай брал с собой Боя, рассчитывая, что он сможет оказаться полезным в

будущих сношениях с туземцами Новой Гвинеи.

НОВАЯ ГВИНЕЯ

Корвет «Витязь» оставил архипелаг Самоа и вышел к конечному пункту путешествия русского ученого — Новой Гвинее.

Экипаж корвета неоднократно спрашивал Миклуху-Маклая, почему он выбрал для своих исследований именно берег Новой Гвинеи. Путешественник отвечал так: «Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, то есть в состоянии, в котором люди жили и живут до более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и так далее). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития, или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали второстепенное внимание.

С другой стороны, еще, такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления, вследствие обстоятельства, что расы эти, как цветные, при столкновении с европейской цивилизацией с каждым годом исчезают. Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель — исследование первобытных народов — мне казалась достойной посвятить ей несколько лет жизни. Совершенно согласно с моими желаниями повидать другие части света, и знания мои подходящи для такого предприятия. Занятия анатомией человека и медициной могли значительно облегчить антропологические работы, которыми я думал заняться. Но где найти эти первобытные племена людей вне влияния других, поднявшихся на сравнительно высшую ступень цивилизации».

И Миклуха-Маклай пояснял, что именно громадный, малоисследованный остров Новая Гвинея представляет достаточно благоприятные условия для такой работы.

Первое смутное упоминание о Новой Гвинее имеется в письме флорентинца Корсали, посланном в 1515 году Юлиану Медичи. Корсали говорят о существовании обширнейшей земли, возможно, целого материка, к востоку от Молуккских островов. Хотя, повидимому, в письме речь идет о Новой Гвинее, но честь подлинного открытия громадного острова принадлежит португальцу Георгу де-Мерезису, перезимовавшему в 1526—1527 годах на северо-западной оконечности Новой Гвинеи.

В 1528 году другой мореплаватель, испанец Альваро да-Сааведра, проплыл к югу от экватора вдоль одного берега, который тянулся к юго-востоку на протяжении нескольких градусов долготы. Несомненно, это был берег Новой Гвинеи. В 1545 году мореплаватель Ортис де-Ретис дал новым землям имя Новой Гвинеи, или Папуазии, и присоединил их к владениям испанской короны. Однако в то время еще не знали, составляет ли открытая земля большой остров или является частью того южного материка, который, как тогда предполагали, должен был существовать в южном полушарии в качестве противовеса северным материкам Старого света.

Только в 1606 году испанец Торрес, обойдя подводные камни опасного пролива, названного впоследствии его именем, доказал, что Новая Гвинея, или Папуазия, представляет собой громадный остров. Но его открытие было тщательно скрыто в манильских архивах, так как испанское правительство хотело рассматривать все лежащие к югу земли частью и продолжением материка, присоединенного Ретисом к Испании. Поэтому важное в географическом отношении открытие Торреса оставалось неизвестным человечеству в течение полутора веков, до тех пор, пока англичане, овладев в 1762 году столицей Филиппинских островов Манилой, не нашли в испанских государственных архивах донесения самого Торреса; они, разумеется, не сочли нужным делать из него тайны и оповестили об открытии Торреса весь мир.

Несмотря на то, что берега Новой Гвинеи изредка посещались мореплавателями и общие очертания их были известны, страна в целом оставалась совершенно неисследованной. Грозные рифы около ее берегов, неприступные леса, непроходимые болота и губительный для европейцев тропический, влажный, лихорадочный климат лучше всего охраняли ее от белых завоевателей. Поэтому население Новой Гвинеи смогло сохранить свой первобытный вид и образ жизни, а также избежало расовых смешений и влияний. Все это представляло для Миклухи-Маклая исключительно благоприятные возможности для решения основных антропологических вопросов.

Когда русский путешественник приближался к берегам Новой Гвинеи, этот большой остров номинально принадлежал европейским странам. Западная его часть входила в колониальные владения Нидерландов, а на восточную претендовала Англия. Фактически же там не появлялся еще ни один европеец.

7 сентября 1871 года экипаж корвета «Витязь» увидал высокий, покрытый облаками северо-восточный берег Новой

Гвинеи. Это произошло на триста сорок шестой день после отплытия корабля из Кронштадта. Не только Миклуха-Маклай, но и весь экипаж корвета с волнением всматривался в незнакомые очертания земли, где должен бы остаться путешественник на неопределенно долгое время. Что его ждет? Быть может, его убьют дикари, которых считали людоедами? Или страшный, изнурительный климат острова принесет ему медленную смерть? Во всяком случае каждый представлял себе драматические минуты, когда корвет уйдет отсюда и путешественник останется один перед лицом явных и тайных опасностей.

Корвет шел настолько близко к берегу, что можно было совершенно отчетливо различить среди зелени кокосовых пальм светлые крыши хижин и отдельные фигуры людей. День кончался. Быстро наступал звездный тропический вечер. Из темных туч на вершинах гор часто сверкала молния, но грома не было слышно.

Утром командир корвета Павел Николаевич Назимов спросил Миклуху-Маклая, в каком месте он желает быть высаженным. Ученый пристально вглядывался в причудливые очертания берега, который должен был дать ему приют, быть может, на долгие годы, и наконец указал на более высокое место, предполагая, что оно будет и более здоровым.

Мальчик (лет 8—10) из деревни Горенду (рис. М.-Маклая).

После этого он решил отправиться на берег, которому отныне предстояло называться на всех географических картах мира «берегом Маклая». Не желая ехать на шлюпке в сопровождении вооруженных матросов, которые могли бы испугать или обидеть туземцев, Миклуха-Маклай спустился со своими слугами, Ульсоном и Боем, в маленькую лодку, подаренную ему капитаном Назимовым, и поплыл к берегу.

В одном месте берега, —- писал путешественник в своем дневнике, — я заметил белый песок и направился к этому месту, казавшемуся уютным и красивым уголком. Высадившись тут, я увидал узенькую тропинку, проникавшую в чащу леса. Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям.

Пройдя шагов тридцать по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и

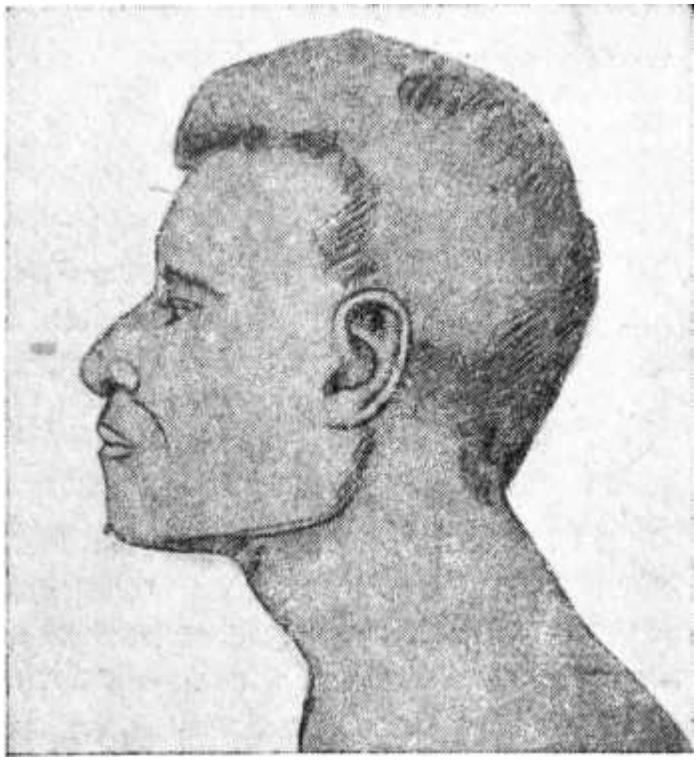
очень приветливый вид. Средина площадки была хорошо утоптана, а кругом росли пестрые лиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темнозеленом фоне окружающей зелени, а яркопунцовые цветы китайской розы и желто-зеленые и желто-красные листья разных видов кротонов и Coleus оживляли общую картину леса, кругом состоявшего из бананов, пандануса, хлебных деревьев, ореховых и кокосовых пальм. Высокий лес ограждал площадку от ветра.

Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы только что покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там — брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какой-то корой и заколочены накрест пластинами расколотого бамбука. Двери двух хижин, однако, остались открытыми, — видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте двух футов, так что представлялись скорее окнами, чем дверями, и составляли единственное отверстие, через которое можно было проникать в хижину.

Я подошел к одной из таких дверей и заглянул внутрь.

В хижине было темно, — с трудом можно было различить находившиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука, на полу несколько камней, между которыми тлел огонь и которые служили опорой стоявшего на них сломанного глиняного горшка; на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, — человеческий череп.

Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что все казалось мне скорее сном, чем действительностью.



Бонем, житель деревни Горенду (рис. М.-Маклая).

В то время, как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Он оглянулся и, видя, что я один, без всякого оружия и знаками прошу его подойти, остановился. Я медленно приблизился к дикарю и молча подал ему красную тряпку. Он принял ее с видимым удовольствием и повязал себе на голову.

Папуас этот был среднего роста, темношоколадного цвета, с матово-черными, курчавыми, как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом, полускрытым торчащими усами и бородой. Весь костюм его состоял из какой-то серой тряпки шириною около восьми сантиметров, повязанной в виде пояса, и двух плотно обхватывающих руку над локтем перевязей — род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей, или браслетов, был заткнут зеленый лист бетеля, за другую — на левой руке — нож из гладко обточенного куска кости (как я убедился потом, кости казуара). Дикарь был хорошо

сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица первого моего знакомца показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он меня будет слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню.

На площадке я нашел моих слуг Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу плитку табаку, с которым тот, однако же, не знал, что делать, и, молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля.

Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они, молча и не двигаясь, стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и в полном смысле слова притащить к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, я сел посреди на камень и принялся наделять их разными мелочами: косами, гвоздями, крючками для уженья рыбы и полосками атласной материи. Назначения гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался их принять.

Около меня собралось человек восемь папуасов. Они были различного роста и почти одинакового цвета кожи, только один из них резко отличался по своему типу от моего первого знакомого. Это был человек выше среднего роста, худощавый, с крючковатым выдающимся носом и очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка краснобурых волос, из-под которой сзади спускались на шею крученые пряди волос, совершенно похожие на трубообразные локоны жителей Новой Ирландии. Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовались в виде веера несколько черных и белых перьев казуара и какаду. В ушах были продеты большие черепаховые серьги, а в носовой перегородке — бамбуковая палочка толщиною в очень толстый карандаш с нарезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. п., висела небольшая сумочка, а на левом плече — другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами. У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которыми были заткнуты различные предметы, — у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плечах висели каменные топоры, а некоторые держали в руках почтенных размеров (почти в рост человека) и стрелу более метра

длины. При различном цвете волос — то совершенно черных, то выкрашенных красной глиной — прически их были различны: у иных волосы стояли шапкой на голове, у других были коротко острижены, но у всех были курчавые, как у негров. Волосы на бороде также завивалась в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых.

Так как солнце уже, село, я решил вернуться на корвет. Вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали, все было положено в шлюпку».

Такова первая запись в дневнике Миклухи-Маклая на берегу Новой Гвинеи. Уже эти строки ярко рисуют и самого путешественника и метод его отношений с туземцами. Для него все они — полноценные люди, хотя и обладающие несколько наивной психикой. Каждый из них — потенциально «нормальный» человек в фейербаховском смысле, и отношения к ним должны строиться на «антропологическом принципе». Как резко противостоит эта оценка мнении большинства европейских путешественников, которые упорно считали этих «дикарей» только полуживотными! А сколько у молодого русского ученого подлинного гуманизма и живой симпатии к беззащитным папуасам!

В наше время, когда большая африканская страна — Абиссиния — стала жертвой фашистского садизма, когда японские, германские, итальянские «цивилизаторы» уничтожают миллионы мирных жителей, женщин, детей в Китае Испании, у себя дома под тем предлогом, что они «дикари» или «низшая» раса, — Миклуха-Маклай каждой мыслью каждой строчкой своей, каждым мгновением своей жизни обличает гнусность и цинизм авторов человеконенавистнической и позорной расистской теории фашизма.

НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ

«Витязь» еще стоял у берегов Новой Гвинеи, когда Миклуха-Маклай занялся устройством своего жилища. Он выбрал место на выступающем в море мысе, около которого протекал небольшой ручей и росли большие деревья. Это место, называвшееся, как он потом узнал Гарагасси, казалось ему наиболее подходящим: отсюда было недалеко до туземных деревень, и в то же время местность была настолько изолирована, что поселение здесь новых людей никак не могло стеснить папуасов.

Хижина Миклухи-Маклая в Гарагасси.

Было еще одно место, даже более удобное, для постройки жилища, но Миклуха-Маклай заметил, что поблизости от него на берегу туземцы держали свои пироги. Русский путешественник считал, что если он хочет заслужить доверие и расположение туземцев, то прежде всего не следует причинять им никаких неудобств. Поэтому он решил строить хижину в Гарагасси.

Благодаря дружеской помощи экипажа «Витязя» постройка хижины была закончена быстро. Очистив площадку от

кустарников и мелких деревьев, матросы забили толстые сваи, на которых должен был стоять легкий домик из досок. Доски для будущего жилища Миклуха-Маклай предусмотрительно закупил еще на островах Таити. Но, к сожалению, их оказалось недостаточно и хватило только на нижнюю часть домика. Верхнюю половину стен и двери пришлось сделать из брезента. Впрочем, путешественник отнесся к этому с полным равнодушием, хотя брезент не обещал быть надежной защитой от непогоды. Миклуху-Маклая охватывало одно желание: поскорее остаться одному и начать свою научно-исследовательскую работу.

Капитан Назимов, зная, что Миклуха-Маклай имеет очень ограниченное количество продовольствия, распорядился выгрузить для путешественника продукты из своего собственного запаса. Туземцы, сначала напуганные появлением большого количества белых людей, видя, что им никто не делает зла, стали показываться около Гарагасси и наблюдать, как плотники строят хижину. Туземец, которого Миклуха-Маклай увидел первым в деревне, проявлял к путешественнику явную симпатию. Когда плотники окон чили постройку и ушли из Гарагасси, а Миклуха-Маклай, Ульсон и Бой начали устраиваться, Туй (так звали туземца) быстро догадался, что на берегу останутся только эти трое. Желая оказать услугу путешественнику, он выразительной мимикой попытался объяснить ему, что когда корвет уйдет, туземцы обязательно нападут на дом в Гарагасси и убьют всех троих. Туй показал на корвет, неподвижно стоявший на ослепительно синей воде залива, затем на далекий горизонт и махнул рукой. После этого он ткнул поочередно своим черным пальцем Миклуху-Маклая, Ульсона и Боя, а затем вниз, к земле. Убедившись, что его понимают, Туй показал на лес, произнес названия нескольких соседних деревень и сделал вид, что выходит из леса и начинает рубить хижину. Это означало, что туземцы названных деревень придут и разрушат жилище путешественника. Потом Туй выпрямился, отставил одну ногу назад, закинул правую руку над головой, как будто бросая копье, подошел к Миклухе-Маклаю, несколько раз ткнул его пальцем в грудь, полузакрыл глаза, открыл немного рот и, высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю. Совершенно то же проделал он и с Ульсоном и Боем. Трудно было бы яснее изобразить участь, ожидавшую троих чужестранцев после ухода корвета.

Ульсон и Бой были серьезно взволнованы этой пантомимой и тревожно переглядывались, а Миклуха-Маклай, забывая об опасности, с интересом наблюдал эту сцену, констатируя сообразительность и находчивость папуаса и думая, что со

временем получит еще большие данные для опровержения лженаучной и реакционной теории неравноценности человеческих рас.

Впрочем, он не оставил предостережения Туя без внимания. С помощью экипажа корвета Миклуха-Маклай заложил вокруг своего жилища несколько мин и теперь мог в любую минуту защитить себя от внезапного нападения, конечно, он понимал, что убить его туземцы всегда смогут, если захотят, так как все время сидеть в Гарагасси он не собирался, — не для этого он приехал в Новую Гвинею! Ведь изучение антропологии и быта туземцев было возможно лишь при условии общения с ними. Поэтому в день отплытия корвета Миклуха-Маклай выбрал место, где можно было бы зарыть рукописи, если не будет надежды самому дождаться возвращения корабля. Он показал это место офицерам «Витязя» и тепло простился с ними.

В последний раз шлюпка с матросами отчалила от берега. Миклуха-Маклай распорядился, чтобы Ульсон, в виде прощального салюта, спустил русский флаг, развевавшийся над мысом Гарагасси с момента, когда на берег вступила нога русского путешественника, но малодушный Ульсон не смог этого сделать, руки его дрожали, глаза были полны слез, он тихонько всхлипывал. Миклуха-Маклай спустил, флаг сам, а Ульсону предложил, пока еще не поздно, вернуться на корвет. Уже тогда русскому путешественник стало ясно, что на помощь этого труса в дальнейшем рассчитывать не придется. Однако Ульсон остался.

Едва корвет скрылся из виду, пришел Туй и подозрительно стал все осматривать. Особенное недоумение вызвали у него рычаги заложенных мин, назначения которых он понять не мог. Затем Туй удалился, но через некоторое время вернулся вместе с толпой вооруженных папуасов, принесших подарки, — кокосовые орехи и сахарный тростник. Несмотря на вооружение, туземцы были настроены миролюбиво, и от самого путешественника зависело теперь, какой оборот примут их отношения в будущем.

Миклуха-Маклай ласково принял подарки и тотчас отблагодарил туземцев кусками красной материи, бусами и гвоздями. Но он не хотел, чтобы папуасы вели себя бесцеремонно в Гарагасси, и мимикой показал им, чтобы они шли домой, так как он хочет спать.

Первую ночь в Новой Гвинее трое пришельцев провели тревожно. Они поочередно дежурили, опасаясь нападения. Впрочем, Миклуха-Маклай, любуясь великолепием тропической ночи, меньше всего думал о смертельной опасности, грозившей им.

Хотя ночь прошла без каких бы то ни было происшествий, —

все трое чувствовали себя наутро страшно утомленными бессонницей. Миклуха-Маклай решил отменить ночные дежурства. Он считал, что энергия и силы понадобятся им для более продуктивной деятельности. Но Ульсон и Бой, потихоньку от него, продолжали свои ночные бдения.

Первые дни в Гарагасси Миклуха-Маклай провел за разборкой вещей. Туземцы проявляли удивительную деликатность. Видя, что русский путешественник почти не выходит из дома, они старались не мешать и не появлялись даже поблизости. Тишина и безлюдие тропического мира делали Миклуху-Маклая положительно счастливым. «Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель, — писал он в своем дневнике, — чего мне больше?

Море с коралловыми рифами с одной стороны и лес с тропической растительностью с другой — оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака с не менее фантастическими формами. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели, или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели...»

Постепенно Гарагасси стало местом, куда охотно приходили туземцы. Миклуха-Маклай всегда приветливо встречал гостей и в беседе с ними накапливал запас туземных слов. Он буквально не выпускал из рук записной книжки. Но изучить язык папуасов было не так-то легко, и дело подвигалось медленно. «Очень трудно, — говорит Миклуха-Маклай, — заставить понять себя, если слово, которое хочешь сказать, не просто название предмета».

Вот как, например, узнавал он папуасские слова хорошо и плохо. Он брал в одну руку предмет, который нравился туземцам, а в другую руку — вещь, не имеющую в их глазах никакой цены. Показывая сначала первый предмет, он говорил по-русски хорошо, делая при этом довольное лицо. Туземцы, зная, что на русское слово они должны говорить свое, отвечали ему по-папуасски. Тогда он показывал туземцам второй предмет и говорил плохо отбрасывая предмет в сторону с пренебрежительной гримасой. В ответ он слышал другое папуасское слово.

Но вот беда. Проделывая в разное время этот опыт, он получал часто совершенно разные слова. Один раз ему казалось, что хорошо по-папуасски будет *казь*, а другой раз *ваб*. Потом он убедился, что *казь* означает табак, а *ваб* — горшок. Дело в том, что в одном случае он держал в руке пачку табаку, который

туземцы очень ценят а в другом горшок, вещь, также для папуасов необходимую. Только по прошествии многих месяцев удалось ему, наконец, установить, что хорошо по-папуасски будет *ауе*, а плохо — *борле*.

Убедившись, что Туй и его земляки из деревни Горенду вполне освоились с ним в Гарагасси, Миклуха-Маклай решил сам нанести им визит. Отправляясь в первый раз в папуасскую деревню без приглашения туземцев, один, он задумался — брать или не брать с собой оружие? Конечно, он не знал, какой прием ожидает его в деревне, но после непродолжительного раздумья решил, что револьвер ему не поможет. Даже пустив его в дело в случае нападения он мог уложить на месте человек пять-шесть туземцев Возможно даже, что остальные, напуганные действием огнестрельного оружия, не посмели бы тронуть путешественника. Ну, а дальше? Отношения навсегда испортились бы и, рано или поздно, туземцы нашли бы случай отомстить ему. Но если бы и этого не случилось, — все равно научно-исследовательскую работу среди туземцев пришлось бы прекратить, и его пребывание на этом берегу потеряло бы всякий смысл.

Взвесив все это, он решил итти в деревню невооруженным. Неуверенный в том, хватит ли у него выдержки остаться совершенно спокойным в момент крайней опасности и не пустить в ход в целях самообороны оружие, — он сознательно оставил револьвер дома и взял с собой только записную книжку и карандаш.

Деревня Горенду (рис. М.-Маклая).

Миклуха-Маклай направился в Горенду — ближайшую от его

дома деревню: там он имел много знакомых туземцев, неоднократно навещавших его в Гарагасси. Но в лесу он попал не на ту тропинку и незаметно для себя отклонился в сторону. Заметив свою ошибку, он решил, что возвращаться не стоит — не все ли равно, в какую папуасскую деревню ему итти. Риск был приблизительно одинаков.

Совершенно уверенный, что тропинка обязательно приведет его в какую-нибудь деревню, он продолжал итти, размышляя о туземцах. Вдруг из-за густой зелени кустарников он ясно услышал голоса туземцев, среди которых легко можно было различить мужские и женские. Он остановился, раздумывая, как ему поступить.

В этот момент около него появился мальчик лет четырнадцати. С секунду оба смотрели друг на друга в недоумении. От неожиданности мальчик, казалось, потерял способность двигаться. Опасаясь напугать его еще больше, Миклуха-Маклай также стоял неподвижно. Наконец, мальчик пришел в себя и стремительно бросился в деревню. Мгновенно раздалось несколько громких возгласов, среди которых выделялся особенно пронзительный женский визг, — и все стихло.

Решив, что медлить больше незачем, Миклуха-Маклай неторопливо вышел на площадку. Посредине ее стояла толпа вооруженных копьями мужчин, которые оживленно говорили между собой. Поодаль виднелась другая толпа вооруженных мужчин. Ни женщин, ни детей не было, — очевидно, они успели спрятаться.

При виде путешественника некоторые туземцы, стоявшие впереди, приняли воинственные позы, потрясая копьями и как бы готовясь бросить их в незваного пришельца. Миклуха-Маклай, делая вид, что не обращает никакого внимания на их угрозы, медленно подвигался вперед. Каждую секунду он ждал, что удачно брошенное копье оборвет его жизнь. Но отступать было бессмысленно. Так спокойно дошел он до одной из хижин, около которой остановился и повернулся лицом к туземцам. В то же мгновение возле самого его лица, одна за другой, пролетели две стрелы и воткнулись в дерево, стоявшее за хижиной. Повидимому, не все туземцы одобрили этот поступок, потому что среди них разгорелся спор, и некоторые обратились к Миклухе-Маклаю, указывая на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены в птицу, сидевшую там. Путешественник решил, что его просто испытывают.

Никак не реагируя на поведение туземцев, Миклуха-Маклай продолжал внимательно их разглядывать, надеясь встретить хоть одного знакомого из тех, что бывали у него в Гарагасси, но

таковых не оказалось. Кругом виднелись хмурые, встревоженные физиономии, как бы говорившие: Зачем ты пришел, зачем нарушаешь нашу покойную, налаженную жизнь.

Путешественнику стало как-то неловко: и в самом деле, зачем он пришел сюда из далекой России? Нужно ли стеснять мирное существование этих людей?

Авель, туземец деревни Горенду (рис. М.-Маклая).

Тем временем число туземцев все прибывало. Очевидно, в соседних деревнях успели уже узнать о появлении странного белого человека. Постепенно вокруг Миклухи-Маклая образовалось кольцо наиболее воинственно настроенных папуасов. Они громко разговаривали, враждебно поглядывая на путешественника и размахивая копьями. Один из них, возбужденный, казалось, больше других, внезапно размахнулся копьем на непрошенного гостя. Движение было замечательно быстрым и точным. Миклуха-Маклай даже не пошевельнулся, и

копье резко остановилось в нескольких сантиметрах от его глаза.

Миклуха-Маклай был очень доволен, что не взял с собой револьвера, так как сохранить хладнокровие при таком бесцеремонном обращении было действительно трудно: он невольно отошел шага на два в сторону.

Спокойствие путешественника умиротворяюще действовало на папуасов. Раздались голоса, порицавшие чрезмерно воинствующих сородичей. Но положение все-таки было напряженным. Обе стороны чувствовали себя неловко, не предпринимая ничего решительного. Попытаться уйти Миклуха-Маклай не мог. Его охватила апатия; события последних минут сильно утомили нервы. Объясниться же с туземцами он не умел.

В эту секунду взгляд его упал на новую цыновку, лежавшую около хижины. Ярко освещенная лучами солнца проникавшими сквозь зелень пальмовых листьев, цыновка располагала к отдыху. Миклуха-Маклай оттащил ее немного в тень и лег на нее. Сразу стало легко и спокойно. Он закрыл утомленные ярким светом глаза.

Но тяжелые башмаки мешали ему. Усилием воли он за ставил себя сесть и расшнуровать ботинки. Эта процедура необычайно заняла туземцев. Теперь стало совсем удобно и он опять лег и закрыл глаза. Толпа туземцев, стоявших полукругом в некотором отдалении, с детским любопытством глядела на него. Один из них наклонился над башмаками и, казалось, весь погрузился в их созерцание.

Лежа с закрытыми глазами, Миклуха-Маклай припомнил все детали случившегося и подумал, что, если уж суждено быть убитым, то не все ли равно, как это произойдет, — стоя, сидя, лежа на цыновке или же во сне. К этому присоединилась мысль, что если бы при этом два три, даже шесть папуасов также поплатились бы жизнью было бы весьма слабым утешением. И он снова ощутил радость, что не взял с собой револьвера.

Уже сквозь дремоту он слышал голоса птиц. Резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял его проснуться. Зато грустная песня коки и однообразный треск цикад успокаивали нервы и клонили ко сну.

Проснулся Миклуха-Маклай часа через два. По положению солнца он легко определил, что было уже не меньше трех часов пополудни. Он чувствовал себя очень освеженным. Прежних усталости и апатии как не бывало. Туземцы продолжали сидеть полукругом около цыновки, шагах в двух от спавшего путешественника. Они разговаривали вполголоса, мирно жуя бетель.

Открыв глаза, Миклуха-Маклай заметил, что они убрали

оружие, и вид их был далеко уже не такой воинственный и угрюмый, как два часа назад. Он еще раз пожалел, что не знает языка папуасов и не может объяснить им цели своего посещения и выразить дружеские к ним чувства. Поднявшись с цыновки, Миклуха-Маклай стал приводить свой костюм в порядок. Папуасы попрежнему с любопытством следили за каждым его движением. Миклуха-Маклай кивнул головой в разные стороны и пошел обратно по тропинке, которая привела его в эту деревню. Он чувствовал себя уверенно и хорошо; путь домой показался ему короче, чем утром.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ «КАМЕННОГО ВЕКА»

Дни шли за днями. Приглядываясь к папуасам, Миклуха-Маклай все больше и больше убеждался в полной несостоятельности теорий о существовании «низших» рас, неспособных к умственному развитию. Наоборот, многочисленные примеры убеждали его в природной сообразительности и понятливости туземцев. Так, однажды он расспрашивал Туя о названии ближайших к Гарагасси деревень. Чтобы не забыть, он сделал на бумаге план местности и отмечал на нем приблизительное положение деревень и их названия. Туй, внимательно следивший за рисунком, видимо, понимал, в чем дело. По крайней мере, когда Миклуха-Маклай стал называть деревни, указывая место их на карте. Туй исправлял не только произношение названий, но и самый рисунок. Лучшего доказательства смышлености и способности к интеллектуальному развитию папуасов нельзя было себе представить.

Миклуха-Маклай убеждался также на каждом шагу, что и в нравственном отношении туземцы ничуть не отставали от культурных народов. Например, однажды Туй попросил у него топор. Путешественник немедленно исполнил просьбу Туя и затем нарочно не напоминал ему о взятой вещи, сделав вид, что забыл о ней. Через несколько дней Туй сам вернул топор, — он был ему больше не нужен.

Еще одно обстоятельство отметил Миклуха-Маклай в жизни папуасов. Они имели обыкновение часто обмениваться подарками, но это нисколько не походило на товарообмен. Они дарили то, чего у них было много, и никогда не ждали ответного отдаривания.

Не прошло и месяца со дня поселения путешественника в Новой Гвинее, как лихорадочный экваториальный климат острова дал себя знать. Первым заболел Бой. Болезнь помощника затруднила, но не остановила научных работ Миклухи-Маклая. Режим его рабочего дня не изменился даже когда заболел второй помощник — Ульсон.

Ежедневно русский ученый вставал в пять часов утра, когда солнце еще не появлялось над горизонтом, и отправлялся совершать свой туалет к речке; мелкий речной песок с успехом заменял ему забытое мыло. После умывания он приготовлял себе чай, а в семь часов аккуратно записывал температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, показание барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в

эвапорометре, вынимал из земли зарытый на один метр глубины термометр и также записывал показанную им температуру. Закончив метеорологические наблюдения, он отправлялся или в лес за насекомыми, или на коралловый риф за морскими животными. Далее шла работа с микроскопом и препарирование добытого материала. В одиннадцать часов — завтрак, затем сон в гамаке до часу. В это самое знойное время тропического дня не только европеец Миклуха-Маклай, но и туземцы предпочитали укрываться в своих полутемных, прохладных хижинах.

После отдыха — опять метеорологические измерения и наблюдения, потом приведение в порядок записей, сделанных в карманной книжке, писание дневника или чтение какой-либо книги, привезенной из России. В это время его обычно посещали папуасы, и молодой ученый прерывал занятия ради наблюдения и изучения своих новых знакомых, что, в сущности, и составляло основную цель его приезда в Новую Гвинею.

Около шести часов вечера он обедал, съедая тарелку отваренных чилийских бобов с небольшим куском говядины, и пил одну-две чашки чаю. Конец дня посвящался домашним делам: чистке ружей, уборке комнаты и т. д. В восемь часов — снова метеорологические наблюдения и сон на жесткой постели, сделанной из двух составленных рядом корзин, покрытых одеялом.

Каждый день приносил что-нибудь новое в изучении психологии и интеллекта туземцев. Однажды Ульсон сказал Миклухе-Маклаю, сидевшему за рабочим столом, что пришел Туй. Молодой ученый вышел, но увидел вместо Туя незнакомого папуаса. Не понимая, как Ульсон мог так ошибиться, Миклуха-Маклай начал расспрашивать папуаса, кто он и откуда. Папуас в ответ только странно улыбался, а потом показал на принесенные им осколки стекла и дотронулся до своего подбородка. Загадка объяснилась сразу. Перед Миклухой-Маклаем действительно стоял Туй, но гладко выбритый и от этого неузнаваемо изменившийся. Молодой ученый вспомнил, что накануне он нечаянно разбил бутылку, а присутствовавший при этом Туй с его разрешения подобрал осколки. Миклуха-Маклай думал, что Туй берет блестящие осколки для украшения, но оказалось, что Туй самостоятельно дошел до открытие режущих свойств стекла и применил его как бритву.

Через несколько дней открытие Туя распространилось по соседним деревням, и с тех пор туземцы предпочитали получать в подарок не бусы, а куски разбитых бутылок, которыми они стали пользоваться не только для бритья, но и для шлифовки всевозможных деревянных изделий, Так Миклуха-Маклай обрел

новое доказательство не только изобретательности туземцев, но и способности быстро усваивать полезные нововведения.

Вскоре Миклуха-Маклай убедился также, что примитивные постройки папуасов вовсе не являются следствием их дикости, а, наоборот, строго продуманы и полностью отвечают местным условиям. Личный опыт показал русскому ученому, что папуасские шалаши, сплетенные из гибких растений и представлявшие собой конические крыши на высоких сваях, были куда удобнее и практичнее его собственного домика, построенного на европейский лад искусными плотниками корвета «Витязь». За месяц пребывания путешественника на Новой Гвинее частые тропические ливни насквозь пробили крышу его жилища и грозили уничтожить все вещи, оставшиеся без прикрытия. Произошло это в силу недостаточной покатости крыши европейского дома, на которую со страшной силой обрушивались потоки дождя, в то время как остроконечные крыши туземных шалашей получали только касательные удары тяжелых капель.

К концу первого месяца здоровье Боя, Ульсона и самого Миклухи-Маклая настолько ухудшилось, что стало серьезной помехой в его научных занятиях. Тропическая лихорадка чрезвычайно ослабила организм путешественника. Однажды ночью он услышал страшный вой туземцев и громкие звуки барума (папуасского барабана) и утром решил пойти в деревню Горенду, посмотреть, что там происходит. Однако по дороге он почувствовал себя плохо и вынужден был сесть на какой-то пень, с которого едва не свалился от слабости. Сквозь яркую зелень пальм на землю падали ослепительные лучи солнца; от этого казалось, что воздух, как живой, движется зеленовато-белыми пятнами. От земли шла душная испарина, плотно облеплявшая тело, и мокрая рубашка становилась нестерпимо тесной и тяжелой. Молодой ученый едва нашел в себе силы вернуться и тотчас же лег на свою жесткую постель. Приступы лихорадки то усиливались, то ослабевали.

Огромным усилием воли Миклуха-Маклай заставлял себя выполнять ежедневную работу.

Папуас из деревни Бонгу (рис. М.-Маклая).

Бой с каждым днем чувствовал себя хуже. Ульсон и Миклуха-Маклай понимали, что их спутник скоро умрет. Молодой ученый очень жалел, что не поселился в Новой Гвинее один, потому что его помощники только обременяли его лишними заботами. Необходимо было преодолевать собственную болезнь, напрягать всю волю, чтобы держаться на ногах и продолжать вести научные наблюдения и в то же время выполнять домашнюю работу. Теперь папуасы особенно часто стали навещать дом в

Гарагасси: их интересовало, могут ли пришельцы умереть. Визиты Туя стали ежедневными. Даже в холодную погоду, когда термометр показывал 22° Ц., что для Новой Гвинеи было уже совсем низкой температурой, Туй все же явился, захватив с собой своеобразную переносную печку — толстое тлеющее полено. Он с необыкновенной ловкостью перекладывал его с одной стороны на другую, чтобы равномерно обогревать все тело. Миклуха-Маклай понял, каким образом папуасы легко обходятся без теплой одежды в любую погоду.

Постепенно в Гарагасси стали являться папуасы из всех, даже отдаленных, деревень, куда только проникал слух о появлении

белого человека. При виде путешественника пришельцы прежде всего испытывали сильнейший испуг и делали попытку бежать. Когда же другие папуасы их удерживали, они начинали нервно смеяться и приходили в сильное возбуждение. Впрочем, вскоре отношения устанавливались вполне дружественные.

Видя молодого ученого постоянно безоружным, папуасы все же не могли допустить, что у него совсем нет оружия и, чтобы проверить его, неоднократно предлагали ему свои копья, лук и стрелы. К всеобщему удивлению, Миклуха-Маклай всегда шутливо отклонял их предложения.

После этого туземцам, повидимому, стало неловко приходить с оружием в Гарагасси. Все же, на всякий случай они оставляли спрятанными в кустах, недалеко от дома путешественника, несколько человек с оружием. Миклуха-Маклай делал вид, что не замечает их предосторожности и постепенно туземцы привыкли чувствовать себя в Гарагасси в полной безопасности.

Через два месяца после приезда в Новую Гвинею Миклуха-Маклай записал в своем дневнике: «5 ноября. Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, — повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка. Одним словом — на все руки, и всем рукам дела много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; больше догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Далу, житель деревни Бонгу (рис. М.-Маклая).

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня... Дело идет на лад; моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верной. Не я к ним вхожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мной. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорей со своей добычей.

Одно досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден, единственное средство для преодоления недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности, очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы, при моих посещениях, бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте. В Гарагасси же они терпеливо отвечают на

вопросы, позволяют рассматривать, мерить и рисовать себя. К тому же в Гарагасси у меня все под рукою: и инструменты для антропологических измерений и для рисования.

Нелишним является и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения и для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или вообще различные мелочи, которые папуасы носят с собой всюду подмышкой, в особых мешках».

Миклуха-Маклай не упускал случая производить антропологические наблюдения. Сначала туземцы не позволяли измерять их головы, но потом привыкли, считая, по всей вероятности, что таков обычай встречать гостей у белых людей. Особенное внимание уделял русский ученый собиранию коллекций волос. Как известно, изучение волос представителей различных рас имеет большое значение в антропологии. Но собирать образчики волос туземцев было чрезвычайно трудно. Когда Миклуха-Маклай в первый раз поднес ножницы к голове Туя, намереваясь отрезать прядь его волос, Туй пришел в такой ужас, что бросился бежать и не подходил к путешественнику до тех пор, пока тот не отложил ножницы.

Только находчивость Миклухи-Маклая помогла ему и здесь победить недоверие туземцев. Он отрезал ножницами прядь своих собственных волос и подал Тую, объяснив, что за это ожидает получить его волосы. Тронутый любезностью и вниманием своего белого друга, папуас немедленно согласился, и Миклуха-Маклай, беспрепятственно выбрав на голове Туя наиболее подходящие волосы, срезал их.

Пока ученый завертывал образчик волос в бумагу и делал необходимые для себя записи об их владельце, Туй с полной серьезностью старался следовать его примеру. Он сорвал с ближайшего куста лист, аккуратно завернул в него волосы Миклухи-Маклая и убрал их в свой мешок, куда обычно прятал ценные, с его точки зрения, вещи. Теперь молодой ученый не сомневался, что необходимую коллекцию волос туземцев он соберет: лишь бы хватило собственных, а со стороны папуасов он не встретит отказа. Каждый из них будет считать честью поменяться волосами с путешественником! В один прекрасный день Ульсон обратил внимание ученого на то, что тот выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло от того, что, держа ножницы в правой руке, ему удобнее было срезать волосы на левой стороне головы. Посмотрев в зеркало, Миклуха-Маклай искренно расхохотался. Поправить ошибку было нетрудно — он стал теперь стричь волосы с правой стороны.

В конце ноября здоровье Боя резко ухудшилось. Ульсон тоже чувствует себя плохо, а вид умирающего Боя еще более угнетал

его. Визиты папуасов в Гарагасси участились. Как-то пришел Туй и заговорил о том, что Бой скоро умрет, что Виль (то есть Ульсон) болен и Маклай останется один, и Туй поднял один палец. Придут люди из Бонгу и Гумбу, — продолжал он, теперь уже указывая на все пальцы рук и ног, что значило много людей, — придут и убьют Маклая. Туй изобразил, как ученому проколют копьем шею, грудь, живот, и жалобно стал причитать: «О, Маклай! О, Маклай!»

«Хотя Миклуха-Маклай хорошо понимал, что пророчество Туя легко может сбыться, он постарался обратить все в шутку, уверяя, что ни Бой, ни Виль, ни он Маклай — не умрут. Туй недоверчиво смотрел и продолжал тянуть жалобным голосом: «О, Маклай! О, Маклай!»

Как бы в подтверждение опасения Туя вечером в Гарагасси пришли несколько человек из соседних деревень стали настойчиво спрашивать, придет ли когда-нибудь за Маклаем корвет?

Миклуха-Маклай, принявший за правило никогда не обманывать туземцев, очень затруднялся ответом. Сказать — «не знаю когда», он не хотел, а назвать точный срок не мог. Вместе с тем, уклончивый ответ, пожалуй только усилил бы опасность, грозившую ему, — папуасы станут смелее, если подумают, что корвет не вернется совсем. Молодой ученый вышел из трудного положения следующим образом: он разрезал лист бумаги на несколько тонких полосок, сказав, что каждая полоска обозначает два дня, и передал всю пригоршню одному из пришедших туземцев. Вся толпа папуасов немедленно обступила сородича, который начал считать полоски. Но скоро он запутался. Тогда у него отняли бумажки и дали другому, который сел на землю и, подозвав к себе на помощь еще одного, стал считать. Сидящий раскладывал на коленях бумажные полоски и каждый раз говорил: «Наре, наре (один, один). Помогавший ему повторял слово «наре» загибал при этом палец на руке. Когда пальцы обеих рук были загнуты, он опустил оба кулака и сказал: «Две руки». Тогда третий папуас загнул у себя один палец. После второго десятка папуас опять загнул палец и после третьего десятка еще один палец; на четвертый десяток бумажных полосок нехватило.

Папуасы остались довольны результатом своего счета. Но Миклуха-Маклай, с интересом наблюдавший за ними смутил их. Он взял одну бумажную полоску, показал два пальца и сказал: «бум, бум», то есть два дня.

«Счет начался снова, и на этот раз не так удачно. Наконец, папуасы перестали считать, тщательно завернули все бумажные полоски в лист хлебного дерева и понесли их пересчитывать к

себе в деревню.

«Счетные приемы папуасов настолько заинтересовали путешественника, что он на время забыл об ожидающих его неприятностях. Между тем, Бой умирал, а на трусливого Ульсона положиться было нельзя. Как ни доверял Миклуха-Маклай своим новым друзьям, однако, допускал, что во время его отсутствия незнакомцы могут напасть на Ульсона и уничтожить все научные коллекции, записки и дневники. Он стал подумывать, не пора ли положить ему свои рукописи в металлические цилиндры и зарыть в условленном месте до прибытия корвета.

Той же ночью, часу в двенадцатом, Миклуха-Маклай проснулся от отчаянного вопля Ульсона: «Идут, идут!» Действительно, слышался шум приближающихся людей. И вдруг при ярком свете факелов показалась толпа папуасов, вооруженная стрелами и копьями. Папуасы кричали: «Маклай! Гена, гена!» (иди сюда). Молодой ученый в первый момент никак не мог понять, что происходит. Ульсон быстро принес ему винтовку и прерывающимся голосом стал умолять: «Не пускайте их итти дальше!» Воинственный вид туземцев, казалось, не предвещал ничего хорошего. Но Миклуха-Маклай не потерял хладнокровия. Он спокойно предложил туземцам подойти ближе и сказать, чего они хотят. Папуасы приблизились, дружески протягивая ему только что пойманную в ночной ловле рыбу. Принимая подарок, Миклуха-Маклай пожалел, что он не живописец и не может достаточно ярко запечатлеть всю неповторимую красоту тропической ночи и почти фантастическую группу вооруженных папуасов, освещаемых желтоватым светом факелов. Ему казалось, что каким-то чудом он перенесся на десятки тысяч лет назад, в те времена жизни нашей планеты, когда вот так возвращались люди каменного века с охоты и так же весело окликали друг друга возгласами «Еме-ме! Еме-ба!».[11]

Передав свой подарок путешественнику, папуасы мирно удалились в соседнюю деревню.

МИР, ДОВЕРИЕ И БРАТСТВО

Бой умер в начале декабря. Миклуха-Маклай сказал Ульсону, что хоронить его необходимо этой же ночью, так как в тропическом климате Новой Гвинеи разложение трупа начинается сейчас же после смерти. Кроме того, похоронить Боя надо незаметно, чтобы туземцы этого не видели. Поэтому могилу рыть днем нельзя, ночью же вырыть глубокую могилу трудно, а похоронить тело необходимо как можно глубже: собаки могут отрыть труп, и тогда смерть Боя станет сразу известной туземцам. Исходя из этих соображений, Миклуха-Маклай решил воспользоваться ночной темнотой и бросить тело в море, предварительно зашив его в мешок и положив туда побольше камней. Так как Ульсон боялся прикасаться к мертвецу, молодому ученому пришлось зашивать труп самому. Затем они осмотрели небольшую шлюпку, оставленную им командиром «Витязя», и, приведя ее в полную готовность стали ждать вечера.

Прежде чем похоронить Боя, Миклуха-Маклай хотел взять его мозг для научного исследования. Бой был полинезиец и с антропологической точки зрения не мог не интересовать молодого ученого. Услыхав о намерении хозяина, суеверный Ульсон стал отчаянно умолять его не принимать на свою душу столь страшного греха. Конечно, не мольбы Ульсона помешали ученому осуществить свое намерение. Просто в доме не оказалось достаточно большой склянки для хранения мозга. Пришлось ограничиться кусками кожи со лба и головы.

Ночью Миклуха-Маклай и Ульсон понесли труп в шлюпку, при этом в темноте Ульсон оступился и упал, а покойник повалился на него. Перепуганный швед не смел кричать, опасаясь привлечь внимание папуасов, и с отчаянием в душе продолжал тащить мертвое тело. Наконец, все было готово, и шлюпка вышла в море. Но в этот момент из-за ближайшего мыса показались пироги папуасов, ехавших на ночную рыбную ловлю. На носу каждой пироги горело полено, и свет этих своеобразных фонарей ярко отражался в воде. Миклуха-Маклай и Ульсон понимали, что, заметив шлюпку, папуасы обязательно подъедут к ним, и длинный мешок с телом Боя привлечет их внимание. Что подумают, когда догадаются о содержании подозрительного мешка?

— Будем грести сильнее, — сказал Миклуха-Маклай Ульсону, — может быть, ускользнем.

Но шлюпка застряла на мели или на рифе и не подвигалась.

Изо всех сил они стали отталкиваться веслами — безуспешно. Миклуха-Маклай готов был спрыгнуть в воду, несмотря на присутствие многочисленных акул, и попытаться столкнуть шлюпку. К счастью, он заметил, что задерживал их невобранный второпях и зацепившийся за камни на дне канат, которым она обычно привязывалась к причалу. В одну минуту канат был перерезан, и шлюпка двинулась вперед.

«Мы гребли молча, — записывал потом в дневнике Миклуха-Маклай, — и отсутствие огня на шлюпке было, вероятно, причиной, что нас не заметили, так как факелы пирогах освещали ярко только ближайшие предметы вокруг них. Туземцы были усердно заняты рыбной ловлей. Ночь была тихая и очень теплая; от огней на пирогах шли длинные столбы отблеска на спокойной поверхности моря. Каждый взмах весел светился тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны богатой и разнообразной жизни. Я пожалел, что нечем было зачерпнуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости схоронить его. Любуясь картиной, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим. Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги удаляются от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя, наконец, на милю приблизительно от мыса Габима, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро пошел ко дну; я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь».

Наутро в Гарагасси явился Туй в сопровождении ещ$_e$ одного папуаса, и они с жаром стали убеждать Миклуху-Маклая отпустить к ним Боя, уверяя, что они его сумеют вылечить. Молодой ученый отклонил их предложение и, чтобы отвлечь мысли папуасов от болезни Боя, решил проделать опыт над их впечатлительностью. Он взял блюдечко, вытер его на глазах папуасов досуха и налил туда немного спирта. Потом взял стакан воды, отпил из него глоток и предложил папуасам сделать то же. Затем он подлил несколько капель воды из стакана в спирт на блюдечке и зажег смесь. Спирт загорелся. Туземцы, раскрыв рот, с изумлением отступили назад. Тогда путешественник стал брызгать горящим спиртом на землю. Папуасы не выдержали и бросились бежать, не в силах даже крикнуть, — до такой степени страх сжал им горло.

По прошествии некоторого времени они вернулись, ведя за собой толпу туземцев. Все хором стали умолять Миклуху-Маклая показать, «как вода горит». Ученый охотно исполнил их просьбу. Эффект и на этот раз был непередаваемый. Одни бросились

бежать, прося путешественника «не зажигать моря», другие продолжали стоять молча, словно окаменев и потеряв способность двигаться.

Миклуха-Маклай мог быть вполне доволен. Опыт над впечатлительностью папуасов удался как нельзя лучше.

Никто из них больше не вспоминал о болезни Боя, и по всем окрестным деревням только и было разговора, что о горящей воде».

С каждым днем рос не только авторитет молодого ученого среди туземцев, но и доверие к нему, переходившее понемногу в прочную привязанность. Папуасы все более убеждались, что Маклай — их друг. Каждый день в Гарагасси приходили теперь больные, уверенные, что они получат облегчение. Правда, из-за недостатка лекарств Миклуха-Маклай часто не мог оказать им надлежащей помощи, но то, что было в его средствах, он делал всегда без отказа.

Так прошло четыре месяца жизни русского ученого в Новой Гвинее. За это время он еще больше полюбил чудесный мир тропического острова. В дневнике он писал 10 февраля: «Сегодня погода была особенно приятная: слегка пасмурно, тепло (29° Ц.) — совершеннейший штиль. Полная тишина прерывалась только криком птиц и почти постоянной песнью цикад. Монотонность освещения сменялась проглядывающим по временам лучом солнца. Освеженная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла стены моего палаццо; далекие горы казались более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами; потом опять мало-помалу все тускнело и успокаивалось. Глаз тоже отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо... Мне кажется, что если бы не болезнь, я здесь непрочь был бы остаться навсегда, то есть не возвращаться никогда в Европу... Жалеешь, что нехватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать...»

Долгое время не хотел Миклуха-Маклай показывать папуасам действия огнестрельного оружия. Однако необходимость заставила его это сделать. Деревни, расположенные близ Гарагасси, были встревожены известием о готовившемся нападении на них людей Марагум-Ману, с которыми они давно уже находились во враждебных отношениях. Нападение могло угрожать и дому Миклухи-Маклая. Он решил принять некоторые меры самообороны и сообщил об этом своим друзьям-папуасам. Когда они узнали, что Маклай поможет им обороняться от нападения людей Марагум-Ману, восторгу их не было границ.

Было решено, что в случае нападения женщины, дети

отправятся в «таль» (дом) Маклая, под его защиту. Чтобы успокоить папуасов за участь их семейств, Миклуха-Маклай счел нужным показать им, какими средствами защиты он располагает. Он взял ружье и выстрелил. Громкий выстрел так испугал туземцев, что они в панике бросились бежать и потом не хотели возвращаться до тех пор, пока путешественник не отнес ружье обратно в дом.

Теперь папуасы не только не боялись нападения людей Марагум-Ману, но сами предлагали Миклухе-Маклаю напасть на них. Разумеется, русский ученый отклонил это предложение. Распространяющаяся среди папуасов молва о его могуществе отнюдь не льстила путешественнику. Он приехал сюда не господствовать над слабыми туземцами, подавляя их страхом, а изучать их и помогать им. Он знал, что хищные европейцы скоро появятся на берегу Маклая и будут истреблять папуасов оружием и спиртными напитками. Ему хотелось предохранить своих друзей от этой участи, а для этого прежде всего нужно было сплотить их в мире и дружбе, предотвратить кровавые стычки туземцев между собой. Он стремился сделать их жизнь более культурной и обеспеченной. Из России он вывез семена множества полезных растений, которые были здесь им высеяны и в ближайшее время, дав плоды, должны были увеличить пищевые ресурсы папуасов. Он добивался полного доверия к себе туземцев, хотел доказать на примере собственной своей деятельности здесь, что вполне возможно мирное превращение так называемых «дикарей» в равноправных сотрудников цивилизованных наций.

С величайшим вниманием и интересом наблюдал и изучал он все особенности быта папуасов, находя в нем много хорошего и достойного сохранения. Особенно нравились ему те дружные пиршества, которые устраивала одна какая-нибудь деревья для других, демонстрируя этим чувство солидарности и дружелюбие к соседям.

Марамай, туземец о-ва Били-Били (рис. М.-Маклая).

Однажды Миклуха-Маклай сам принял участие в таком пиршестве, устроенном в Горенду. Когда он пришел, на широкой площадке посредине деревни уже собрались все пирующие и шел дележ мяса. Соблюдалась самая строгая справедливость. Мясо было нарезано на равные порции, и Туй громко вызывал каждого гостя, называя его по имени и прибавляя слово «тамо» —человек. Едва успел молодой ученый приблизиться, как Туй уже выкрикнул: «Маклай, тамо русс!»—и протянул ему порцию из нескольких кусков мяса, положенных на свежий зеленый лист. Гостю указали и глиняный горшок, в котором он мог сварить

свою порцию сам.

Миклуха-Маклай с большим любопытством следил не только за самим пиршеством, но и за сопровождавшим его концертом. Около каждого папуаса лежали музыкальные инструменты. Участники пиршества по временам отрывались от еды и хватали какой-либо инструмент стараясь извлечь из него наиболее оглушительные звуки, чтобы превзойти, если можно, своего предшественника. От такой своеобразной музыки у Миклухи-Маклая скоро разболелась голова, и, как ни хотелось ему остаться до конца пиршества, он вынужден был сказать Тую, что уходит домой. Однако туземцы не хотели отпустить его, не дав ему всей его порции кушанья; они положили ее в корзину, выложенную внутри свежими листьями хлебного дерева. Эта порция была так велика, что Миклуха-Маклай едва поднял корзину. При этом он не мог не пожалеть папуасов, которые, по обычаю, должны были съесть такие же порции в один прием.

Достаточно изучив деревни, расположенные на берегу Маклая, русский путешественник решил предпринять небольшую экскурсию на близлежащий островок Били-Били, который русские моряки назвали «Витязем» в честь своего корвета.

Миклуха-Маклай отправился с Ульсоном в путешествие на своей шлюпке и вскоре достиг островка. Там он встретил много знакомых папуасов, которые по нескольку раз бывали у него в гостях в Гарагасси. Один из них, по имени Каин, пользовался здесь большим влиянием. Миклуха-Маклай заметил, что среди туземцев часто встречались люди, носившие древние библейские имена, но он не хотел строить гипотез, объясняющих это странное явление, так как всегда был осторожен и добросовестен в своих заключениях. По данному вопросу он, повидимому, не располагал никакими достоверными сведениями и только отметил это интересное обстоятельство в своей записной книжке.

Островок Били-Били так понравился молодому ученому, что он даже подумал, не переселиться ли ему сюда на жительство. Но островок был мал и так густо заселен, что пришлось бы стеснить туземцев. Этого Миклуха-Маклай не хотел делать, и мысль о жизни на уютном островке была отброшена.

Каин, влиятельный туземец о-ва Били-Били (рис. М.-Маклая).

Миклуха-Маклай узнал, что большинство жителей островка занимаются сельским хозяйством на материке, а у себя дома они выделывают прекрасные горшки из глины, которые славятся по всему берегу Маклая.

Горшки из Били-Били путешественник видал потом в самых отдаленных деревнях берега.

Он прожил в Били-Били два дня, сделав очень много интересных наблюдений, после чего вернулся к себе в Гарагасси. Во время его отсутствия папуасы не раз приходили туда, но никто не осмеливался войти в дом, хотя дверь не была заперта. Они были очень удивлены внезапным исчезновением путешественника, и некоторые даже думали, что он таинственным способом отправился в Россию. Зато все были чрезвычайно обрадованы, когда путешественник благополучно вернулся.

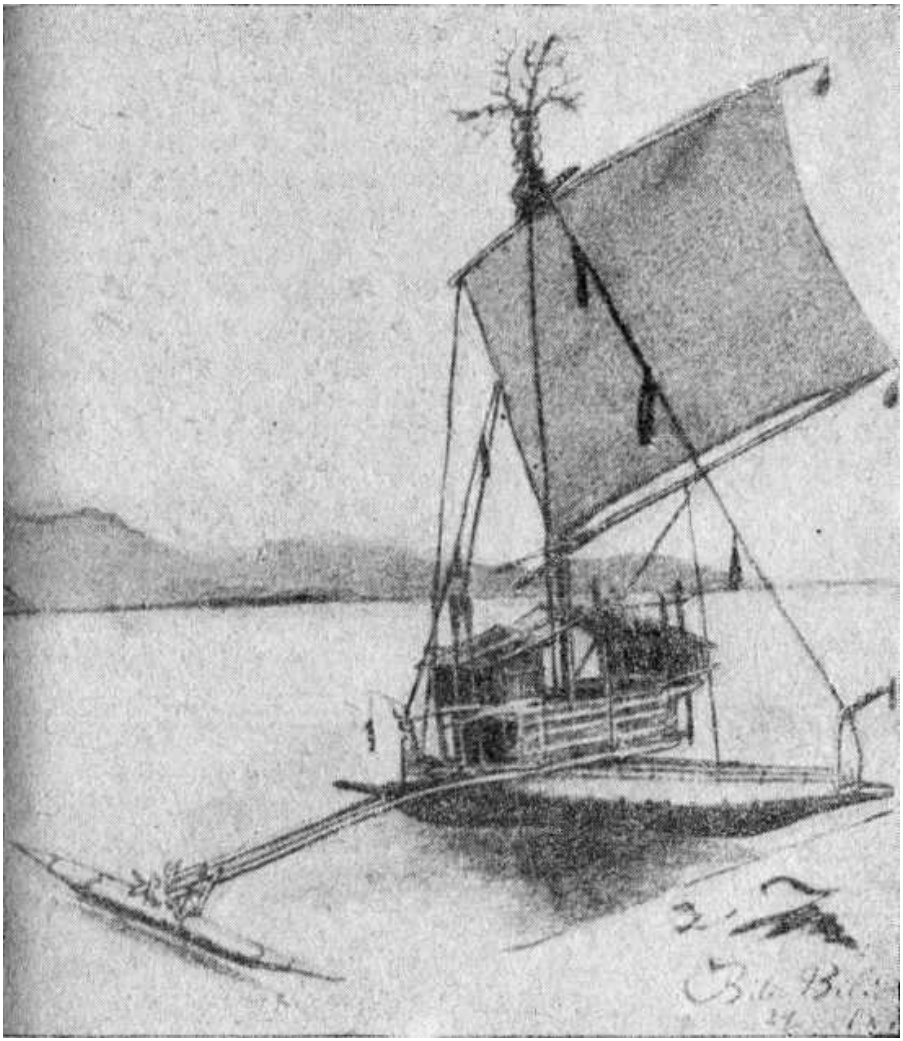
После первой экскурсии Миклуха-Маклай задумал вторую. Теперь он решил отправиться в глубь Новой Гвинеи в горную деревню Теньгум-Мана. Эта деревня интересовала его, как одна

из наиболее высоко расположенных по горному хребту, носящему у туземцев общее названий Мана-Боро-Боро (европейское название «Гора Финистер»). Жители этой деревни уже бывали в Гарагасси и Миклуха-Маклай даже подвергал их антропологическим измерениям, но он хотел посмотреть их в домашней обстановке.

Встав, по обыкновению, рано утром, он взвалил себе на плечи небольшой ранец, с которым исколесил в студенческие годы всю южную Германию и Швейцарию, и отправился в дорогу. Ульсона он оставил в Гарагасси, а из деревни Бонгу взял нескольких папуасов в качестве проводников до Теньгум-Мана.

Путь до горной деревни был долгий и трудный. Пришлось переходить вброд несколько ручьев и взбираться на крутые горные склоны. Появление белого человека в Теньгум-Мана произвело, говорит Миклуха-Маклай, «действие панического страха: мужчины убегали, женщины прятались в хижины, закрывая за собой двери, дети кричали, а собаки, поджав хвосты и отбежав в сторону, начинали выть».

Обычная манера путешественника, полная достоинства и спокойствия, подействовала умиротворяюще.



Лодка с балансиром и хижиной жителей о-ва Били-Били (рис. М.-Маклая).

Миклуха-Маклай быстро освоился со своими новыми знакомыми. В этой деревне он впервые увидал среди папуасов человека, казавшегося начальником.

Это был туземец по имени Минам, распоряжавшийся и кричавший больше всех. Остальные туземцы его слушались. Никакими внешними украшениями Минам не отличался от прочих, но Миклуха-Маклай не ошибся, приняв его за главное лицо в Теньгум-Мана. «Такие субъекты, род начальников, — отметил в своей записной книжке ученый, — встречаются во всех деревнях. Они не имеют особенного названия... Около них обыкновенно группируется известное число туземцев, исполняющих их приказания».

В этой же деревне путешественник наблюдал еще такую сценку. Маленькая девочка вертела в руках связанный концами шнурок. Приблизившись к ней, Миклуха-Маклай увидел, что она проделывает со шнурком те же самые фокусы, какие любят делать ее ровесники в Европе. У маленькой папуаски и маленьких европейцев оказались одинаковые вкусы и одинаковые понятия.

На обратном пути Миклуха-Маклай заметил толстый ствол упавшего дерева, на котором были вырублены какие-то фигурки. Они представляли собой, как убедился ученый, первые проявления письменности, первые шаги в изобретении так называемого идеографического письма. Человек, рисовавший углем, краской или вырубавший топором такие фигурки, хотел выразить известную мысль, изобразить какое-нибудь событие. Эти фигурки не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение. Знаки, которые увидел Миклуха-Маклай, имели очень грубые формы и состояли всего из нескольких линий. Значение их, вероятно, понимал только вырубивший их, да те. кому он объяснил смысл своих иероглифов. Из своей экскурсии в Теньгум-Мана Миклуха-Маклай вынес очень важное убеждение, что папуасы находятся уже на той ступени развития, когда начинают появляться первые начатки письменности.

В непрерывных трудах и наблюдениях незаметно прошел год пребывания Миклухи-Маклая на Новой Гвинее. За этот год авторитет его среди папуасов возрос настолько и обаяние его личности оказалось таким сильным, что папуасы уже не могли представить себе, как они останутся жить без Маклая.

В памятную годовщину его приезда они явились в Гарагасси и стали серьезно убеждать его поселиться среди них навсегда и не возвращаться в Россию. Чтобы связь с берегом Маклая стала еще теснее, они предлагали ему жениться, взять одну, двух, трех или сколько он пожелает жен. По всему было видно, что папуасы долго думали над своей просьбой и пришли к единодушному решению.

Тронутый их искренними просьбами, Миклуха-Маклай ответил, что покидать совсем берег Маклая он не намерен, что если он и уедет отсюда, то временно и скоро вернется опять. А жен ему не нужно, так как они слишком разговорчивы и шумливы, чего он не любит.

Миклуха-Маклай был очень доволен результатами своего годичного пребывания среди папуасов. В дневнике он писал об этом так: «В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев, и, в случае нужды, могу быть уверенным в их помощи. Я готов и рад буду остаться несколько лет на этом

берегу. Но три пункта заставляют меня призадуматься, будет ли это возможно: во-первых, у меня истощается запас хины, во-вторых, я ношу последнюю пару башмаков и, в третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов».

Последнее обстоятельство было особенно существенно, так как продовольственные запасы Миклухи-Маклая давно уже иссякли, и он поддерживал свое и Ульсона существование охотой. Конечно, папуасы не отказали бы ему в братской помощи, но он не хотел чем-либо затруднять их, тем более, что в это время года они сами испытывали недостаток в продуктах питания.

ДРУГ ПАПУАСОВ

Начавшийся второй год жизни на берегу Маклая был особенно труден для путешественника. Частые приступы лихорадки, а также преобладание растительной пищи до того расслабляюще подействовали на него, что едва мог волочить ноги. От своих обычных экскурсий он вынужден был отказаться, ограничившись редкими прогулками в ближайшие деревни за провизией. Остальное время он сидел дома, где работы стало очень много, так Ульсон совершенно одичал в одиночестве и не хотел ничего делать. «Мне этот ленивый трус противен, — писал в дневнике Миклуха-Маклай, — я почти не говорю с ним и не удостаиваю даже приказывать ему; достаточно с моей стороны, что я переношу его присутствие, кормлю и пою его, когда по лени или болезни он не хочет или не может двигаться с места».

7 декабря 1872 года, на рассвете, молодой ученый, ночевавший в эту ночь в деревне Бонгу, был разбужен взволнованными возгласами папуасов, кричавших: «Биа, биа!» («Огонь, огонь!»). Потом подбежало еще несколько туземцев, крича: «Маклай, о Маклай, корвета русс гена; биарам боро!» («Маклай, о Маклай, русский корвет идет; дым большой!»).

Это известие заставило путешественника забыть сон. Еще не веря принесенной новости, он быстро оделся и направился к берегу. В прозрачной дали по сверкающему морю разносился дым парохода! Хотя корпуса еще не было видно, но по могучим трубам можно было догадаться, что это — военное судно и что оно приближается. Какой бы национальности судно ни было, необходимо было привлечь его внимание. Надо было дать знать о себе на родину, отправить в Русское географическое общество собранные здесь коллекции и письменный отчет о результатах своих антропологических изучений.

Миклуха-Маклай немедленно направился в Гарагасси. Подняв русский флаг на высокой мачте около своего дома, поставленной плотником с «Витязя», он привлечет внимание судна. Кроме того, он решил просить командира корабля взять больного Ульсона и доставить его в ближайший порт, посещаемый европейскими судами.

Ульсон лежал на своей койке и меланхолически стонал. Когда Миклуха-Маклай сказал ему, что на горизонте виден корабль и что надо поднять флаг для сигнализации, Ульсон, казалось, обезумел от радости. Он вскочил с койки, засуетился, стал бессвязно болтать и то плакал, то смеялся.

Оставив Ульсона в почти невменяемом состоянии, Миклуха-Маклай поспешил к флагштоку и поднял огромный русский флаг. Как только флаг очутился на месте и легкий ветер развернул его, судно, шедшее до того параллельно берегу, изменило курс и направилось прямо в Гарагасси.

Убедившись, что корабль заметил сигнал, путешественник вернулся в дом и хотел переодеться для столь торжественного случая. Но при взгляде на жалкие остатки своего гардероба, полусгнившего от влажного воздуха Новой Гвинеи и на три четверти съеденного мелкими червячками, он решил, что потрепанное платье, бывшее на нем, имело все-таки более приличный вид.

Затем он сошел вниз к песчаному берегу, где уже собралась толпа туземцев, с тревогой и любопытством смотревшая на приближающийся корабль. С трудом ему удалось убедить двоих из них отправиться с ним на пироге навстречу судну. Выехав в море, Миклуха-Маклай мог уже без труда определить национальность идущего судна. На носу развевался русский флаг! На мостике он различил группу офицеров с биноклями в руках.

Туземцы Сагам и Дагу гребли очень медленно, не спуская тревожных глаз с корабля. Наконец, они не выдержали, бросили весла и стали умолять Миклуху-Маклая вернуться. Судно быстро приближалось, хотя шло малым ходом. Путешественник мог уже разглядеть невооруженным глазом несколько знакомых лиц среди экипажа. Вид такого большого количества людей привел спутников Миклухи-Маклая в сильнейшее волнение. Когда же, по приказанию командира, матросы рассеялись по реям и прокричали троекратное «ура» в честь путешественника, папуасы не выдержали, бросились в море и, вынырнув вдалеке, поплыли к берегу. На беду, они захватили с собой весла, и Миклуха-Маклай, гребя руками, кое-как подплыл к судну и поймал брошенный оттуда конец. С трудом путешественник поднялся на палубу. Вид множества возбужденных встречей людей, от которых он отвык за пятнадцать месяцев, подействовал на него потрясающе.

Судно называлось «Изумруд» и специально было послано за Миклухой-Маклаем, когда одна из австралийских газет напечатала известие о его смерти, подхваченное всей европейской прессой. Командир клипера «Изумруд», Михаил Николаевич Куманин, и весь экипаж встретили путешественника с неподдельной радостью. Среди офицеров было несколько человек, плававших с ним на «Витязе» и перешедших на «Изумруд» для того, чтобы отыскать место его высадки на Новой Гвинее. Они откровенно говорили, что не надеялись застать его в живых и думали забрать только металлические цилиндры с его

рукописями. Даже когда они увидели поднятый флаг, а потом пирогу с туземцами и одним европейцем, они решили, что это Ульсон. Несмотря на всю радость встречи, Миклуха-Маклай чувствовал, что говор кругом очень сильно утомляет его; он попросил командира клипера позволить ему отправиться домой, пообещав для делового разговора приехать через несколько часов.

Приход клипера был так внезапен, что путешественник еще не составил себе определенного плана, что следует делать. Самым подходящим ему казалось подправить с помощью людей клипера дом в Гарагасси, запастись необходимой провизией и остаться продолжать так успешно начатые наблюдения. Конечно, дневник, метеорологический журнал и начатые статьи по антропологии необходимо отправить Русскому географическому обществу. С Ульсоном Миклуха-Маклай решил расстаться, тем более, что и швед с невероятным нетерпением ждал момента, когда оставит берег Новой Гвинеи.

Татуировка жителей южного побережья.

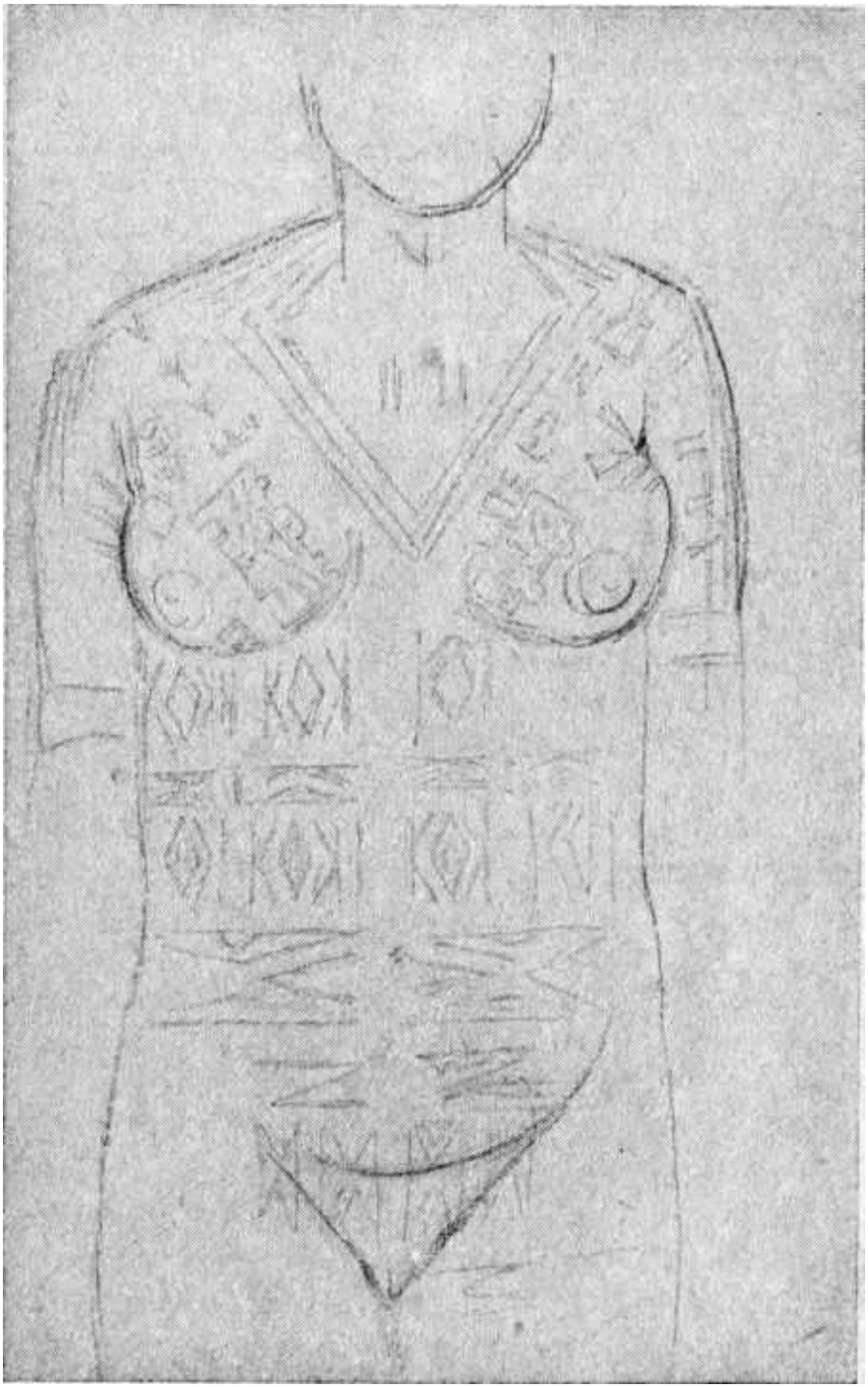
Через несколько часов Миклуха-Маклай, еще не приняв окончательного решения, вернулся на клипер. М. Н. Куманин, пригласив путешественника в кают-компанию к обеду, заметил между прочим, не лучше ли ему будет сразу же перебраться на

«Изумруд», так как по внешнему виду можно думать, что здоровье его не в порядке. Вещи же из Гарагасси может доставить на клипер кто-либо из молодых офицеров.

— А кто вам сказал, Михаил Николаевич, — с удивлением ответил Миклуха-Маклай, — что я поеду с вами на клипере? Это далеко еще не решено, и, так как я полагаю, что вам возможно будет уделить мне немного провизии, взять с собой Ульсона и мои письма до ближайшего порта, то мне всего лучше будет остаться еще здесь, потому что мне еще предстоит довольно много дела по антропологии и этнологии здешних туземцев. Я попрошу вас позволить мне ответить вам завтра, отправлюсь ли я на «Изумруде», или останусь еще здесь.

Командир клипера, конечно, согласился, но Миклуха-Маклай не мог не заметить, что его слова произвели на многих странное впечатление. Некоторые, как потом сами признавались ему, подумали, что его мозг от разных лишений и трудных условий жизни пришел в ненормальное состояние. Мысль остаться снова одному среди «дикарей» после пятнадцатимесячного пребывания здесь казалась слишком фантастической и нелепой для нормального человека.

Но путешественнику все же пришлось покинуть берег Маклая. От командира клипера он узнал, что голландское правительство с научной целью посылает военное судно вокруг всего острова Новой Гвинеи. Это обстоятельство сильно заинтересовало Миклуху-Маклая. Открывалась возможность не только познакомиться с неизвестными еще ему берегами Новой Гвинеи, но и основательно укрепить свое здоровье морской экспедицией. Последнее было особенно важно для дальнейшей жизни на берегу Маклая. Поэтому, обдумав создавшееся положение, он заявил М. Н. Курманину, что едет с ним на клипере «Изумруд».



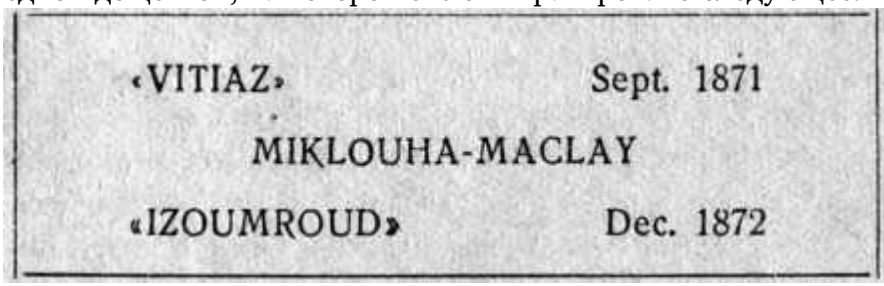
Татуировка жителей южного побережья.

Приняв окончательное решение, Миклуха-Маклай вернулся в

Гарагасси и занялся собиранием своих вещей. Слух об его отъезде с непостижимой быстротой распространился по окрестным деревням, и вечером в Гарагасси пришли с факелами туземцы из деревень Бонгу, Горенду и Гумбу, Они очень сокрушались и дружески просили молодого ученого не уезжать, предлагая ему опять сколько угодно жен и дом в каждой деревне.

Так же деликатно, как и в первый раз, Миклуха-Маклай отклонил их предложения, подтвердив, что он уезжает не навсегда и к ним еще вернется. Туземцы так привыкли верить каждому слову путешественника, что это обещание их очень утешило.

В день отплытия клипера, по распоряжению капитана Куманина, на одной из пальм в Гарагасси около дома путешественника была прибита толстая доска красного дерева с медной дощечкой, на которой было выгравировано следующее:



Переезжая на клипер, чтобы покинуть берег Новой Гвинеи, Миклуха-Маклай уговорил туземцев поехать с ним осмотреть русский корабль. Доверие к путешественнику пересилило у папуасов страх, и они отправились.

Но множество людей на палубе клипера и вид непонятных аппаратов так испугали туземцев, что они ухватились со всех сторон за Миклуху-Маклая, полагая, что только около него они будут в безопасности. Пытаясь вернуть себе свободу движения и в то же время не желая лишать папуасов сознания, что они находятся под его защитой, молодой ученый взял у одного из матросов длинную веревку, обвязал себя ею вокруг талии, а концы отдал папуасам. Так они и двигались по палубе: впереди Миклуха-Маклай, а за ним, в виде двух длинных хвостов, туземцы.

Особенный восторг вызвали у папуасов два небольших бычка, взятых на клипер в качестве живой провизии для экипажа. Папуасы не хотели отходить от животных и, узнав их название, повторяли, как дети: «Бик, бик, бик!»

Потом все спустились в кают-компанию, где один из папуасов, увидав раскрытый рояль и узнав его назначение, попробовал взять несколько аккордов. Пришлось, к огорчению

черного музыканта, опустить крышку инструмента, чтобы не искушать остальных. В машинном отделении папуасы со страхом смотрели на паровой котел, но назначение его им было непонятно. Видно было, что обилие впечатлений начинало подавлять их. В это время кто-то из туземцев попросил Миклуху-Маклая показать им еще раз «большую русскую свинью с зубами на голове». Путешественник сначала даже не понял, о чем они говорят, но, когда другой туземец подсказал первому слово «бик» и все они хором затянули: «Бик, бик!», он уступил их просьбе и повел всех опять на палубу. Видя, с каким интересом они разглядывают бычков, Миклуха-Маклай пообещал в один из своих следующих приездов обязательно привезти в подарок бычка и телку.

После этого туземцы покинули клипер, и «Изумруд», подняв якорь, медленно двинулся вперед, огибая мысок Габима. В этот момент почти одновременно раздались удары барума в Горенду и Бонгу, а через несколько минут и в Гумбу. На берегу стояли папуасы, и прощальные их крики: «еме-ме» и «еме-ба» раздавались до тех пор, пока берег Маклая не превратился в узкую полоску еле различимой далекой земли.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Материалы своих антропологических и этнографических исследований, полученные во время первого пребывания на берегу Маклая, путешественник обработал и опубликовал в ряде статей, небольших по размерам, но замечательных по их научной и общественной ценности. Из этих статей наиболее выдающееся значение имеют две: «Антропологические заметки о папуасах берега Маклая в Новой Гвинее» и «Этнологические заметки о папуасах берега Маклая в Новой Гвинее».

В «Антропологических заметках» Миклуха-Маклай не только первым из европейских ученых подробно описал физический тип папуасов берега Маклая, но и полностью опроверг распространенное в буржуазной науке мнение, что папуасы — «низшая» раса, физиологически отличающаяся от людей «высших» рас. Вот что он пишет об этом: «На мою долю выпало редкое счастье наблюдать население, бывшее совершенно обособленным от сношений с другими народами и жившее притом на такой стадии развития культуры, когда все орудия и оружия приготовляются из камня, кости и дерева. Еще в Европе я избрал для своего будущего пребывания восточное побережье Новой Гвинеи, как наименее известное, и где раса папуасов должна была сохраниться в наиболее чистом виде. Последнее предположение действительно оправдалось: я не нашел у туземцев никакой примеси чуждой крови; поэтому наблюдения, которые мне удалось сделать, могут иметь ценность для всей папуасской расы».

Далее он приводит ряд неопровержимых доказательств того, что кожа и волосы папуасов ничем не отличаются по существу от того и другого у, европейцев, и пишет: «Я никоим образом не могу согласиться с авторами, которые приписывают папуасам какую-то особенную жесткость кожи. Не только у детей и женщин, но и у мужчин кожа

гладкая и ничем не отличается, в этом отношении, от кожи европейцев. То обстоятельство, что здесь многие страдают psoriasis'ом и, вследствие этого, имеют кожу, покрытую сухими чешуйками, не представляет еще расовой особенности; понятно также, что если многие другие смазывают кожу в течение многих лет особым сортом глины, то неудивительно, что она несколько грубее. Наконец, также ясно, что кожа у людей, постоянно всюду ходящих нагими и подвергающих себя действию солнца и всем переменам погоды, не может быть так же нежна, как кожа людей,

защищающих себя платьем. Одним словом, какую-то особую жесткость или грубость кожи никоим образом нельзя приводить одним из признаков, отличающих папуасов от остальных людей».

То же самое говорит он и о волосах папуасов: «В распределении и свойствах волос думали найти самый характерный признак папуасов; поэтому я обратил на папуасские волосы особенное внимание. Прежде всего о распределении волос на голове папуасов; я исследовал его как у совсем маленьких (трех-шестимесячных) детей, так и на бритых головах более взрослых (семи-тринадцати лет). Мне удалось также несколько раз наблюдать распределение волос на головах взрослых мужчин, когда мне приходилось самому коротко стричь волосы на значительных участках головы (именно при головных ранах, которые я должен был лечить). Таким путем я мог получить ясную картину распределения волос на голове папуасов. Групповидного или пучкообразного распределения волос я решительно не заметил. Волосы на голове растут совершенно так же, как у европейцев, и вообще, как на человеческом теле, то есть отдельные волосы стоят не на одинаковых расстояниях (1 — 3 миллиметра в среднем) и часто по два, по три, реже по четыре вместе».

Нечего и говорить, что опровержение фактами, научно проверенными, лженаучной «расистской теории» является не только крупной заслугой русского ученого в прошлом, но и не теряет своего значения для нашего времени, когда во имя утверждения «высшей» расы господа Гитлеры и Муссолини создали наиболее реакционный и варварский режим из всех, когда-либо существовавших на земном шаре, когда, прикрываясь той же изуверской теорией, фашизм разжигает новую всемирную бойню.

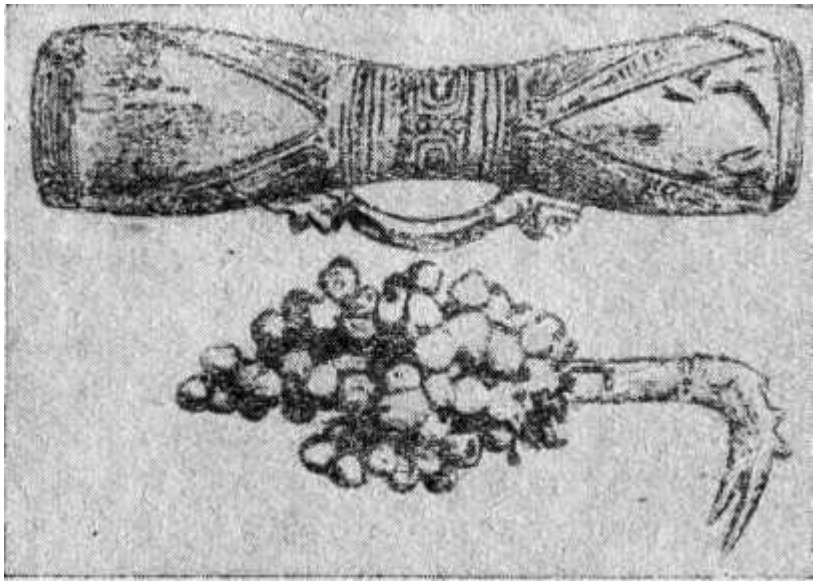
Вторая выдающаяся статья Миклухи-Маклая — «Этнологические заметки» — представляет не меньшую ценность, В семидесятые годы прошлого столетия, когда она была написана, состояние этнографии, как науки, хорошо характеризуется следующими компетентными словами одного из видных русских этнографов. «Огромный материал,— говорит он, — собранный тысячами наблюдателей в самых различных частях света, был в значительной степени тормозом для правильного развития науки... большая часть материала была собрана... путешественниками, которые, не зная языка наблюдаемых народов, не будучи подготовлены к восприятию явлений чуждого быта, не стеснялись констатировать, как достоверные факты, свои мимолетные непроверенные впечатления, часто записывали понаслышке факты небывалые и даже достоверные наблюдения

настолько перемешивали с произвольными утверждениями, что весь такой материал чаще всего мог только вводить в заблуждение исследователя».

В отличие от таких путешественников Миклуха-Маклай был необыкновенно строг к себе и осторожен в своих выводах и обобщениях. Его описания всегда точны и конкретны, он никогда не утверждает того, что им не было тщательно проверено и установлено. Он первый дал подробную характеристику материальной культуры папуасов, описав их жилища, одежду, утварь, орудия производства, оружие и собрал замечательную, единственную в своем роде этнографическую коллекцию, которую впоследствии передал русской Академии наук.

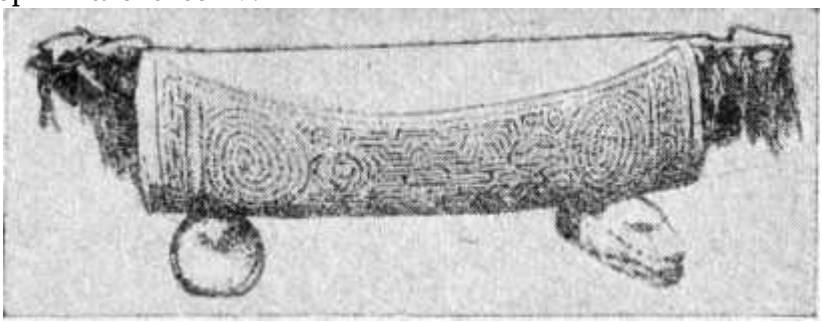
К своим крайне скупым «Этнографическим заметкам» он дал очень характерное для него пояснительное примечание, превосходно рисующее научную добросовестность и в то же время скромность русского ученого. «Я мог бы, — пишет Миклуха-Маклай, — на основании собранного материала написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях и изложить суеверия папуасов, высказав ряд гипотез об их миросозерцании. Я мог бы это сделать, если бы рядом с моими личными наблюдениями и заметками я поставил то, чего не видел и не наблюдал, и прикрыл бы все это предположениями и комбинациями. С некоторой ловкостью можно было бы сплесть интересную на вид ткань, в которой было бы нелегко отличить правду от вымысла. Такой образ действия, однако, мне противен; он ставит преграду на пути научного проникновения в это и без того нелегкое для исследования поле воззрений и понятий расы, очень отдаленной от нас по степени своего культурного развития. Ведь все догадки и привнесенные теории придают слишком субъективную окраску действительным наблюдениям и тем уменьшают ценность последних и затушевывают пробелы, которые должны служить как раз задачами дальнейших наблюдений для последующих исследователей».

Миклуха-Маклай правильно думал, что этнографы должны были предварительно накопить огромный описательный материал, а уже потом перейти к его обобщению и осмыслению. Сам он мечтал о такой работе и готовился к ней, непрерывно пополняя свои коллекции и ведя постоянные записи. Он даже говорил друзьям, что в голове его созревает план такой обобщающей этнографической работы, однако затяжная болезнь, а затем смерть не дали ему осуществить все задуманное. Но чего не успел сделать Миклуха-Маклай, сделал несколько позже Морган, исследования которого так высоко ценили Маркс и Энгельс.

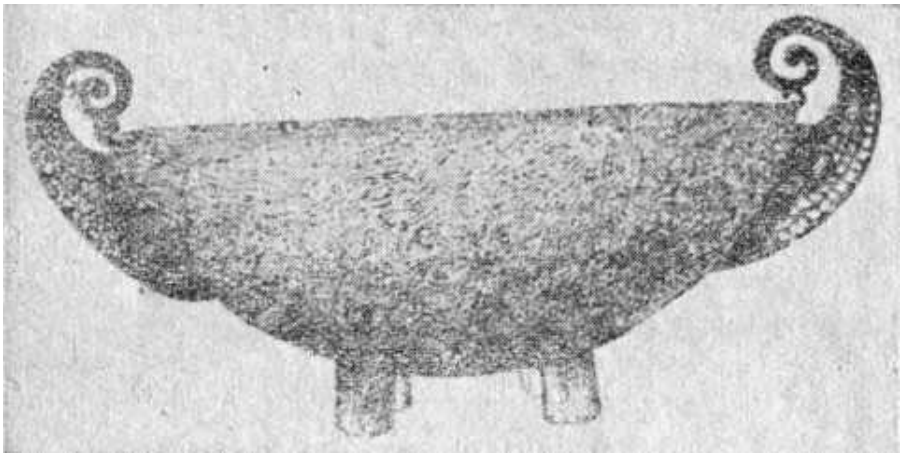


Музыкальные инструменты папуасов.

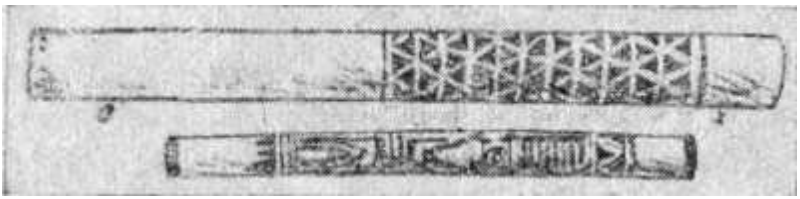
Ф. Энгельс в своей гениальной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» делит всю историю человечества на три главные эпохи: дикости, варварства и цивилизации. Менее всего нам известна первая эпоха. «Великая заслуга Моргана, — говорит Энгельс, состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории»[12]. Материалы, собранные Миклухой-Маклаем, явились ценнейшим вкладом для изучения этой первой эпохи истории человечества. К несчастью русской и мировой науки, не все работы Миклухи-Маклая были своевременно опубликованы. Но труды русского ученого никогда не утратят своего научного значения для изучения ранней истории человечества.



Барум — сигнальный барабан папуасов.



Деревянная чаша с резными ручками для варки мяса.



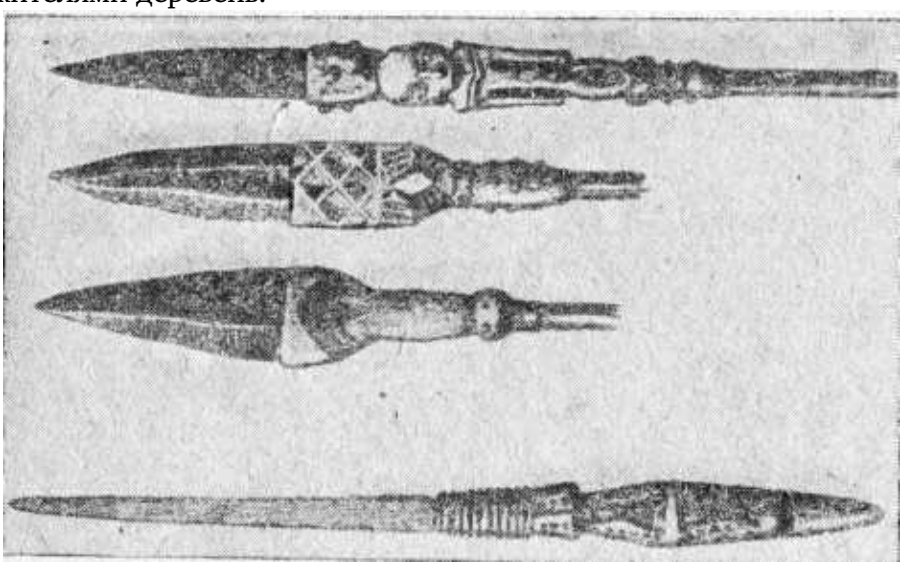
Папуасские орнаментированные, бамбуковые мундштуки для сигар.

На основании материалов, собранных Миклухой-Маклаем, можно получить правильное представление об общественном строе первобытного общества, когда люди изобрели лук и стрелы и сделали охоту одной из нормальных отраслей труда. «Лук, тетива и стрела, — пишет Ф. Энгельс, — образуют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долгий, накопленный опыт и изощренные умственные силы, а следовательно, одновременное знакомство со множеством других изобретений. Присматриваясь к народам, которые знают уже лук и стрелу, но не знают еще гончарного искусства (с него Морган считает переход к варварству), мы и в самом деле находим уже некоторые зачатки поселения деревнями, известную степень овладения производством предметов, необходимых для поддержания жизни: деревянные сосуды и утварь, ручные ткани (без ткацкого станка) из лыковых волокон, плетеные корзины из лыка или камыша, шлифованные (неолитические) каменные орудия. Большею частью огонь и каменный топор дают уже возможность выделывать лодки из цельного дерева, а местами — бревна и доски для постройки жилища»[13].

Миклуха-Маклай находился среди людей, живших в переходный период от высшей степени дикости к варварству. Для

обитателей берега Маклая было характерно все то, о чем писал Энгельс, а жители мелких островов, расположенных поблизости, как, например, Били-Били, знали уже начатки гончарного искусства.

Русский ученый оставил полное описание повседневной жизни папуасов и их занятий земледелием, охотой, рыбной ловлей и т. д. Он описал их военные игры, пиры при сборе урожая и сношения между деревнями. Эти описания показывают, что производство и потребление носили у обитателей берега Маклая коллективный характер, что их об-естественное устройство было первобытно-коммунистическим. Миклуха-Маклай писал: «У папуасов берега Маклая нет ни торговли, ни упорядоченного обмена. Если несколько жителей прибрежной деревни отправляются в другие деревни, то они забирают с собой обыкновенно все, что у них имеется в избытке, и несут с собой в виде подарка. При уходе они получают ответные подарки, состоящие из продуктов, бывающих всего чаще в той деревне». Из этого легко увидеть, что обмен у папуасов еще не развит и не может вызвать экономического неравенства между отдельными жителями деревень.



Кинжал (внизу) и наконечники копий с островов Адмиралтейства.

Интересные наблюдения сделал Миклуха-Маклай и над разделением труда у туземцев. Оказывается, что единственная известная им форма разделения труда — это разделение по полу и возрасту. Миклуха-Маклай показал, что женщины на берегу Маклая не находились в порабощении у мужчин, что элементы социального неравенства там отсутствовали. «На берегу Маклая,

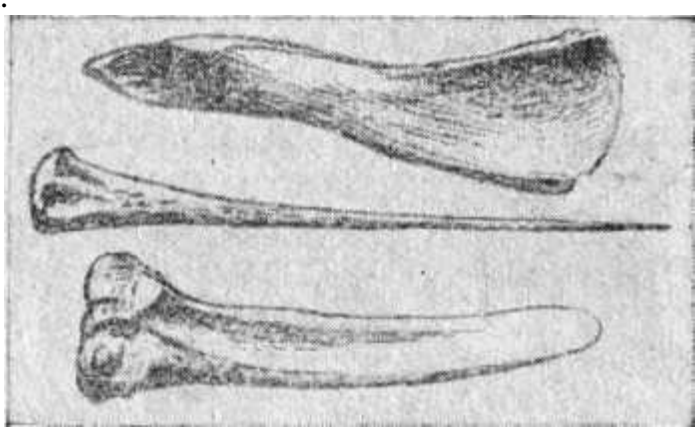
— писал русский ученый, — нет, собственно говоря, начальников; всем взрослым принадлежит одинаковое право голоса, но между ними находятся более влиятельные, отличающиеся своим умом или ловкостью, которых люди слушаются, принимая от них советы.

Миклуха-Маклай сумел подойти к изучению первобытных народов совсем не так, как подходило большинство ученых его времени. Буржуазные ученые, по словам К. Маркса, «...стирают все историческое различие и во всех общественных формах видят формы буржуазные»[14]. Поэтому они не могли вскрыть своеобразие общественного устройства первобытных людей. Они вынуждены были прибегать к догадкам и натяжкам, строить ненаучные гипотезы, желая приписать первобытным народам те же отношения, какие существуют в буржуазном обществе. Мы уже видели, как чужды были русскому ученому подобные методы. Ученик Чернышевского, Фурье и Дарвина, Миклуха-Маклай смело и последовательно преодолевал ограниченность буржуазной научной мысли, всегда и во всем защищая свои материалистические позиции.

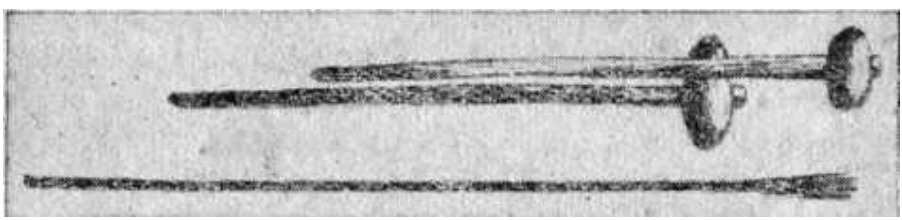
ПО ОСТРОВАМ ИНДОНЕЗИИ

Оставив берега Новой Гвинеи, клипер «Изумруд» отправился к Филиппинским островам. По дороге он посетил два небольших острова Молуккского архипелага — Тидор и Тернате. Управление островами находилось в руках султанов тидорского и тернатского, но оба они признавали верховную власть Голландии. На островах еще сохранялось рабство. Султан Тидора, на которого сильное впечатление произвел Миклуха-Маклай, прибывший на военном корабле, подарил русскому ученому папуасского мальчика лет двенадцати. Путешественник не отказался от подарка, и Ахмат — так звали мальчика — отправился с ним на «Изумруд».

Пробыв около пяти месяцев среди русских матросов маленький папуас быстро выучился говорить по-русски и предпочитал говорить с Миклухой-Маклаем на этом языке, а не на своем родном. Хотя по своему характеру Ахмат мало был склонен к послушанию, но, сметливый и расторопный, он оказался полезным русскому ученому, и тот прощал ему многие проказы.

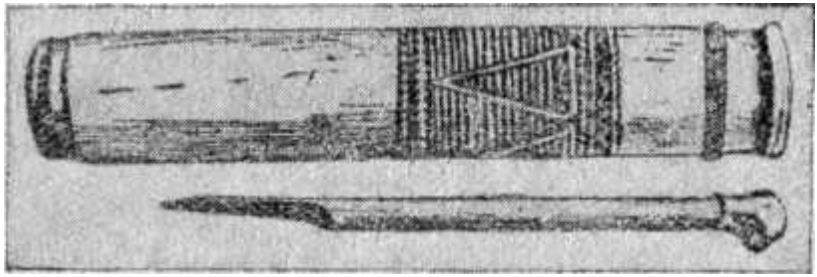


Костяные изделия папуасов (сверху вниз): ложка, вилка и нож.



Папуасские палицы с каменными набалдашниками и острога

для ловли рыбы.



Бамбуковый футляр для хранения извести, употребляемой при жевании бетеля. Внизу — кость казуара, которой достают известь из футляра.

Миклуха-Маклай очень был доволен, что «Изумруд» не сразу направился к Маниле, столице Филиппинских островов, а зашел еще в Зондский архипелаг и побывал на северном конце Целебеса — одного из четырех, самых больших островов этого архипелага. Целебес, уступая по размерам соседней с ним Яве, соперничает с нею как по красоте, так и по разнообразию природы. По причудливости береговых очертаний с Целебесом могут сравняться только изрезанные фиордами (во всевозможных направлениях) архипелаги северных и южных холодных областей. Этот остров обладает, кроме того, необычайно плодородной почвой и изобилует естественными богатствами. Правда, по сравнению с Явой он почти пустынен. Морские разбойники, прятавшиеся за бесконечными мысами и островами берега, опустошали деревни, продавая в рабство захваченных в плен туземцев. Не меньшую роль в опустошении острова сыграло и завоевание его белыми. Вслед за португальцами в течение всей первой половины XIX века здесь вели непрерывные войны голландцы, пядь за пядью захватывая территорию острова.

Клипер «Изумруд» недолго оставался у берегов Целебеса, его дальнейший курс лежал на Манилу.

В Маниле «Изумруд» должен был простоять пять дней. Миклуха-Маклай решил воспользоваться этим временем, чтобы познакомиться с первобытными обитателями острова Лузоны — негритосами. Негритосы по-испански — «маленькие негры». Испанцы назвали так это племя из-за маленького роста туземцев. Негритосы находились тогда на еще более низком уровне культурного развития, чем папуасы Новой Гвинеи. Они вели бродячий образ жизни, занимались охотой, рыбной ловлей и собиранием съедобных корней и клубней. Только некоторым племенам, смешавшимся с малайцами, было известно земледелие. Охотились негритосы коллективно и добычу делили

поровну между всеми участниками охоты. У них был такой обычай: когда негритос садится есть, он обязан несколько раз громко прокричать об этом. Кто бы ни услышал его, может притти и разделить с ним трапезу.

Миклуха-Маклай давно интересовался вопросом, являются ли негритосы Филиппин брахицефалами[15], и если да, то принадлежат ли они все же к папуасам, относительно которых известно, что те долихоцефалы[16]. Для выяснения этого вопроса он отправился на противоположный берег маленькой бухты и, переночевав в деревне Лимай, на следующий день нанял проводника и отправился с ним в горы Меривалес. Становище негритосов находилось в горном лесу. Негритосское жилище — «пондо» — представляло собой простой переносный шалаш, сделанный из пальмовых листьев. В таком «пондо» человек обычного роста может только сидеть и лежать, но не стоять.

Негритосы встретили Миклуху-Маклая гостеприимно, и он прожил с ними три дня, изучая это племя. Ему не стоило большого труда убедиться, что негритосы — те же папуасы, необычайно похожие на новогвинейцев. Манера общения с детьми и женами, пляски и песни у них были очень схожи. И все же негритосы оказались брахицефалами. Миклуха-Маклай пришел к безусловно правильному и ценному решению, которое отметил в своей записной книжке:

«Форма черепа ничего общего с психическими свойствами его обладателя не имеет».

Всякие попытки на основании формы черепа определять психические особенности есть антинаучные построения. Чем больше Миклуха-Маклай изучал черепные коробки папуасов, а позже и других народов Полинезии, тем все сильнее убеждался, что спор о «короткоголовии» и «длинноголовии» в поисках доказательств принадлежности к «низшей» или «высшей» расе есть пустой звук, никакого отношения к науке не имеющий. Личные наблюдения над цветными людьми и живая связь с ними дали Миклухе-Маклаю неопровержимые доказательства тому, что они такие же полноценные люди, как и белые, и только стоят на низшей ступени экономического, а значит и культурного развития, что нет ни «высших», ни «низших» рас, а существует единый человеческий род.

Всякие попытки теперешних фашистских мракобесов-расистов воскресить в том или ином виде лженаучные построения давно отброшенных подлинной наукой каннибальских идей преследуют лишь одну цель: замаскировать и оправдать проводимую ими систему подавления и удушения других национальностей, оправдать политику захвата и разбоя.

Из Манилы «Изумруд» направился в Гонконг. Этот остров англичане захватили у Китая в 1842 году. Тогда Гонконг был бесплодным островом, состоявшим почти сплошь из песка и камней. Но положение у ворот Китая делало Гонконг ключом к этой стране. Неудивительно поэтому, что англичане постарались укрепить остров, и Миклуха-Маклай увидел грозные батареи, под защитой которых молодой город мог развиваться в полной безопасности. На набережной города высились настоящие дворцы выстроенные крупными негоциантами и занятые правительственными учреждениями. Трудно было представить себе, что всего тридцать лет назад это побережье было пустынным. В европейском квартале города Миклуха-Маклай всюду видел торговые конторы, склады с товарами, около которых суетились китайские кули, перенося, распаковывая и упаковывая огромные тяжелые тюки. За их напряженной работой наблюдали бритые англичане в пробковых шлемах, изредка цедя сквозь зубы лаконические приказания.

Эта картина не доставила никакого удовольствия русскому путешественнику, и он был рад, когда вышел из европейской части города в китайский квартал. Этот район состоял из бесконечного ряда лавок с жильем вверху. Лавки — все небольшие — были переполнены множеством товаров: различными материями, посудой, чаем, фруктами и замечательными китайскими ручными изделиями. Тут же помещались ремесленники, портные, садовники, кузнецы и т. д. Необыкновенное трудолюбие, предприимчивость и энергия китайского народа изумляли Миклуху-Маклая. И ему еще отвратительнее стали высокомерие и жестокость европейцев в этой стране.

В Гонконге путешественник дружески расстался с экипажем «Изумруда» и пересел на пассажирский пароход, который должен был доставить его в Батавию — столицу голландской Индонезии. Слава русского путешественника уже гремела по океанийским островам, и местные власти спешили оказать ему гостеприимство, интересуясь личностью молодого ученого и подозревая в нем эмиссара русского правительства. В своей автобиографии Миклуха-Маклай рассказывает, что во время странствований ему часто приходилось неделями и месяцами жить в домах и дворцах высокопоставленных лиц, даже при дворах королей. Так было в Амбойне, Батавии, Сингапуре и Сиднее.

Он не походил на обыкновенных европейских путешественников, его интересовали вопросы, какие тем никогда и не приходили в голову. Защита туземцев, которую русский

ученый поставил своей целью после первого пребывания в Новой Гвинее, обратила на него внимание как голландских так и английских колониальных властей. Капитан английского военного судна «Basilisk» Моресби при своем плавании вдоль северо-восточного берега Новой Гвинеи получил специальное предписание собирать сведения о русском путешественнике. Голландские и английские военные суда перевозили Миклуху-Маклая из одного пункта в другой, а туземные владетели, как, например, томонгон Иохора, сиамский король, оказывали ему помощь в странствиях по Малаккскому полуострову.

Конечно, меньше всего личное обаяние Миклухи-Маклая было тому причиной. В семидесятые годы прошлого века европейские державы лихорадочно стремились захватывать все новые и новые колонии. Немногие еще незанятые территории привлекали их жадное внимание. Появление в Океании русского ученого, доставленного туда на русском военном корабле, сразу же вызвало подозрения, не послан ли он русским правительством для изучения, а потом захвата океанийских островов для России? Не случайно австралийские газеты именовали молодого ученого бароном Маклаем, подчеркивая этим, что считают его официальным лицом, занимающим в своей стране высокое положение. Миклуха-Маклай не считал нужным рассеивать их подозрения и даже не отказывался от не принадлежащего ему титула, полагая, что таким образом он лучше сумеет вести свое дело защиты туземцев от колониальных эксплоататоров.

Направляясь из Гонконга в Батавию, Миклуха-Маклай предполагал пожить там некоторое время, чтобы обработать собранные материалы и подготовиться ко второму путешествию в Новую Гвинею. Он знал, что Батавия из-за дурных климатических условий долгое время слыла могилою европейцев, но в начале XIX века колонизаторы ста ли селиться к югу от старого города, в местности, значительно более здоровой, и там возник новый город с широкими улицами и домами, утопающими в садах. Кроме того, Батавия привлекала его своими культурными учреждениями. В частности, с 1864 года там действовала лучшая в тропиках магнитно-метеорологическая обсерватория. Все это было важно для научной обработки собранных им материалов.

Однако климат новой Батавии оказался для Миклухи-Маклая чрезвычайно неблагоприятным. Он заболел тяжелой формой тропической лихорадки, и жизнь его висела на волоске. Пришлось спешно покинуть Батавию и воспользоваться приглашением генерал-губернатора Нидерландских Индий Джемса Лаудона — пожить в его дворце, находящемся в горном городке Бейтензорге.

Семимесячное пребывание в Бейтензорге укрепило здоровье путешественника. От Джемса Лаудона он узнал, что одно голландское военное судно должно было в ближайшее время уйти к юго-западному берегу Новой Гвинеи, номинально принадлежавшему Голландии. Мысль отправиться на этом судне очень соблазняла русского путешественника, но когда Лаудон сказал ему, что судно предварительно зайдет на остров Суматру для подавления восстания туземцев в Ачине, он отказался от этой мысли. Присутствовать при избиении беззащитных туземцев, не желавших терпеть жестокого обращения белых, он не мог, так как все его симпатии были на стороне угнетенных. Миклуха-Маклай предпочел занять небольшую сумму денег у местных банкиров и снарядить скромную экспедицию на свои личные средства.

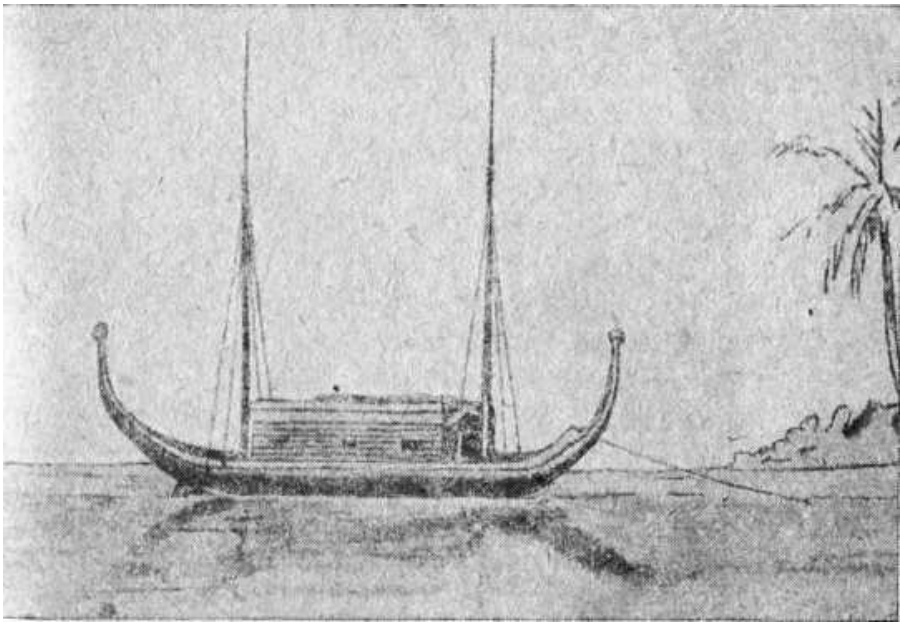
ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В НОВУЮ ГВИНЕЮ

Целью второго путешествия Миклухи-Маклая в Новую Гвинею было посещение юго-западного берега ее, носящего туземное название Папуа-Ковиай. Берег Папуа-Ковиай имел дурную репутацию и очень редко посещался иноземцами, — там происходили частые войны между папуасскими племенами, сопровождавшиеся убийствами и грабежами мирных жителей.

Берег Папуа-Ковиай интересовал Миклуху-Маклая с антропологической точки зрения. Ему казалось необходимым произвести сравнение типа и быта западных папуасов, живших в голландской Новой Гвинее, с изученными восточными папуасами берега Маклая, не соприкасавшимися никогда с колонизаторами.

23 февраля 1874 года Миклуха-Маклай в сопровождении двух слуг и Ахмата отправился в путешествие на большом туземном урумбае. Через три дня плавания урумбай приблизился к берегам Новой Гвинеи. К вечеру налетел шквал, и вода начала хлестать с кормы, грозя затопить лодку. Стало так темно, что приходилось ежеминутно зажигать фонарь, чтобы смотреть на компас и поддерживать правильный курс урумбая. Рулевые совсем обезумели от страха; один из них, упав на колени, стал молиться, закрывая лицо руками. Схватив револьвер, Миклуха-Маклай с трудом пробрался к нему по ныряющей в волнах палубе и, приложив револьвер к его лбу, сказал: «Завтра можешь молиться сколько угодно, а теперь, если не будешь править как следует, я тебе всажу пулю в лоб!» Чтобы эти слова возымели лучшее действие, Миклуха-Маклай выстрелил в воздух. Рулевой понял, что револьвер в руках путешественника представляет для него более грозную опасность, чем буря и волны. Победив страх, он снова взялся за руль и принялся управлять с большой ловкостью и умением.

Несмотря на шквал, бушевавший всю ночь и изрядно потрепавший урумбай, наутро лодка была почти на прежнем расстоянии от берега. В поисках лучшего места для высадки Миклуха-Маклай приказал взять курс на маленький остров Наматоте, лежавший близ материка Новой Гвинеи. Группы скал, соединённые перешейками, и маленькая бухточка, вдававшаяся в каменистый берег, представляли удобное убежище для небольших судов.



Урумбай — морская лодка с каютой, на которой Миклуха-Маклай ездил на берег Папуа-Ковиай (рис. М.-Маклая).

Приближавшихся путешественников окликнули с небольшой пироги, выехавшей им навстречу. Экипаж урумбая состоял наполовину из серамцев, наполовину из папуасов с берега Папуа-Ковиай, что было очень удобно для Миклухи-Маклая. Старший матрос, папуасец Сангиг, откликнулся и назвал свое имя. Однако люди на пироге не сразу узнали его, и на подмогу им от берега поспешила другая большая пирога с просторной платформой, на которой сидело несколько вооруженных людей. Завязались переговоры. Признав, наконец, в матросах урумбая своих, туземцы с громкими криками полезли на палубу, оставив оружие в своих пирогах.

Деревушка, которую увидел Миклуха-Маклай на берегу была совсем жалкой. Там было всего два или три шалаша и две прау (пироги) с крышами, вытащенные на берег. Шалаши очень примитивной постройки походили на те, которые Миклуха-Маклай видел в горах Моривалес у негритосов Лузона. Это обстоятельство еще более убедило молодого ученого в близости негритосов к новогвинейским папуасам.

Пока Миклуха-Маклай разговаривал с туземцами, к нему приблизились два человека. Один, одетый в красные штаны и куртку, оказался местным владетелем, радьей, по имени Муда-Наматоте; другой — в желтом арабском жилете, с белым платком на голове, — был его приятель «капитан» Маварры с соседнего острова. Этот «капитан» имя крайне отталкивающую внешность:

рослый, с большим приплюснутым носом, маленькими глазами и низким атавистическим лбом.

Оба владетеля осведомились о цели прибытия путешественника. Миклуха-Маклай объяснил им, что намеревается поселиться здесь месяца на три, хочет видеть горы, деревья, животных, людей и хижины и знать все, что здесь делается.

Муда-Наматоте немедленно предложил русскому ученому осмотреть его дом и поселиться за умеренную плату. Но Миклухе-Маклаю там не понравилось. Кроме того, отсутствие воды (имелся только один плохой, полусоленый источник) и малая величина острова заставили русского ученого отказаться от мысли поселиться на острове Наматоте. Муда-Наматоте и «капитан» Маварры с подозрительной горячностью стали убеждать его не уезжать. Однако Миклуха-Маклай был непреклонен. Тогда Муда-Наматото переменил тон и жалобным голосом стал выпрашивать у путешественника хотя бы бутылку рома или джина, к которым туземцы успели уже пристраститься. Миклуха-Маклай строго ответил на это, что как для самого радьи Муды, так и для остальных жителей Наматоте будет гораздо лучше, если им никогда не придется больше иметь дела с этими напитками.

Горные папуасы берега Папуа-Ковиай (рис. М.-Маклая).

Покинув остров Наматоте, Миклуха-Маклай отправился дальше вдоль юго-западного берега Новой Гвинеи и вскоре встретил туземную пирогу. На пироге находился старик радья Айдума, который был вынужден бежать со своего острова Айдума, когда на него напало соседнее племя телок-камрау. Радью

Айдуму сопровождала его семья, состоявшая из двух женщин и двоих детей. Видя их бедственное положение, Миклуха-Маклай приказал выдать им рис и саго. Это так обрадовало туземцев, что они решили не покидать больше путешественника.

В тот же день урумбай подъехал к тому месту берега, где в 1828 году голландцы построили форт Du Bus, покинутый впоследствии из-за страшной малярии, уничтожившей в короткий срок большую часть европейских поселенцев. Местоположение бывшего форта оказалось чрезвычайно живописным. Большой глубокий бассейн, замкнутый всех сторон горами, расстилался у подножия зеленой, очень красивой горы Ламанснеры. При сильных дождях с крутых возвышенностей стекало в море так много воды, что можно было черпать пресную воду прямо с морской поверхности. Все это обеспечивало надежное положение форта в смысле стоянки судов и в отношении защиты от нападения туземцев.

Но теперь берег, покрытый высоким тропическим лесом, казался еще нетронутым рукой человека. Нигде нельзя было заметить даже намека на существовавшую здесь полвека назад колонию. Только такие старики, как радья Айдума, еще помнили, где стояли «рума-бату-оран-Голланда» — каменные дома людей Голландии. Поэтому Миклуха-Маклай, желавший осмотреть остатки форта, взял с собой на берег старого Айдуму. Место, где они высадились заросло непроходимым тропическим лесом, и только при помощи дружного действия парангами (большие малайские ножи) им удалось проложить себе дорогу. Идя впереди, Миклуха-Маклай вскоре наткнулся на каменный пьедестал на котором стоял полусгнивший толстый столб. Путешественник почувствовал под ногами что-то твердое и гладкое, издававшее металлический звук при ударе каблуков, подбитых гвоздями. По приказанию ученого место вокруг пьедестала было расчищено от хвороста и сухих листьев и Миклуха-Маклай увидел массивную чугунную доску, на которой полностью сохранилось изображение нидерландского герба. Очевидно, она упала с полусгнившего столба много лет назад, скрыв от света символ могущества «оран-Голланда».

Дальше можно было различить несколько четырехугольных фундаментов из кораллового известняка, среди которых росли могучие деревья экваториального леса. Вот и все, что осталось от бывшей европейской колонии.

С чувством легкой грусти покинул Миклуха-Маклай руины форта. Он отправился дальше, в поисках более удобного места для своего временного поселения на берегу. Вскоре такое место нашлось. Оно носило туземное название Айва. По желанию

Миклухи-Маклая матросы урумбая принялись строить для него хижину. Им помогали местные папуасы, почувствовавшие расположение к путешественнику, и через несколько дней хижина была готова.

8 марта 1874 года Миклуха-Маклай с удовлетворением записал в своем дневнике: «Наконец, могу сказать, что я снова житель Новой Гвинеи. Целый день я устраивался в хижине и нахожу, что помещение довольно комфортабельное. Пришедшие туземцы рассказали мне, что дней пять тому назад, именно в день, когда я выбрал эту местность для постройки моей хижины, жители Телок-Камрау убили одного человека острова Наматоте с женой и детьми. Необходимо здесь быть настороже».

В отношении безопасности юго-западный берег Новой Гвинеи резко отличался от берега Маклая. Там туземцы занимались мирным трудом и были настроены благожелательно друг к другу, здесь же они не раз оказывались жертвой хищничества белых и малайских авантюристов и жили в постоянном страхе быть ограбленными или убитыми, а потому и сами были непрочь заняться разбоем. Миклуха-Маклай узнал, например, что радья Айдума, так жаловавшийся на нападение людей Телок-Камрау, сам много раз участвовал в «хонгиях» — морских экспедициях, — предпринимавшихся султанами Тидора и Тернате для собирания по берегам Новой Гвинеи дани, которую эти султаны почему-то считали себя вправе взимать. «Хонгии» сопровождались насилиями и убийствами людей, сжиганием их хижин и уничтожением плантаций. Скромный на вид, радья Айдума, как только он чувствовал за собой силу и власть, оказывался одним из самых жестоких и кровавых насильников. Неудивительно, что его ненавидели, и люди Телок-Камрау хотели свести с ним давние счеты.

Прожив около полумесяца в своей хижине в Айве, Миклуха-Маклай задумал предпринять новую поездку на урумбае. К этому времени около его хижины образовалась целая колония. Помимо Айдумы с семьей, туда приехали и радья Наматоте и «капитан» Маварры со своими людьми. Все они надеялись извлечь выгоду от услуг путешественнику.

21 марта Миклуха-Маклай отправился на своем урумбае в дальнейший путь вдоль берегов Новой Гвинеи, оставив Айдуму, Муда-Наматоте и «капитана» Маварры с их людьми в Айве для защиты хижины.

Наблюдая жизнь страны, по которой он ехал, Миклуха-Маклай отметил в своей записной книжке: «Если взять всех жителей Наматоте, Айдумы, Лобо, даже с горными жителями Майрасис, Вуоусирау, то не думаю, чтобы набралось всего более

ста человек. Кругом горы почти не населены. Там и сям встречается песчаный берег с кокосовыми пальмами — несомненный признак того, что здесь когда-то жили люди. Туземцы живут больше в своих пирогах, на платформах которых помещается их семья. Пироги эти имеют довольно основательные крыши из «кальян» (прочные цыновки из листьев пандануса). Когда подходят к песчаному берегу, пирога вытаскивается на берег и переоборудуется в шалаш, в котором туземцы живут по неделям, занимаясь «чари моканен», — ловят рыбу, собирают хлебный плод в лесу, ставят ловушки для птиц, иногда даже разводят скрытую в лесу небольшую плантацию сладкого картофеля, изредка заглядывая на нее, чтобы собрать плоды. На одном же месте они остаются недолго».

Безлюдье поражало Миклуху-Маклая. За несколько дней пути он встретил всего одну пирогу, в которой находилась папуасская семья, состоявшая из мужчины, трех женщин и ребенка. На вопрос ученого, куда они едут, папуас ответил кратко: «Чари моканен» («Ищу, что поесть»). До такой степени нищеты и одичания были доведены туземцы Папуа-Ковиай их «цивилизаторами».

Нищета папуасов и кочевой образ жизни были, как убедился Миклуха-Маклай, следствием неуверенности в завтрашнем дне из-за постоянного страха насилий и смерти. Щедрая тропическая природа, дававшая все условия для счастливой, изобильной жизни людей, не могла противостоять жестокости и алчности тунеядцев, предпочитавших грабить и убивать других, лишь бы не трудиться самим.

Экспедиция Миклухи-Маклая продолжалась около двух недель. За это время он проехал почти пятьдесят морских миль вдоль берега. В бухте Тритон ему удалось перейти горный хребет высотой в 1200 футов и открыть интересное горное озеро Камаки-Валлар на высоте около 500 футов над уровнем моря.

2 апреля Миклуха-Маклай вернулся в Айву и нашел хижину разграбленной. К своему негодованию, он узнал следующее. В одно дождливое утро, когда люди, оставленные им для защиты хижины, спокойно спали, явилось много папуасов с соседних гор, хорошо вооруженных и раскрашенных черной боевой краской. Они напали на спящих. Среди убитых оказались обе жены радьи Айдумы и его маленькая дочь. Убийцы изрубили на куски тело ребенка, а матери отрубили голову и, подняв на копье, с торжеством унесли в горы.

Несмотря на полную неожиданность случившегося, Миклуха-Маклай не растерялся. Ему сразу же бросилось в глаза, что при нападении никто из людей радьи Наматоте и «капитана» Маварры

не пострадал. Из расспросов свидетелей он убедился, что горные жители, действительно, приходили отомстить радье Айдуме и убили его семью, а разграбление хижины Миклухи-Маклая оказалось делом людей радьи Наматоте и «капитана» Маварры, которые умышленно не мешали горным папуасам убивать женщин и ребенка, чтобы потом свалить на них вину за разграбленные хижины. Положение путешественника стало очень рискованным. Радья Наматото всячески ухаживал за ним, но Миклуха-Маклай теперь хорошо знал его коварство. Стороной ученому удалось узнать, что Муда-Наматоте уже успел переговорить с матросами урумби и что он гарантировал им полную безопасность, если они ни во что не будут вмешиваться. Это означало, что на Миклуху-Маклая готовится нападение. Матросы урумбая, полюбившие путешественника за время их совместного странствования уговаривали его немедленно уйти в море. Миклуха-Маклай твердо заявил им, что если они боятся, то могут ехать куда угодно, он их не задерживает. Но сам он останется здесь и построит новую хижину. Через несколько дней новая хижина была готова.

Радья Айдума.

Утром 23 апреля Миклуха-Маклай встал раньше обыкновенного. Он уже достоверно знал, что люди Наматоте и Мавары хотят напасть на него, убить, и потому был настороже. Все же внешне он оставался совершенно спокойным, и матросы видели его мирно распивающим кофе на веранде его новой хижины.

«Капитан» Мавары (фото М.-Маклая).

Мальчик Ахмат, преданный молодому ученому всем своим существом, оказался теперь очень полезным благодаря своей ловкости и находчивости. Ахмат разузнал, что с соседнего, острова Мавары только что пришла пирога, в которой находились вещи, украденные из хижины Миклухи-Маклая.

Прошел слух, что и сам «капитан» Мавары был в этой пироге. Не теряя прежнего спокойствия, Миклуха-Маклай напряженно обдумывал, что ему предпринять. Еще представляя себе точно, как развернутся события, он решил захватить

«капитана» Маварры во что бы то стало, считая его главным виновником происшествия.

Допив кофе, Миклуха-Маклай позвал матросов и сказал, что «капитан» Маварры здесь и что он решил захватить его живым или мертвым. А так как люди радьи Наматоты и самого «капитана», очевидно, станут сопротивляться, то о необходимо зарядить и взять все ружья, которые есть в доме. Чувствуя серьезность положения, матросы молча повиновались.

Когда все было готово, Миклуха-Маклай обратился к одному из матросов-папуасов:

— А ты боишься со мною итти или нет?

— Нет, — отвечал тот, — если ты пойдешь первым.

Путешественник приказал матросу взять крепкую веревку, надеясь, что этого будет вполне достаточно для «капитана» Маварры.

С веранды был хорошо виден берег. Людей радьи Наматоте и «капитана» Маварры было раза в три больше матросов урумбая. Невольно в голове Миклухи-Маклая пронеслось: «А что, если они все кинутся защищать своего капитана?» Но он тотчас отогнал эту мысль — жестокость «капитана» Маварры была хорошо известна, его люди могли бы поспешить к нему на помощь только из страха перед ним. Поэтому надо действовать решительно, показать им, что «капитан» не страшен.

Хотя Миклуха-Маклай не сомневался в благополучном исходе дела, ему было трудно примириться с тем, что, возможно, произойдет резня, в которой он будет так или иначе повинен. Тем не менее он приказал своему слуге Давиду и матросу-папуасу следовать за ним и вышел из дома. Он слишком хорошо помнил вид своей разграбленной хижины и лужу крови изрубленного ребенка Айдумы на своем рабочем столе.

Большинство людей на берегу занималось приготовлением пищи. Нарочито медленно проходя мимо них, Миклуха-Маклай приблизился к пироге.

— Где здесь капитан Маварры? — спросил он спокойно.

Ответа не последовало. В наступившей внезапной тишине десятки глаз с напряженным любопытством обратились на молодого ученого.

— Капитан Маварры, выходи!—повторил Миклуха-Маклай громче.

Опять общее молчание.

— Выходи же! — повелительно крикнул он в последний раз и сорвал цыновку, служившую крышей пироги. Под цыновкой сидел капитан.

— Сламот, туан[17],— произнес он дрожащим от страха

голосом.

— Так это ты грабил мои вещи вместе с людьми Телок-Камрау? Где теперь радья Наматоте?

— Не знаю, — еще более слабым голосом отвечал гигант, все сильнее дрожа.

Кругом на почтительном расстоянии стояли папуасы и матросы урумбая.

— Смотри за людьми, — шепнул Миклуха-Маклай Давиду, а сам схватил «капитана» за горло и, приставив револьвер к его рту, приказал не шевелиться, пока матрос связывал ему руки.

Все это продолжалось одно мгновенье.

—- Я беру этого человека, — сказал Миклуха-Маклай.— Я его оставил в Айве стеречь мою хижину, а он расхитил все, что было в ней, и допустил, что в моих комнатах убили женщин и ребенка. Возьмите его сейчас же в урумбай.

Затем он обратился к своим матросам:

— Майберит и Сангиль, вы будете отвечать мне за него!

Чтобы не дать людям «капитана» Маварры опомниться, надо было действовать как можно скорее. Вслед за «капитаном» на урумбай были нагружены вещи из хижины, и Миклуха-Маклай распорядился отчалить от берега.

Когда урумбай вышел в открытое море, путешественник приказал развязать «капитана». Гигант казался послушным и тихим, как ребенок. Но Миклуха-Маклай, не упускавший его из виду, скоро заметил, что он пытается подкупить матросов и договориться с ними о своем побеге. Молодой ученый одним словом разрушил планы «капитана» — он приказал плыть до острова Кильвару и там сдать преступника голландским властям.

Шесть суток урумбай шел не останавливаясь. Матросы роптали, но Миклуха-Маклай был непоколебим. Наконец показался остров Кильвару. «Капитан» Маварры был временно сдан местному радье, так как голландское военное судно, регулярно посещавшее острова для поддержания порядка, еще не приходило.

Около месяца прожил Миклуха-Маклай на острове Кильвару, дожидаясь этого судна. Он опять заболел тропической лихорадкой, и его, уже больного, пришлось доставить в Амбойну. Там посетил его капитан Моресби, прибывший на английском военном корабле «Basilisk». Моресби нашел русского ученого в таком тяжелом состоянии что, как сам потом признавался, «сильно сомневался в том, чтобы он мог поправиться».

По счастью, в Амбойне находился превосходный доктор Хуземан, который окружил больного путешественника такой заботой и вниманием, что уже в скором времени тот смог встать

на ноги.

Поправившись, Миклуха-Маклай через Тернате, Мельдо, Горонтало, Макассар на Целебесе добрался до Явы. Пробыв некоторое время в Тонпанасе, он переселился в Батавию. Это было в сентябре 1874 года.

В Батавии Миклуха-Маклай опубликовал в местном журнале статью о бедственном положении туземцев в Папуа-Ковиай. Не ограничиваясь только обращением к европейскому общественному мнению, он направил генерал-губернатору Голландской Индии официальное письмо, в котором указывал, что страх перед насилием заставляет на селение берега бросать свои хижины и огороды, а это обрекает туземцев Папуа-Ковиай на физическое уничтожение.

«Сравнивая образ жизни папуасов Ковиай с папуасами берега Маклая, — писал русский ученый в этом письме, — нельзя не заметить большого различия между обеими группами населения. Несмотря на то, что папуасы Ковиай уже знакомы с железом и железными орудиями, что они познакомились с одеждою и даже с огнестрельным оружием, что они носят серебряные и даже золотые украшения, они остались номадами и ведут весьма жалкий, бродячий образ жизни.

Недостаток пищи, вследствие неимения плантаций и домашних животных, заставляет их скитаться по заливам в поисках морских животных, ловить рыбу, бродить по лесам для добывания скудных плодов, съедобных листьев или кореньев. На вопрос при встрече: «куда» или «откуда» — я обыкновенно получал ответ: «ищу» или «искал, что поесть».

Папуасы берега Маклая хотя живут совершенно изолированно от сношений с другими расами, хотя не были знакомы (до моего посещения в 1871 году) ни с одним металлом, однако строили и строят своими каменными топорами большие селения с относительно очень удобными, часто большими хижинами, обрабатывают тщательно свои плантации, которые круглый год снабжают их пищей, имеют домашних животных: свиней, собак и кур. Вследствие их оседлого образа жизни и союза многих деревень между собою войны у них сравнительно гораздо реже, чем между Папуасами Ковиай.

Все это доказывает, что сношения в продолжение многих столетий более цивилизованных малайцев с папуасами далеко не имели благоприятных последствий для последних, ивряд ли можно ожидать, что столкновение в будущем папуасов с европейцами, если оно ограничится только торговыми сношениями, поведет к лучшим результатам. Малайцы принесли папуасам Ковиай радьев, торговцев ружьями и опиумом; от

европейцев они получают еще резидентов-миссионеров, ром и т. д. и т. д.».

Из этих слов Миклухи-Маклая видно его отношение к «цивилизаторской» деятельности европейских колонизаторов. Непримиримый враг империализма и «расистских теорий», он неустанно, где только мог, выступал с пропагандой своих демократических взглядов; и в его уме уже тогда созревала утопическая идея о создании свободной республики папуасов берега Маклая с сохранением основ их первобытного коммунистического общественного устройства.

«ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ» ПОЛУОСТРОВА МАЛАККИ.

ОПРАВИВШИСЬ от болезни, Миклуха-Маклай в декабре того же 1874 года решил предпринять новое путешествие, на этот раз в глубь полуострова Малакки. Он хотел ознакомиться с сохранившимися внутри полуострова темнокожими и курчавоволосыми племенами и выяснить их отношение к папуасам и негритосам. В то время эти племена были еще совершенно не изучены. Ни один из европейских ученых ни разу даже не видел этих «лесных людей», как их называли малайцы.

Отсутствие денег у Миклухи-Маклая являлось серьезным препятствием для осуществления нового путешествия. Он обратился к секретарю Русского географического общества со следующим письмом: «Я сказал уже, — писал молодой ученый, - — что для моих исследований я готов жертвовать всем, но трудно обстоятельство, когда это все недостаточно. Например, я должен был занять для этой новой экспедиции (на Малакку) около ста пятидесяти фунтов стерлингов, которая сумма, вероятно, не будет достаточна для путешествия. Я писал об этом своим и надеюсь на исполнение моих поручений, но если вы имеете надежду добыть мне денежную помощь «во имя науки» и не как милостыню, а как временный заем, то я буду считать себя вам очень обязанным».

Конечно, никакой помощи от Географического общества Миклуха-Маклай не получил. Пришлось рассчитывать, как и прежде, на самого себя. Миклуха-Маклай отправился сначала в Сингапур и там договорился с английскими властями, снабдившими его рекомендациями к султану муарскому и к его наместнику — томонгону или магарадже иохорскому.

В Иохоре русский путешественник получил от магараджи <открытый лист», предписывавший всем деревенским старшинам доставлять ученому проводников и носильщиков. Миклуха-Маклай отправился в дорогу. Экспедиция сразу же встретила большие трудности. Неудачно было выбрано самое время для путешествия. Декабрь — наиболее дождливый месяц на полуострове Малакка; реки и ручьи в это время обычно выходят из берегов и затопляют все низкие места, превращая их в непроходимые болота.

С каждым новым шагом вперед путь становился все труднее. Путешественники двигались буквально по колена, а то и по пояс в воде. После невероятных усилий удалось преодолеть джунгли и

выйти к устью реки Муар, впадающей в Малаккский пролив. Здесь Миклуха-Маклай нанял плоскодонную лодку и отправился вверх по реке. Путешественники теперь могли вздохнуть несколько свободнее. Достигнув реки Палон, притока Муара, Миклуха-Маклай впервые увидел шалаши «лесных людей». Однако на этот познакомиться с ними поближе ему не удалось. Едва только «лесные люди» заметили лодку, они поспешно скрылись в тропическом лесу. Молодой ученый решил продолжать свой путь. Вскоре он достиг устья реки Индау, впадающей в Китайское море. Это означало, что Миклуха-Маклай пересек весь полуостров Малакку с запада на восток. Но «лесных людей», ради которых, собственно говоря, и была предпринята вся экспедиция, он больше не встречал. Пришлось вернуться в Иохор.

Не удовлетворившись результатом путешествия, Миклуха-Маклай, который стремился доводить все свои начинания до конца, решил предпринять новое путешествие, и на этот раз в такие области полуострова, куда еще не ступала нога европейца. Там он надеялся встретить настоящих «лесных людей». Чтобы обеспечить успех новому предприятию, Миклуха-Маклай отправился в Бангкок, столицу Сиамского королевства, где был почтительно принят при дворе сиамского короля.

Бангкок лежит по обоим берегам реки Ме-нам, в тридцати километрах от впадения ее в Сиамский залив, и тянется почти на семь километров вдоль по течению реки. Город расположен ка многих островах, образованных рекою Ме-нам, прорезанных целой сетью каналов. Долины здесь сплошь покрыты рисовыми полями, кокосовыми и другими пальмами, фруктовыми садами. Так как страна часто подвергается наводнениям, то деревянные или бамбуковые жилища строятся на сваях высотой в два-три метра; для входа служит приставляемая снаружи лестница. Только дворцовые постройки, общественные зданий, многочисленные буддийские храмы, жилища европейских консулов и представителей торговых фирм построены из камня и расположены в незатопляемых местах на естественных или искусственных возвышениях.

Бангкок окружен громадной стеной высотой около десяти метров и толщиной около трех. Внутри города находится королевский дворец и здание, называющееся Магатосат. В этом здании обычно происходит прием официальных гостей. Русского ученого ввели в роскошно украшенный тронный зал, где его ожидал повелитель Сиама. Пышная встреча молодого путешественника объяснялась интересом и громкой славой, которыми окружено было теперь его имя. Сиамский король,

сохранявший свою независимость путем ловкой игры на противоречиях крупнейших колониальных держав — Англии и Франции, тем охотнее приветствовал русского путешественника, что в его лице полагал встретить представителя России, поддержка которой давала ему лишний козырь в политике балансирования между двумя могущественнейшими странами.

Пользуясь этими обстоятельствами в интересах науки, русский ученый заручился письмом от сиамского короля к мелким властителям полуострова, находившимся от него в вассальной зависимости. Сиамский король предписывал своим вассалам оказывать путешественнику всяческое содействие.

С этим письмом Миклуха-Маклай вернулся в Сингапур, а затем в Иохор и стал энергично готовиться к новому путешествию по Малаккскому полуострову. Тщетно магараджа иохорский пытался отговорить его, указывая не только на трудности такого путешествия, но и на опасности, грозящие жизни самого путешественника. Миклуха-Маклай был непоколебим. Его не пугала встреча с тиграми, которыми кишели джунгли полуострова, его не останавливали опасения, что малайские проводники не пойдут с ним до конца и покинут его в самый критический момент, он не боялся, что «лесные люди» убьют его, как убивали всех путешественников, приходивших к ним раньше.

Молодой ученый отправился в путь, сопровождаемый двумя слугами и тридцатью носильщиками. Письмо сиамского короля и рекомендации магараджи превратили начало пути Миклухи-Маклая в подобие триумфального шествия. Местные раджи встречали его со всевозможными почестями и пышностью, как загадочного «дато русс» (русского князя), путешествующего неспроста, а с таинственными поручениями от самого сиамского короля.

Пройдя реку Пахан, а затем Капотар, Миклуха-Маклай очутился, наконец, в стране, где до него не побывал ни один европеец. Уже в верховьях реки Пахан русскому ученому удалось встретить так долго разыскиваемых им «лесных людей». Они оказались, вопреки всем россказням очень пугливыми, так что даже зарисовать портреты, хотя бы с некоторых из них, стоило большого труда. Только благодаря своему терпеливому и тактичному отношению к туземцам путешественник сумел рассеять их враждебную недоверчивость и провел ряд интересных антропологических наблюдений. Он убедился, что «лесные люди называвшие себя семанг, жили в обычных шалашах-пондо, как и негритосы Лузона, носили узкие повязки на бедрах и татуировались так же, как новогвинейское население. Нетрудно было признать в них чистокровный папуасский тип.

Семанг считали себя коренными жителями страны и не признавали власти малайских раджей. Непроходимые джунгли охраняли их свободу, на которую всегда покушались их более культурные соседи. Зато малайцы устраивали по временам грандиозные охоты на «лесных людей. И в прежние времена невольничьи рынки Востока снабжались рабами отсюда.

От людей племени семанг русский путешественник получил сведения о еще более диких их соплеменниках: оран-лиар. Эти люди никогда не ночевали на одном и том же месте и не строили шалашей. Пробираясь по вековым джунглям, они не прибегали к помощи ножа, а скользили между ветвями быстро и беззвучно, как обезьяны. Оран-лиар не входили ни в какие сношения с малайцами и при встрече убивали их. Могучие леса тропиков были стихией, и с постепенным сокращением площади джунглей людям оран-лиар предстояли неизбежные вымирание и гибель.

В лесах Малакки Миклуха-Маклай встречал настолько диких и напуганных людей, что на все вопросы переводчика они оставались немы, словно парализованные неодолимым ужасом. Одна женщина, застигнутая путешественником врасплох, так испугалась, что схватила его за руку и застыла в судороге.

— Не бойся меня, — сказал ей по-малайски ученый, желая ее успокоить.

— Не бойся меня, — машинально повторила женщина по-малайски, хотя и не знала этого языка.

Заинтересованный ее состоянием, Миклуха-Маклай сказал ей ту же фразу по-английски:

— Don’t by afraid me!

— Don’t by afraid me! — повторила она с той же интонацией.

— Не бойся меня! — в третий раз повторил ученый, на этот раз по-русски.

— Не бойся меня! — как эхо послушно отозвалась она на чистом русском языке.

Это был удивительный пример действия страха.

Путешествие в глубь Малаккского полуострова продолжалось сто тринадцать дней. За это время Миклуха-Маклай прошел всю страну к северу до сиамского города Сингоро. Отсюда он думал продолжить путь в Бангкок, но отказался от этого намерения из-за наступления периода дождей. Из Сингоро он отправился в Котта-Ста, резидентно султана Кедды. Это был исключительно трудный путь. Нередко приходилось итти по десять-одиннадцать часов пешком по затопленному лесу, при недостаточном запасе провизии и без всяких перевозочных средств. Только иногда удавалось достать лодку или соорудить плот, а в наиболее удачных случаях получить от местных раджей слона для

перевозки людей и тяжестей. И все же, несмотря на трудности, путешественнику посчастливилось собрать материал огромной ценности.

Вернувшись из Котта-Ста через Сингапур в Батавию, Миклуха-Маклай опубликовал в местном «Естественно-научном журнале» статью «Этнологические экскурсии по полуострову Малакке», в которой изложил научные результаты своей экспедиции. В этой статье Миклуха-Маклай дал первую в науке антропологическую и этнографическую характеристику малаккских племен. Он установил, что рост этих туземцев равен 140—150 сантиметрам, у них темнокоричневая кожа и черные курчавые волосы, что они бродят по лесам, останавливаясь лишь на короткое время для сбора камфоры, каучука и ротаниса. За это они выменивают у малайцев табак, соль и железные ножи. Главное оружие туземцев составляет «блахам» — безобидное на вид, но очень страшное оружие, представляющее собой полую бамбуковую трубку метра в два длиной и два-три сантиметра в диаметре. В нее вкладывают стрелу, затем охотник дует в трубку, и стрела летит. Стрелы эти очень легки и тонки, не толще вязальной спицы. Вонзившись в кожу, кончик стрелы обламывается и остается в ране. Так как стрела отравлена сильным змеиным ядом, то достаточно самой маленькой царапины, чтобы наверняка убить человека.

Карликовые племена Малакки, которых наблюдал Миклуха-Маклай, представляли, действительно, большой интерес для науки. У них сохранился почти в чистом виде их первобытный коммунизм, через который прошло когда-то все человечество. Наблюдения русского ученого подтверждали единственно правильную точку зрения на исторический процесс, которую с исчерпывающей убедительностью доказали великие основоположники диалектического материализма.

Наблюдения русского ученого были тем более ценны, что именно тогда буржуазные этнографы всячески фальсифицировали подлинные материалы по изучению первобытных племен, чтобы опровергнуть теорию первобытного коммунизма и доказать, что коммунистическое общественное устройство несвойственно человечеству вообще. Для этой цели буржуазные ученые, среди которых было немного, миссионеров, старались доказать, что у первобытных племен существует частная собственность, единобожие и такое же устройство семьи, как и в современном буржуазном обществе. Из этого, разумеется, делался вывод, что идея частной собственности, единобожия и единобрачной семьи неизменна и присуща человеку со времени его появления на земле. А если так, то выходило, что и бороться против таких

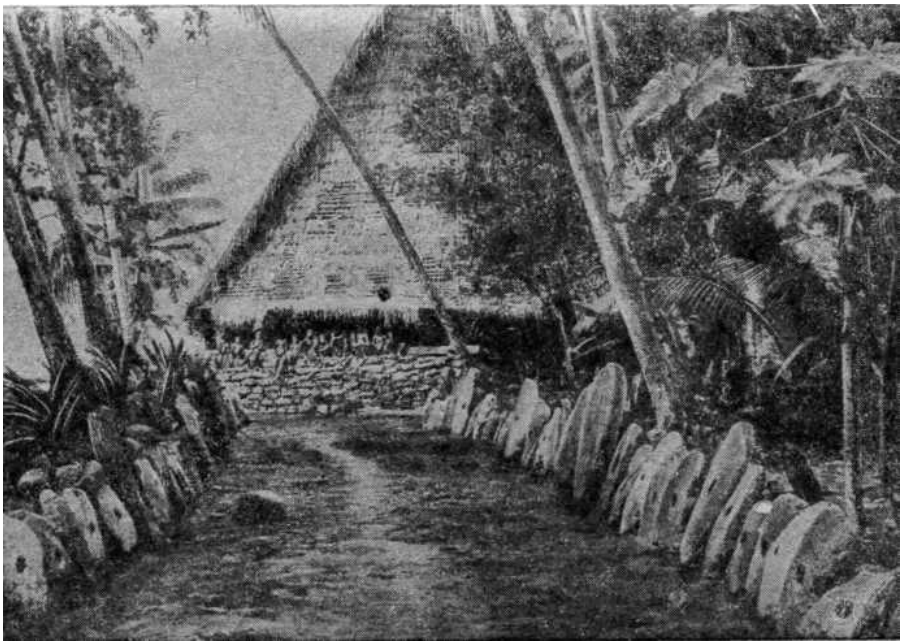
вечных и непреложных вещей не следует, так как частнособственнический принцип есть единственный и врожденный человечеству.

Понятно, что выводы буржуазных этнографов, по существу антинаучные и реакционные, целиком соответствовали их классовым представлениям и интересам. Правда, и тогда уже были отдельные ученые, умевшие встать на более прогрессивную и правильную точку зрения. Но это были единицы. Например, английский путешественник Андерсен, исследовавший первобытные племена Малакки, в полном согласии с истиной утверждал: «Все находится у них в общем владении». Другой ученый, француз Жак де Морган, также писал, что у туземцев полуострова не существует частной собственности. Наконец, автор капитального труда «Племена внутренних областей Малаккского полуострова», Р. Мартин, окончательно установил, что не отдельная семья у этих племен является основной хозяйственной и общественной единицей, а группа кровных родственников, насчитывающая двадцать пять — тридцать человек. Члены этой группы сообща занимаются охотой и собиранием плодов, сообща перекочевывают в поисках лучших условий для добывания пищи и поровну распределяют между собой добычу. Эти беспристрастные и подлинные ученые не находили также у первобытных племен полуострова никаких намеков на идею единого бога или следов единобрачной семьи. Следовательно, материал, собранный таким добросовестным и наблюдательным ученым, как Миклуха-Маклай, представляет весьма ценный и необходимый вклад в материалистическую науку о человечестве, разрушавший вредные идеалистические взгляды буржуазной исторической науки. И здесь антропологический принцип, примененный к самым отсталым представителям человеческой расы, принес свои положительные результаты.

ПО ОСТРОВАМ АДМИРАЛТЕЙСТВА

Четыре месяца Миклуха-Маклай отдыхал после своего крайне утомительного путешествия по Малаккскому полуострову. Врачи требовали, чтобы он переменил климат, так как тропическая лихорадка продолжала истощать его организм. К этому еще присоединилась мысль о необходимости заняться обработкой своих трудов и желание побывать на родине. Миклуха-Маклай серьезно думал вернуться в Россию на одном из русских военных кораблей, часто заходивших в Батавию. Его сдерживало только обещание, данное им папуасам берега Маклая, вернуться к ним опять в ближайшее время. А между тем прошло уже около четырех лет; пора было бы выполнить слово.

Берег Маклая с неудержимой силой привлекал к себе путешественника, и он решил отправиться туда при первом удобном случае. Случай скоро представился. В начале 1876 года Миклуха-Маклай договорился с капитаном торговой шхуны «Sea Bird» («Морская птица»), отправлявшейся в западную часть Тихого океана. Согласно заключенному контракту путешественник становился пассажиром шхуне на все время ее плавания с торговыми целями по островам Адмиралтейства, после чего капитан обязан был высадить русского ученого в том месте берега Маклая, где тот укажет. В условие входило также обязательство капитана вернуться за путешественником ровно через шесть месяцев.



Каменные деньги.

6 мая шхуна «Sea Bird», на борту которой находился русский ученый, бросила якорь у острова Вуап, одного из островов группы Адмиралтейства. Миклуха-Маклай немедленно отправился на берег, в туземную деревню Киливат. Капитан шхуны должен был забрать здесь партию из двадцати двух человек, законтрактованных в качестве рабочих для ловли и приготовления трепанга на соседних островах. Эти туземцы были законтрактованы больше года тому назад одним трэдором, жившим на острове Вуап. Трэдор условился с людьми из деревни Киливат, чтобы они в уплату за перевоз фэ[18] из Пелау на остров Вуап отпустили с ним определенное число жителей деревни для ловли трепанга.

Вскоре после заключения контракта с трэдором в Киливат вернулось семь человек туземцев из другой партии в шестьдесят пять человек, которые еще раньше были вывезены также для ловли трепанга. Оказалось, что эти семь человек — единственные оставшиеся в живых из всей партии. Остальные пятьдесят восемь человек умерли от жестокого обращения и непосильной работы. Но и спасшиеся были в таком состоянии, что трое из них умерли вскоре после возвращения в родную деревню. Естественно, что жители деревни Киливат не хотели теперь ехать с трэдором для ловли трепанга. Но поскольку контракт был уже заключен, двадцать два юноши согласились на отправку.

Забрав людей, шхуна «Sea Bird» отправилась дальше. Через

неделю она приблизилась к группе островов Улеап, где капитан произвел выгодную мену с туземцами. Дальше путь шхуны лежал мимо острова Иезу-Мару, около которого год назад произошло трагическое событие, связанное с судьбой первой партии туземцев с острова Вуап.

Зафрахтованная для ловли трепанга английская шхуна «Рупак», на борту которой находились туземцы деревни Киливат, курсировала здесь, отыскивая удобное место. С острова Иезу-Мару навстречу шхуне выехало несколько туземных пирог. Командиру шхуны, капитану Голлу, показалось, что туземцы идут с недобрым намерением, и он без всяких других оснований, кроме собственной трусости, приказал стрелять по пирогам. Когда испуганные туземцы, выехавшие для мирного торга, обратились в поспешное бегство, капитан Голл отправил за ними в погоню большую шлюпку с туземцами острова Вуап.

Так как жители Вуап не знали этой местности, то их большая шлюпка, которой, кстати сказать, они не умели управлять, быстро села на риф, и все они оказались беззащитными перед туземцами Иезу-Мару, вернувшимися отомстить своим преследователям. Капитан Голл, видя, как избивают людей на его шлюпке, вместо того чтобы итти им на помощь, поспешил обратиться в бегство, спасая собственную шкуру.

Эту историю Миклуха-Маклай узнал от самих туземцев Иезу-Мару, когда шхуна «Sea Bird» остановилась там для торга. Отвращение русского ученого к деятельности трэдоров еще усилилось и от рассказа туземцев и от последовавшей затем картины торга. Вот как он ее описал в своей карманной книжке: «Часам к десяти шхуна была окружена более чем двадцатью пирогами различной величины, и на юте шел очень оживленный торг. Незначительный ветерок едва подвигал шхуну и не мог парализовать сколько-нибудь силы лучей палящего, ослепляющего солнца (в одиннадцать часов в тени было 32° Ц); у кормы несколько десятков разукрашенных, размалеванных папуасов кричали, прыгали из одной пироги в другую или бросались в море, держа предметы мены над головой и достигая, таким образом, шхуны. У борта происходила страшная давка: несколько рядов туземцев, стараясь перекричать других, предлагали свои произведения, толкались, пытаясь пробраться на палубу или спуститься обратно в пирогу. С другой стороны, трэдоры и шкипер, с револьверами за поясом, окруженные лежащими наготове штуцерами разных систем, с мешочками, наполненными бисером, и со стеклянными бусами в руках, отсыпали их маленькими мерками, не больше наперстка, туземцам в уплату за скорлупу черепах, жемчужные раковины и

другие местные произведения. Для дополнения картины прибавьте полдюжины туземцев Вуапа с заряженными ружьями, стоящих на рубке около шкипера, который с вечера зарядил свои игрушечные пушки и приготовил сегодня тлеющие фитили «на всякий случай»[19].

Иногда, когда ют слишком переполнялся, на туземцев натравливали большую и сильную собаку-водолаза, которой они боятся более трэдоров, шкипера и всего гарнизона шхуны, вместе взятых. Едва собака показывала свои большие зубы или начинала лаять, ют мгновенно очищался, а давка у борта еще более усиливалась; многие бросались в море, чтобы скорее уйти, другие лезли на ванты. Это очень тешило шкипера и трэдоров.

Насколько позволяли жара, влияние раздражающего нервы шума человеческих криков и говора, давка около борта и суматоха при травле туземцев собаками и досада при виде человеческой бесчестности, несправедливости и злости,— старался развлечься наблюдением над папуасскою толпою. Это мне удавалось несколько раз в продолжение дня; тогда вся описанная непривлекательная обстановка исчезала для меня на время; я видел перед собой ряд интересных объектов для исследования и, пользуясь случаем, спешил записывать, измерять и чертить эскизы для дополнения своих заметок».

На другой день, пока торг еще продолжался, Миклуха-Маклай отправился на берег. Его интересовал вопрос: есть и у здешних папуасов своя администрация, и если есть, каковы пределы ее власти. Молодой ученый знал, что в описаниях французских мореплавателей, побывавших на островах Адмиралтейства, говорится о «князьях», которые якобы деспотически управляют послушными туземцами.

После внимательных наблюдений над жизнью и бытом местных папуасов он должен был притти к заключению, что на островах Адмиралтейства, как и на берегу Маклая, определенных начальников не было. Резюмируя свои наблюдения, русский ученый отметил в записной книжке: «Мореплаватели и путешественники, руководясь общепринятыми идеями или тем, что видели в других странах, не стесняются раздачей титулов: вождь, начальник, король — часто потому, что один из туземцев больше кричит, чем другие, или имеет какое-либо внешнее отличие».

3 июня шхуна «Sea Bird» снялась с якоря, оставив на берегу в туземной деревне Пуби одного из трэдоров. Предлагая ему поселиться среди туземцев, торговая фирма рассчитывала на значительные барыши. Трэдора звали Пальди, он был уроженцем северной Италии. Перед уходом шхуны у него произошел

следующий характерный разговор с Миклухой-Маклаем:

— Что вы думаете, — спросил Пальди русского ученого, — о моем новом месте жительства, о решении жить здесь между дикими и вероятном результате этого плана? Очень прошу сказать мне совершенно откровенно.

— Зачем мне вас разочаровывать? — ответил Миклуха-Маклай. — Мои слова будут лишними, раз вы уже решились остаться здесь.

Но итальянец стал настойчиво просить ученого, чтоб тот сказал все, что думает.

— Если вам жизнь дорога, — сказал русский ученый, — и если вы когда-нибудь надеетесь жениться на вашей возлюбленной, о которой вы как-то мне говорили, то не оставайтесь здесь.

— Это почему? — недоверчиво спросил Пальди.

— Потому, что вы проживете здесь месяц, может быть два, а возможно только день или другой по уходе шхуны.

— Вы думаете, что туземцы убьют меня? — спросил Пальди попрежнему недоверчиво.

— Да, — ответил решительно Миклуха-Маклай.

— Отчего же они меня убьют?.. Вас ведь не убили папуасы на берегу Маклая. Почему же меня убьют? Разве люди здесь другие? — продолжал тревожно спрашивать Пальди.

— Причин тому много. Лучше прекратим этот разговор.

Итальянец не мог успокоиться. Наконец, Миклуха-Маклай решился сказать ему все, что думал.

— Главные причины следующие: вы — горячекровный житель юга, я — северянин. Вы считаете вашим другом, помощником, вашей силой револьвер, моей же силой на берегу Маклая было хорошее и справедливое обращение с туземцами; револьвер мне никогда не казался там нужным инструментом. Вы хотите, чтобы туземцы вас боялись благодаря револьверу и ружью, я же добивался и добился их доверия и дружбы. Вот главнейшее различие наших зрений относительно обращения с туземцами. Есть и второстепенные причины трудности вашего успеха; одна — вы останетесь жить в самой деревне туземцев, не зная ни их языка, ни их обычаев; не думаете ли вы, что вы будете для них скоро как бельмо на глазу, от которого они постараются избавиться? Оставаясь в Новой Гвинее, я поселился в лесу, в местности, до меня никем не занятой, на которую никто до моего прибытия не предъявлял ни прав, ни притязаний; построил себе хижину в миле от одной и в двух милях от другой деревни... Есть еще одна серьезная причина трудности вашего успеха: все туземцы, при которых были перевезены ваши вещи со шхуны,

знают, какие сокровища, по их мнению, будут находиться в вашей хижине; думаете вы, никому из них не придет мысль, что одним удачным ударом копья все эти сокровища могут перейти к ним?.. Вы скажете: не очень вероятно, чтобы первое пущенное копье попало в цель, что ваш револьвер положит нахала на месте, заставит остальных разбежаться. Согласен, верно даже, что, будучи, как вы говорите, хорошим стрелком, вы положите не одного, а шестерых на месте, что каждая пуля найдет своего человека. Тем хуже для вас. Все разбегутся, но вы прибавите к желанию завладеть вашими сокровищами еще чувство, даже долг, — обязательный у туземцев, — мести... Но довольно, хотя это далеко не все, что можно было сказать. Я сказал нарочно больше, чем хотел сперва, думая, что время еще есть, и вы можете переменить ваше решение.

Хотя слова русского путешественника поколебали Пальди, но он все же остался. Его дальнейшая судьба оказалась трагичной. Он был убит месяца через три-четыре после ухода шхуны «Sea Bird», и все его вещи были разграблены туземцами. Неизвестно, был ли он убит во время сна или дорого продал свою жизнь. Ходили слухи, что туземцы хотели приготовить из него кушанье, но, когда раздели и увидели белый цвет тела, им стало так противно, что они бросили его в море на съедение акулам. Только голова итальянца была сохранена как редкий трофей и долгое время украшала «камале» — общественную хижину деревни Пуби на одном из маленьких островов Тихого океана,

СНОВА СРЕДИ ЧЕРНЫХ ДРУЗЕЙ

27 июня 1876 года шхуна «Sea Bird» бросила якорь в заливе Астролябия у берега Маклая. Увидав своего друга, папуасы были крайне обрадованы, но не изумлены. Они привыкли верить каждому слову русского ученого и терпеливо ожидали его возвращения.

Едва только Миклуха-Маклай ступил на берег у деревни Горенду, как слух о его приезде распространился по побережью, и приветствовать его сбежались все жители ближайших деревень, включая женщин и детей. Многие плакали от радости; возбуждение было всеобщее.

Хотя прошло всего только около четырех лет со дня отъезда русского путешественника, многое на берегу Маклая изменилось. Путешественник не досчитался нескольких стариков, умерших за эти годы; а мальчики и девочки, которых он знал тогда, превратились во взрослых мужчин и женщин, и у некоторых уже были свои дети.

Несмотря на просьбы туземцев поселиться среди них, Миклуха-Маклай и на этот раз остался верным своему правилу никого не стеснять. Он привез с собой в разобранном виде домик, специально купленный в Сингапуре. Чтобы собрать его, не требовалось больших усилий. Ученый решил не селиться на старом месте, в Гарагасси, а выбрал более здоровое и удобное место около деревни Бонгу.

В это второе свое посещение путешественник прожил среди папуасов берега Маклая семнадцать месяцев, по контракту с капитаном шхуны «Sea Bird» за ним должны были вернуться ровно через шесть месяцев, но это условие осталось невыполненным. Очевидно, капитан шхуны нашел для себя более удобным «забыть» свои обязательства, и Миклуха-Маклай никогда его больше не видел.

Мальчик-папуас Папуаним (рис. М.-Маклая).

Впрочем, Миклуха-Маклай не тяготился столь длительным пребыванием среди папуасов. Его время было заполнено многочисленными экскурсиями вдоль берега и в глубь острова, где он изучал горную цепь Финистер. Его друзья папуасы относились к нему с полным доверием, не прятали от него ни жен, ни детей и не скрывали никаких подробностей своей жизни. Он был для них старшим товарищем, надежным другом и верным руководителем в самых трудных обстоятельствах их жизни. Он присутствовал на похоронах, на свадьбах и на всех празднествах

туземцев. Ни одна черта их общественного и семейного быта теперь не оставалась ему неизвестной.

Как-то несколько мальчиков прибежали к нему сказать, что в Горенду привели невесту и сейчас должен начаться свадебный обряд. Миклуха-Маклай, никогда раньше не видавший этой церемонии у папуасов, немедленно отправился В Горенду. Там уже находилось несколько гостей из Гумбу и Бонгу, пришедших вместе с невестой. Они сидели и курили, пока двое молодых людей занимались туалетом невесты.

Невеста была из рода Гумбу, звали ее Ло. Это была стройная, здоровая девушка лет шестнадцати. Около вертелись три девочки восьми-двенадцати лет, которые должны были проводить невесту до хижины ее будущего мужа. Но собственно туалетом невесты занимались молодые люди. Они вымазали ее, начиная с волос головы и до пальцев ног, красной краской «сургу». Потом невесте провели три прямые линии белой краской поперек, лица, а также линию вдоль носа, и навесили много ожерелий из собачьих зубов. За браслеты на руках воткнули тонкие гибкие отрезки пальмового листа, к концу которых прикрепили по разрисованному листику. На руках от этого образовались как бы зеленые густые букеты. Невеста подчинялась всем этим манипуляциям с удивительным терпением, выставляя поочередно ту часть тела, которая подвергалась украшению. Остатками краски «сурту» вымазали девочек, сопровождавших невесту. Затем на головы их положили большие мешки «гун», в которых женщины обычно носят тяжести. Ло положила обе руки на плечи девочек, и вся процессия двинулась к центру деревни медленно, с опущенными головами, не глядя по сторонам. Гости из Гумбу и Бонгу гуськом следовали сзади.

Девушка-папуаска берега Маклая.

Процессия остановилась у дверей хижины жениха. Здесь сидели женщины Бонгу и готовили «инги» — еду. Несколько минут все молчали. Затем к невесте подошел старый папуас и,

положив на гун, закрывавший ее голову, новый «маль» — передник, произнес речь. Старика сменил другой папуас, который также произнес короткую речь и положил на гун невесте новый «табир» — блюдо. После этого одна из женщин Гумбу сняла с головы невесты табир, маль и гун и сложила у ее ног. За этой женщиной последовал целый ряд жителей Бонгу, приносившее один за другим разные вещи: табиры, большое число мужских и женских маль, разные мужские и женские гун и т. д. Двое туземцев принесли по новому копью, называемому «ходжа-нангор». При этом некоторые туземцы произносили речи, другие же клали свои приношения около невесты молча и так же молча отходили в сторону. Женщины Гумбу поочередно подходили к невесте, снимали с ее головы подарки и клали их рядом с ней. Когда последний табир был снят, подруги Ло отошли от нее и занялись разборкой даров, после чего присоединились к группе женщин Гумбу, и опять воцарилось общее молчание.

Один из старых туземцев (тамо-боро), опираясь на копье, подошел к невесте, сидевшей на земле, и, обвив вокруг пальца пук ее волос, начал речь, специально обращаясь к ней. По временам, как бы для того, чтобы подчеркнуть сказанное и обратить особенное внимание Ло, он сильно дергал ее за волосы. Было ясно, что он говорил о новых ее обязанностях как жены. Его место занял другой старик, который также предварительно навернул на палец прядь волос Ло и при некоторых наставлениях дергал их столь усердно, что девушка привскакивала на месте, ежилась и тихо всхлипывала. Все шло, как по за ученной программе; видно было, что каждый твердо знал свою роль в установившемся обычае.

В продолжение церемонии присутствовавшие сохраняли глубокое молчание, так что речи, произносившиеся не очень громко, можно было хорошо слышать. Любопытно, что невеста и жених все время оставались на втором плане; один из стариков, поучавших невесту, даже обратился к присутствующим и спросил имя ее жениха, что вызвало общий веселый хохот. Отец и мать невесты также не принимали никакого особенного участия в церемонии.

Деревня Гумбу (рис. М.-Маклая).

После того как старики произнесли свои поучения, основательно надергав волосы бедной девушки, отчего она под конец расплакалась, церемония кончилась. Пришедшие с невестой туземцы из Гумбу начали собираться домой. Женщины забрала все дары, сложенные около невесты, распределив их по своим мешкам, и стали прощаться с новобрачной, пожимая ей руку ниже локтя и гладя ее по спине и вдоль рук. Невеста, все еще всхлипывая, осталась в том же положении ожидать прихода своего будущего мужа.

Вещи, послужившие для покупки Ло, были розданы не только ее родственникам, но и всем членам рода Гумбу. Миклуха-Маклай легко мог сделать из этого заключение, что родовые отношения в семейном быту папуасов берега Маклая еще сохраняли свою силу.

Несколько позже Миклуха-Маклай наблюдал другой вид свадьбы — похищение девушки силой. Но похищение это было лишь инсценировкой, так как невеста и жених условились обо всем заранее. «Кража» произошла следующий образом. Днем часа в два или три в Бонгу послышался барум, призывавший к оружию. В деревню прибежал мальчик с известием, что несколько вооруженных людей из Каликум-Мана неожиданно явились на плантацию, где работали женщины Бонгу, и увели с собой одну девушку. Несколько молодых людей Бонгу отправились в погоню за похитителями. Произошла стычка, но также только для виду, после чего все отправились в Каликум-Мана, где было

приготовлено общее угощение. Между людьми, принимавшими участие в погоне, находились отец и дядя уведенной девушки. Из Каликум-Мана все вернулись с подарками и очень довольные. Похищенная девушка, разумеется осталась женой похитителя.

Папуас из деревни Бонгу, играющий на флейте.

Миклуха-Маклай был не простым наблюдателем жизни папуасов, оставившим правдивые научные и художественные описания их общественных и семейно-бытовых отношений; он боролся с суевериями и дикостью, когда это грозило им большими несчастьями. Эта роль русского ученого особенно ярко сказалась в следующем случае. Один молодой туземец из деревни Горенду, по имени Вангум, здоровый и крепкий малый лет двадцати пяти, внезапно заболел и через два-три дня умер. Родственники умершего, не понимая причины его смерти, решили, что тут действует колдовство жителей одной из соседних деревень, с которыми у них уже давно были натянутые отношения. Так как они не могли установить точно, которая именно деревня повинна в колдовстве, то думали сначала напасть на одну из них, а потом на другую. К Миклухе-Маклаю явилась депутация папуасов с просьбой помочь им в войне. Ученый категорически отказался. Это произвело должное впечатление, и разговоры о войне на некоторое время прекратились.

Но через несколько дней произошел новый инцидент. Маленький брат Вангума, отправившийся с отцом и другими жителями Горенду на рыбную ловлю, был ужален в палец ядовитой змеей. Яд подействовал так быстро, что мальчик умер, как только его принесли в деревню. Теперь уже папуасы не сомневались, что против них действуют козни их врагов. Эта вторая смерть, случившаяся в той же деревне, даже в той же семье, произвела на туземцев; самое удручающее впечатление. Все они были крайне возбуждены от горя и страха, что могут последовать дальнейшие несчастья. Папуасы Горенду жаждали мести и единодушно утверждали, что, если они не начнут немедленно войну против деревень, откуда идет колдовство, их всех ждет неминуемая гибель.

Так как папуасы уже знали отрицательное отношение Миклухи-Маклая к войне, то решили ничего не говорить ему о своем намерении немедленно напасть на соседние деревни. Однако скрыть свои приготовления к войне они не могли, и Миклуха-Маклай сразу все понял. Он знал, что войны туземцев продолжаются чрезвычайно долго, принимая форму частных вендетт, то есть мести родственников за убитых. Во время таких войн на долгие годы прекращается всякое общение между деревнями, и цветущий мирный край превращается в страшную глухомань, где каждый житель ежеминутно может быть убитым. Кроме того, поскольку отрицательное отношение Миклухи-Маклая к войне было известно туземцам, он уже не мог молча ждать развития событий. Иначе папуасы перестали бы слепо верить каждому его слову, как это было до сих пор. Поэтому, несмотря на нежелание оказывать какое-либо давление на туземцев, он решил воспрепятствовать этой войне во что бы то ни стало. Сильному впечатлению, произведенному на туземцев смертью двух молодых людей следовало противопоставить другое впечатление, еще более сильное.

Папуас деревни Бонгу в праздничном наряде.

С этой целью ученый явился в обычное время в Горенду, делая вид, что ничего не знает о приготовлениях туземцев.

Сейчас же начались разговоры о смерти двух братьев. Миклуха-Маклай понимал, что это делается умышленно, и что туземцы жаждут выслушать его мнение. Он не заставил долго ждать этого.

— Вангум и его брат, — сказал Миклуха-Маклай, — были молоды и здоровы. Старик-отец их остался теперь один. И все-таки я скажу то же, что говорил после смерти Вангума: войне не быть!

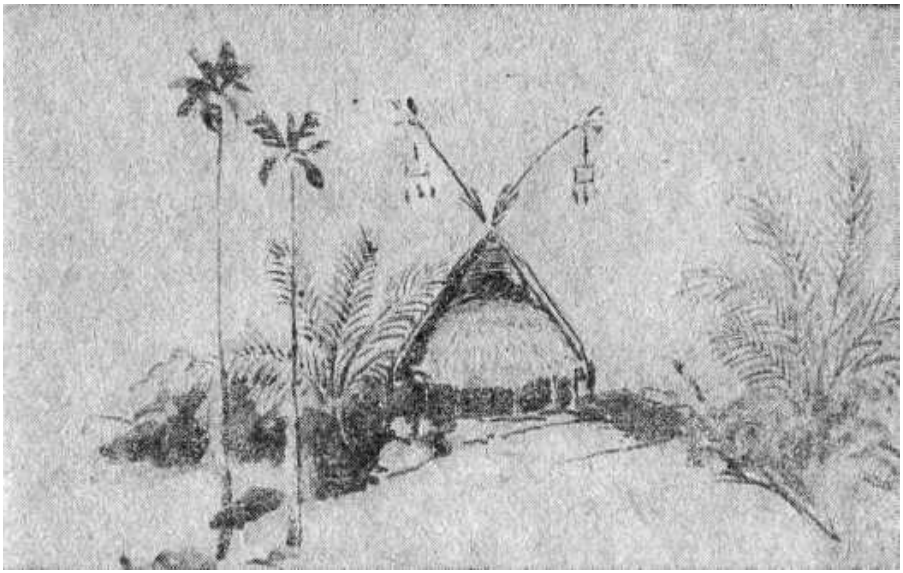
Столь категорическое запрещение немедленно вызвало общий ропот. Возле хижины, где сидел ученый, мгновенно собралась большая толпа. Все хотели лично убедиться, Что Маклай действительно запрещает войну. Из толпы выделилось несколько наиболее уважаемых стариков, они приблизились к русскому ученому и стали доказывать, почему война необходима. Он слушал очень внимательно и даже не пытался возражать. Он понимал, что при недостаточном знании языка его опровержения могут быть неправильно поняты и это приведет, пожалуй, к серьезным недоразумениям. Поэтому он терпеливо ждал, пока все старики выскажутся, а потом встал и сказал спокойным голосом, резко контрастировавшим с возбужденным говором толпы:

— Я сказал: войны не будет. Если же вы отправитесь в поход, с вами со всеми случится несчастье.

Наступило полное молчание, затем посыпались вопросы: «Что случится?», «Что будет?», «Что Маклай сделает? Для большего впечатления Миклуха-Маклай решил ничего не объяснять им, полагая, что в таком случае их воображение будет работать еще больше. Он только кратко сказал:

— Сами увидите, если пойдете.

Этот ответ был наилучшим. Решимость папуасов была парализована. Они терялись в догадках, что произойдет с ними в случае войны, но были уверены, что произойдет что-то страшное.



Буамрамра — общественная хижина.

Через несколько дней к Миклухе-Маклаю, нарочно не выходившему теперь из своего дома, пришел его старый приятель Туй и сообщил, что все жители Горенду решили выселиться навсегда из своей деревни.

— Что так? — с удивлением спросил Миклуха-Маклай.

—- Да мы все боимся жить там, — ответил Туй. — Останемся в Горенду — все умрем один за другим. Двое уже умерли, так и другие умрут. Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у всех стали красные и они все умрут. Мана-тамо зарыли в Горенду оним — вот и кокосовые пальмы умирают. Хотели мы побить этих Мана-тамо, да нельзя, — Маклай не хочет, говорит: случится беда... Вот мы и хотим разойтись в разные стороны.

Хотя Миклухе-Маклаю было очень жаль жителей деревни Горенду, готовившихся покинуть родные места, но он не изменил своего решения. Если нельзя было рассеять суеверных страхов, то лучше было допустить мирное переселение папуасов в новые места, чем подвергать берег Маклая разрушениям и бедствиям затяжной, мстительной, кровопролитной войны.

Авторитет русского ученого, завоеванный у папуасов, оказался достаточным, чтобы одним его словом была предотвращена неизбежная война и мир на долгие годы сохранился на берегу Маклая.

Спустя некоторое время произошел новый эпизод, характеризующий изумительную выдержку и непоколебимую прямоту русского путешественника.

Как-то, часу в шестом вечера, он отправился к своим соседям в деревню Бонгу. Там он надеялся встретить и жителей деревень Били-Били и Богатим, которых ожидали. Придя в деревню, он вошел в буамрамру (общественную хижину), где происходил громкий оживленный разговор; при его появлении разговор оборвался. Миклуха-Маклай догадался, что туземцы говорили или о нем самом, или о том, что хотели скрыть от него.

Заходящее экваториальное солнце красноватыми лучами освещало внутренность буамрамры и возбужденные лица жителей Бонгу, Били-Били и Богатим. Сборище папуасов было очень большое.

Миклуха-Маклай сел. Все продолжали молчать. Стало ясно, что он помешал их совещанию. Тогда старый папуас по имени Саул, подошел к нему и, дружески положив руку на плечо путешественника, спросил, заглядывая в глаза:

— Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвый как люди Бонгу, Богатим, Били-Били?

Вопрос Саула удивил Миклуху-Маклая своей неожиданностью и торжественным, хотя и просительным тоном. Выражение физиономий окружающих папуасов говорило, что не один только Саул ожидает его ответа с крайне напряженным интересом. Так вот о чем совещались папуасы перед его приходом!

На простой вопрос надо было дать простой ответ, но его следовало прежде обдумать. Миклуха-Маклай знал, что туземцы ему безгранично верят, у них даже образовалась поговорка «баллал Маклай худа» — слово Маклая одно.

Постройка буамрамры.

Обманывать их даже в этом случае он не хотел. Да и что пользы сказать «нет», если любая случайность завтра или через несколько дней могла показать папуасам, что Маклай сказал неправду. Тогда навсегда было бы поколеблено их доверие к нему. Но и сказать «да» он не хотел, Потому что еще было свежо воспоминание о запрещении им войны, а сознание, что Маклай так же смертен, как и они все, могло толкнуть их на непослушание. Все эти соображения с быстротой молнии пронеслись в его голове.

Чтобы иметь время обдумать свой ответ, он встал и нарочно медленно прошел вдоль буамрамры, смотря вверх как бы ища чего-то. Косые лучи солнца освещали различные мелкие предметы, висевшие под крышей. От черепов рыб и челюстей свиней его взгляд невольно перешел к коллекции разного оружия. Там были луки, стрелы и несколько копий разной формы... Ответ был найден.

Сняв тяжелое и хорошо заостренное копье, удар которого должен был причинить неминуемую смерть, Миклухо-Маклай подошел к Саулу, стоявшему посреди буамрамры и следившему за всеми его движениями. Путешественник подал копье Саулу и, отойдя на несколько шагов, остановился прямо против него. Затем спокойно снял шляпу, широкие поля которой закрывали его лицо, — он хотел, чтобы туземцы по выражению его лица могли видеть, что он шутит, и решительно сказал:

— Посмотри сам, может ли Маклай умереть.

Недоумевавший Саул, хотя и понял смысл смелого приложения Миклухи-Маклая, даже не поднял копья и взволнованно заговорил:

— Арен, арен! (Нет, нет!)

Некоторые из присутствовавших бросились к путешественнику, как бы желая заслонить его своим телом от копья Саула.

Простояв некоторое время перед Саулом, как бы в ожидании удара, и даже назвав его шутливо бабой, Миклуха-Маклай, наконец, сел между туземцами, которые в возбуждении говорили все сразу. Ответ, повидимому, оказался вполне убедительным, так как никогда потом никто из них не спрашивал путешественника, может ли он умереть.

В АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЯХ

6 ноября 1877 года в залив Астролябия совершенно случайно зашла английская шхуна «Flower of Jarrow». Так как русский ученый находился на берегу Маклая вместо предположенных шести месяцев уже около семнадцати, а другой случай уехать отсюда вряд ли мог представиться скоро, он решил договориться с капитаном, чтобы тот доставил его в Сингапур, куда направлялась «Flower of Jarrow».

Отъезд был настолько внезапным, что Миклуха-Маклай не успел даже захватить все научные коллекции, собранные им за это время, и поручил туземцам Бонгу оберегать их до его следующего возвращения на берег Маклая. Действительно, когда через семь лет, в 1883 году, русскому ученому пришлось еще раз побывать в этих краях, он нашел все, им оставленное, в целости и сохранности. Туземцы Бонгу берегли его вещи, как зеницу ока. Был даже такой случай: на следующий год после отъезда ученого в залив Астролябия пришла шхуна из Австралии с золотоискателями, привлеченными слухами, что русский ученый нашел здесь богатейшие золотые россыпи. На берегу австралийцы увидели дом Миклухи-Маклая. Запертый на простой висячий, дверной замок, он был в полной сохранности. Один из золотоискателей взялся за замок, пытаясь сорвать его и войти в дом. Но папуасы Бонгу, наблюдавшие за пришельцами, сразу окружили их и знаками объяснили, что дом принадлежит Маклаю и они никого туда не пустят.

Любовь туземцев берега Маклая к русскому путешественнику была так велика, что даже много лет спустя, в девяностые годы, когда северо-восточная Новая Гвинея была захвачена Германией, около селения Бонгу и на острове Били-Били туземцы показывали участки земли, принадлежавшие, по их словам, Миклухе-Маклаю. На острове Били-Били участок земли Миклухи-Маклая находился в очень красивом месте у берега моря, и туземцы долгое время очищали его от лесной поросли, дожидаясь приезда своего друга. Эта память и уважение к личности русского путешественника тем более замечательны, что островок Били-Били очень мал и густо заселен. Каждый свободный клочок земли представляет там большую ценность.

«Flower of Jarrow», как все европейские коммерческие шхуны, не прямо взяла курс из бухты Астролябия на Сингапур, а по дороге посетила ряд мелких островов, где капитан шхуны выменивал всевозможные туземные изделия на никчемные

безделушки или оружие и виски.

Наконец, 19 января 1878 года шхуна бросила якорь на Сингапурском рейде.

Сингапур, что значит «Город львов», приобретен англичанами в 1819 году у джохорского султана. Тогда это было гнездо морских разбойников, населенное всего двадцатью малайскими рыбачьими семьями. За шестьдесят лет, протекших с того времени, все переменилось неузнаваемо. Хотя Миклуха-Маклай уже несколько раз бывал в Сингапуре, он с нетерпением ожидал увидеть этот город, который англичане с гордостью называют «Гибралтаром Востока».

Утром город представился глазам русского ученого, весь залитый лучами яркого солнца, утопающий в зелени, как в зеркале, отражающийся в воде залива, по которому сновали бесчисленные китайские джонки и лодки.

К борту «Flower of Jarrow», как пчелы к цветку, прилепились десятки таких лодок, наполненных всякой всячиной, но более всего фруктами. Груды ананасов, манго, кокосовых орехов отдавались за бесценок. Миклуха-Маклай с удовольствием вглядывался в пеструю толпу сидевших в лодках людей, различая смуглые лица индусов, стройные тела с грациозными движениями и светложелтые полуобнаженные фигуры китайцев.

Не дожидаясь окончания торга, Миклуха-Маклай отправился на берег. На набережной, застроенной каменными лавками, его оглушило шумное движение. После тишины берега Маклая он с трудом переносил суматоху большого города.

За низкими каменными зданиями шли двухэтажные дома китайского населения. Верхние этажи были жилые, нижние заняты лавками. Китайцы, в одних юбках или шароварах, сидя в лавках или у порогов, расчесывали друг другу длинные косы, брили головы и подбородки. За этим занятием они проводили целые часы. Некоторые, сидя, клали голову на столик, а цырюльник, обрив, прилежно начинал поколачивать их по спине в виде массажа.

Жара, шум, множество суетящихся людей так утомили Миклуху-Маклая, что он поспешил взять карету, чтобы поскорее добраться до отеля в европейской части города. Сингапурские экипажи в то время были очень оригинальны. Без рессор, похожие на люльки, обложенные подушками и цыновками. Для кучера в этом экипаже места не оставалось, и он должен был бежать рядом, не отставая от лошади, держа ее под уздцы и управляя ее движением.

Экипаж Миклухи-Маклая быстро миновал высокий деревянный мост, отделявший китайский квартал от

европейского. Здесь было другое — простор, чистота, прекрасная архитектура домов, закрытых мелкой, вьющейся, как плющ, зеленью с голубыми яркими цветами. Дорога все время шла по великолепной аллее, между мускатными деревьями с померанцевыми и розовыми кустами.

Взяв в отеле номер, Миклуха-Маклай с удовольствием почувствовал себя в одиночестве. Последние дни он испытывал сильное недомогание, которое преодолевал исключительным напряжением воли. Теперь болезнь сломила его. Он лег в постель, и звон и шум, раздававшиеся в его ушах, казались ему отголосками городского шума.

Семь месяцев пролежал больной Миклуха-Маклай в Сингапуре. Врачи заявили, что только немедленный отъезд в страны более умеренного климата может спасти ему жизнь.

Сначала Миклуха-Маклай предполагал отправиться на север по берегам Тихого океана, чтобы, продолжая свои исследования человеческих рас от экватора до полярного круга, через Владивосток вернуться на родину. В России он мог бы спокойно заняться обработкой уже добытых им материалов, на что понадобилось бы несколько лет жизни.

Этот план очень соблазнял его, но вместе с тем ему было жаль прерывать свое путешествие в тот момент, когда к его голосу в защиту туземцев стало прислушиваться мировое общественное мнение. Он никогда не был сухим, кабинетным ученым, любовь к науке никогда не заглушала в нем любви к людям, а, наоборот, делала ее только сильней. Если бы он вернулся в Россию, Русское географическое общество, без поддержки которого он не мог обойтись, несомненно предложило бы ему остаться в рамках «бесстрастного» исследователя жизни первобытных людей и в таком духе подготовить для печати собранные им материалы. Что Русское географическое общество ждало от него именно этого, он знал из писем, которые хотя и редко, но все же получал из Петербурга.

Точку зрения Географического общества на деятельность замечательного русского путешественника официально изложил вице-председатель общества знаменитый географ П. П. Семенов, писавший: «Второе продолжительное пребывание посреди диких племен Новой Гвинеи и притом в совершенно изменившихся условиях, при коих, вместо прежней своей недоверчивости и отчужденности, папуасы подчинились влиянию белого человека, смотря на него, как на какое-то высшее существо, совершенно изменило и отношение Маклая к папуасам. Вместо того чтобы смотреть на них, как прежде, совершенно объективно, как на предмет научного исследования, он как бы сроднился с ними,

полюбил их и с увлечением вошел в роль их руководителя и покровителя. Такой характер приняла вся дальнейшая его деятельность, и дальнейшие его поездки, с 1878 по 1882 год, были обусловлены уже не чисто научными, антропологически-этнографическими целями, а желанием быть трибуном диких папуасов, активным защитником прав, по его мнению, угнетаемых и стираемых с лица земли австралийских племен».

Конечно, П. П. Семенов ошибался, полагая, что только после второго пребывания на берегу Маклая путешественник выступил в защиту угнетаемых туземцев. Уже после посещения Папуа-Ковиай Миклуха-Маклай, как мы видели, официально обратился к голландским властям с требованием оградить туземцев от варварского истребления. Да и вся его деятельность в качестве антрополога и этнографа определялась общими демократическими и гуманистическими его взглядами.

Учитывая это неодобрительное отношение к себе со стороны русских коллег и правительства, Миклуха-Маклай решил пока не возвращаться на родину, а временно поселиться в Австралии. Это позволяло ему оставаться вблизи района его путешествий и в то же время иметь все необходимые удобства для работы. В июле 1878 года он приехал в город Сидней и остановился в доме русского вице-консула, охотно оказавшего гостеприимство прославленному соотечественнику.

Город Сидней расположен на южном берегу великолепнейшей в мире бухты Порт-Джаксон. При входе в порт с южной стороны высится памятник мореплавателю Куку, открывшему эту бухту в 1770 году, а на северной стороне — памятник Лаперузу, который в 1788 году отправился отсюда в свое последнее плавание.

Сидней — самый древний город Австралии, хотя со дня его основания прошло всего только полтораста лет. В начале колонизации материка Сидней был простым пенитенциарием[20], а затем главной из тюрем, разбросанных по соседним территориям. Это было в те времена, когда заселение Австралии шло исключительно путем присылки преступников из Англии. К моменту приезда Миклухи-Маклая Сидней был уже крупнейшим городом южного Материка и оспаривал первенство у города Мельбурна, сказочно выросшего после открытия около него золотых приисков. жители Сиднея с гордостью назвали свой город «Queen of the Sauth» («Королева юга»).

Благодаря многочисленным извилинам в побережье и неровному рельефу местности Сидней не однообразен, как большинство городов Нового света. Он не напоминает шахматную доску с правильными квадратами одинаковых размеров;

некоторые его улицы змеятся по лощинам, поднимаются по возвышенностям; а маленькая бухта, рукава моря, скалы и утесы делят город на особые, не похожие друг на друга части. Порт Сидней сам по себе так обширен, что между многочисленными пристанями на его берегах постоянно происходит большое движение всевозможных яхт, катеров и лодок, придающее городу весьма оживленный и нарядный вид.

Несмотря на то, что Миклуха-Маклай еще не вполне оправился от болезни, он тотчас по прибытии в Сидней принялся за работу. Первым долгом он стал настойчиво пропагандировать мысль о необходимости устройства близ города морской зоологической станции. С этой целью в августе того же года Миклуха-Маклай выступил с публичной лекцией о пользе морских зоологических станций. Лекция имела успех, и ему удалось собрать по подписке сумму в двести фунтов стерлингов. На эти деньги он приступил к организации станции. Место было выбрано очень удачно на живописном берегу, недалеко от города.

В Австралии Миклуха-Маклай мог еще раз лично убедиться, к чему приводило туземцев господство европейских захватчиков. Первобытное население большого материка вымерло с невероятной быстротой, буквально в два-три десятилетия. Вытесненные белыми с прежних мест обитания в пустыню, туземцы лишены были возможности добывать пищу охотой или собиранием плодов. Многие из них, видя, хорошо, что их ожидают голодное прозябание и преждевременная смерть, кончали жизнь самоубийством или отказывались иметь детей и тем самым поддерживать существование рода. Жестокость завоевателей не знала границ. Обрекая туземцев на вымирание, «цивилизованные» белые колонисты издавали «законы», объявлявшие «мародерами и браконьерами, а следовательно заслуживающими быть третируемыми как таковые» всех туземцев, которые не хотели покинуть родные места.

Лалла Рук.

Миклуха-Маклай узнал, что во многих поместьях австралийских скваттеров, богатейших помещиков, владевших многотысячными стадами овец, шерсть которых являлась главным предметом экспорта Австралии, охрана этих стад была поручена конным полицейским, которых закон обязывал стрелять по свободным туземцам, чтобы белых колонистов не раздражал

вид их черных соседей.

Остров Тасмания первый среди австралийских колоний был вполне «очищен», по буквальному английскому выражению, от его первоначальных обитателей, число которых ко времени появления белых достигало семи тысяч. Среди австралийских племен тасманийцы, как говорили, были самыми замечательными по своей красоте и доброте. В конце 1834 года последние туземцы Тасмании, преследуемые как дикие звери, были захвачены на оконечности одного возвышенного мыса, и это событие праздновалось с триумфом. Пленных сначала переводили с островка на островок, а затем всех, числом до двухсот, согнали в одну из болотистых долин острова Фляндерса. Там им выдавали скупые порции съестных припасов и щедро угощали уроками катехизиса. И так как они вынуждены были беспрекословно терпеть все, их община приводилась даже как пример преуспеяния христианской цивилизации среди первобытных дикарей. Но за десять лет пребывания в месте ссылки более трех четвертей «облагороженных» христианской религией туземцев перемерло. Тогда двенадцать мужчин,двадцать две женщины и десять детей перевели на другое место, отдав их все же под надзор специальных надсмотрщиков, которые наживались за счет денежных сумм, «великодушно» отпущенных английским правительством на содержание пленных тасманийцев. В 1860 году от когда-то многочисленного племени в живых осталось только шестнадцать человек. В 1869 году умер последний мужчина тасманиец, а за два года до приезда Миклухи-Маклая в Австралию, в 1876 году, умерла последняя женщина этого племени — «королева» Труганина, прозванная англичанами Лалла Рук.

НОВЫЕ СКИТАНИЯ

Миклуха-Маклай прожил в Сиднее около семи месяцев. За это время здоровье его окрепло, и его опять потянуло странствовать. Ученому всегда казалось, что он еще мало сделал, мало узнал, и он торопился как можно больше работать и изучать, совершенно не считаясь с пределом своих физических сил. Своему другу профессору Вирхову он писал из Сиднея: «Начать какую-нибудь работу бывает обыкновенно легче, чем закончить ее удовлетворительно. Наполнить пробелы хламом слов — дело возможное и нередко пускаемое в ход — противно настоящему исследованию. Так как после девятилетнего странствования по островам Тихого океана мне более бросаются в глаза вопросы без ответов, чем вопросы, удовлетворительно разрешенные, и так как здоровье мое достаточно поправилось, то я решил, продолжая избранный мною путь, предпринять новую экскурсию на острова Меланезии».

Слово и дело никогда не расходились у Миклухи-Маклая. За решением немедленно следовало исполнение. В марте 1879 года он сел на американскую шхуну «Saddie F. Caller», заключив с капитаном письменный договор, имевший следующее интересное условие: «В случае, если господин Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обязуется не позволить себе никаких насилий относительно туземцев под предлогом наказания».

— Вина белых в отношении островитян Тихого океана, — сказал Миклуха-Маклай, комментируя это условие,— по моему мнению, так громадна, что всякое так называемое «наказание» только увеличит число преступлений против них.

Шхуна «Saddie F. Caller» отправлялась сначала к островам Адмиралтейства, что соответствовало желанию Миклухи-Маклая еще раз побывать на острове Андра, где у него имелись знакомые туземцы. Так как капитану Вебберу было безразлично, в какой части островов начать торговлю, то он легко согласился исполнить желание русского ученого.

Путешественник наблюдал в бинокль, как от берег Андры отделились пироги, направляясь навстречу шхуне. Когда пироги приблизились, с одной из них неожиданно раздался возглас: «Маклай!» Русского путешественника узнали. Между людьми на пирогах завязался оживленный разговор, в котором часто повторялось его имя. Вслед за тем папуасы один за другим полезли по трапу на палубу. Они окружили Миклуху-Маклая,

протягивали к нему руки, гладили по плечу, по спине и повторяли его имя с прибавлением слов: «уян, уян» («хороший, хороший») и «кавас, кавас» («друг, друг»).

При помощи небольшого словаря диалекта этого острова, составленного русским ученым еще в прошлое посещение, он объяснил туземцам, что капитан пришел сюда за «бечтема» (трепанги), за «поэсю» (жемчужные раковины) и за «писпонем» (черепаха) и что в обмен за это они могут получить большие и маленькие «самель» (железо, ножи), «памос» (красная бумажная материя) и «буляб» (стеклянный бисер).

После этого Миклуха-Маклай вместе с туземцами сошел на берег. Его встречало население деревни. Он достал из кармана свою старую записную книжку и стал громко читать занесенные в нее два года назад имена жителей деревни. Эффект был непередаваемый. Все туземцы пришли в возбуждение и стали кричать: «Маклай! уян, уян, уян!»

Словом, туземцы почувствовали, что нашли опять старого друга, который понимает их, интересуется ими и не думает причинить им какой-либо вред или обмануть их.

Миклуха-Маклай пробыл весь день с туземцами и, только когда начало темнеть, вернулся на шхуну. Капитан Веббер очень обрадовался возвращению путешественника; обеспокоенный его долгим отсутствием, он уже собирался послать за ним людей.

На другой день путешественник решил совершить экскурсию по острову, так как туземцы, обрадованные встречей с ним, нанесли на шхуну такое множество своих изделий для обмена, что капитан Веббер предполагал пробыть здесь не меньше недели.

Миклуха-Маклай переселился на остров, откуда ему было удобнее совершать свои экскурсии. Он ежедневно уходил утром, а возвращался к ночи. В его распоряжение туземцы предоставили одну из общественных хижин.

Во время одной экскурсии он попал в местность, которая показалась ему знакомой. Мало-помалу он убедился, что в прошлое свое посещение острова, в 1876 году, он здесь бывал не раз. Он даже узнал не только дерево, но и сучья, к которым привязывал тогда свой гамак. Недалеко от этого дерева в то время строилась хижина для трэдора О'Хара со шхуны «Sea Bird». О'Хара, так же как Пальди, собирался поселиться среди туземцев. Но теперь его хинины не было. Пройдя несколько шагов, Миклуха-Маклай увидал ее развалины — несколько свай и остатки крыши, лежавшие на провалившемся полу. По обрубкам стволов было видно, что место это было когда-то расчищено, а зеленеющие молодые побеги свидетельствовали, что прошло

достаточно времени с тех пор, как оно было покинуто.

Расположившись удобно на срубленном пне, Миклуха-Маклай вспомнил весь эпизод своего знакомства с трэдором О'Хара, его высадкой и поселением в этой хижине, а затем печальный конец его предприятия.

Этот человек, родом ирландец, получил в Европе, сначала в Англии, потом где-то на Рейне, а затем во Флоренции, очень неплохое образование. Сначала он был учителем в Индии, затем занимал какую-то должность в колонии ссыльных на Андаманских островах и был одно время главным сотрудником, чуть ли не редактором, английской газеты в Пуло-Пинанге. Попав, наконец, в Сингапур, он вошел там в сношения с одной фирмой, которая вела меновую торговлю на островах Тихого океана. Ему вздумалось попытать счастья на островах, и он согласился отправиться в качестве агента — трэдора — для меновой торговли с туземцами.

Миклуха-Маклай оставил О'Хара на острове Андра два года тому назад, но о судьбе его случайно узнал в прошлом году от одного человека, который встретил О'Хара при следующих обстоятельствах. (Человек этот был пассажиром на небольшом кутере «Рабеа», плававшем под американским флагом.)

Капитан кутера приблизился к острову Андра и занялся меновой торговлей с туземцами. Множество пирог окружило кутер. Капитан случайно обратил внимание на человека с очень светлой кожей, в изорванной шляпе, без рубашки, сидевшего в небольшой пироге и как будто не дерзавшего приблизиться к кутеру. Это заинтересовало капитана; он по-английски окликнул незнакомца, пригласил его на кутер. Незнакомец ответил также по-английски, что сделать этого не может, так как боится, что туземцы на пирогах не пропустят его к кутеру. Тогда капитан поворотом руля и движением вперед прочистил дорогу для пиро роги незнакомца. Когда последний приблизился, многие на кутере узнали его: это был не кто иной, как О'Хара, но очень изменившийся. С величайшим трудом взобрался он па палубу — ноги его оказались сильно опухшими, и он весь дрожал, вероятно, от возбуждения при встрече с европейцами. Костюм его состоял из грубого холщевого мешка, который обхватывал самым неуклюжим образом его талию, и из дырявой грязной соломенной шляпы на голове. В нескольких словах О'Хара рассказал, что вскоре после ухода шхуны Sea Bird жители острова Андра, угрожая ему смертью, забрали все товары, предназначенные для меновой торговли, и все его личное имущество, платье и белье, не оставив ему ничего, кроме старого мешка от риса и шляпы, что он уже много месяцев живет у одного старика-туземца, который,

сжалившись над ним, дал ему угол в своей хижине, кормил его и при приближении кутера дал свою пирогу, чтобы О'Хара добрался до судна.

О'Хара умолял шкипера отвезти его на южный берег большого острова Адмиралтейства, где он надеялся встретить Пальди, не подозревая об ужасной участи, постигшей итальянца.

Капитан согласился исполнить просьбу О'Хара и направился на восток, чтобы обогнуть восточную оконечность большого острова.

Экипаж «Рабеа», очень небольшого судна, всего в тридцать пять тонн вместимостью, состоял из шести человек матросов — четырех малайцев из Манилы, одного негра и одного туземца с островов Ниниго.

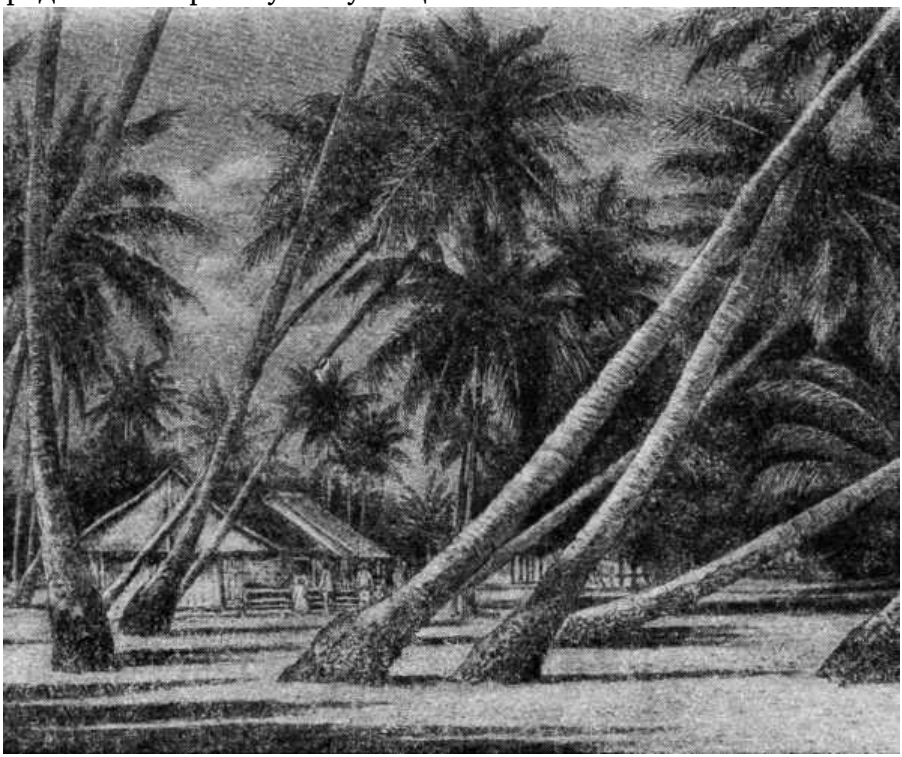
Подойдя на утро следующего дня к селению Пуби на южном берегу большого острова, где в 1876 году был оставлен Пальди, капитан кутера послал на берег за водой шлюпку с тремя матросами. Двое туземцев островов Адмиралтейства отправились с ними, чтобы указать ближайшую речку или ручей. В это время кутер окружило от сорока до пятидесяти пирог; на некоторых пирогах было более сорока туземцев. Многие из них забрались на палубу кутера, но Пальди все не появлялся. О'Хара вздумал написать ему и отдал записку одному из туземцев для передачи Пальди.

Туземец, к которому он обратился, казалось, хорошо понял, чего от него желают, взял бумагу, свернул ее, вложил в отверстие сильно оттянутой мочки уха и, не говоря ни слова, направился в свою пирогу, которая сейчас же отошла от кутера, но недалеко. Туземец, с запиской в ухе, обратился к своим землякам с короткой речью, после которой все туземцы поспешно очистили палубу кутера. Людям на кутере нетрудно было понять, что произойдет дальше. Пользуясь временем, пока туземцы перелезали в свои пироги, они стали готовиться к самозащите. Кроме капитана, на кутере оставались только три матроса да два трэдора. Итак, этим шестерым пришлось вступить в борьбу с несколькими сотнями туземцев.

Никто, разумеется, не остался на палубе. Капитан кутера, замечательный стрелок, решил отстреливаться один, предоставив остальным заряжать ружья.

Первое копье брошено было человеком с запиской от ОХара, который, казалось, распоряжался атакой; за ним последовал град копий, направленных в полуоткрытые двери и маленькие окна кутера. Вооруженный отборным скорострельным оружием, капитан принялся за свое смертоносное дело. Хорошо целясь, он стрелял почти без промаха. Первым со стороны туземцев был

убит человек с запиской. Несмотря на меткость выстрелов, туземцы с замечательнейшей храбростью яростно продолжали нападение. Они буквально осыпали копьями маленький кутер. Капитан, выставивший неосторожно руку, был тотчас ранен, что, однако, не помешало ему, перевязав наскоро рану платком, продолжать стрельбу по туземцам.



Пейзаж на островах Туамоту.

При каждом выстреле один из папуасов валился мертвым или раненым. Туземцы, кажется, не отдавали себе полного отчета в действии ружей. Один туземец, например, бросив копье, поднял лежавшую у его ног цыновку, как бы желая укрыться от пули, которая не долго заставила себя ждать, свалив несчастного мертвым за борт. Капитан кутера полагал, что число убитых или раненых им в тот день было не менее пятидесяти человек.

Через полчаса боя туземцы прекратили метание копий и двинулись по направлению к берегу. Как раз в это время шлюпка с водой находилась на пути к кутеру; нужно было прикрыть ее возвращение. Две пироги отделились было от флотилии, пытаясь отрезать шлюпку, но несколько метких выстрелов заставили оставить ее в покое.

После стычки с туземцами о торговле, разумеется, нельзя было и думать. Поэтому капитан кутера решил отправиться

дальше.

Теперь, сидя на срубленном пне и вспоминая эту историю, Миклуха-Маклай не удивлялся ненависти, которую питали туземцы к белым трэдорам. Сколько жестокости, жадности и бесчеловечности было проявлено по отношению к так называемым «дикарям»! Что, кроме ненависти, могли вызвать к себе эти «цивилизаторы»? А ведь можно было действовать совсем другими методами. Сам он на берегу Маклая сумел не только установить отношения прочной дружбы с туземцами, но и научил их многому, что обогатило и украсило их жизнь. Он привез с собой на берег Маклая семена растений и плодов, множество полезных предметов — все это стало теперь достоянием папуасов. Русские слова «арбуз», «тыква», «топор», «железо» распространились по северо-восточному берегу Новой Гвинеи, имея то же значение, что и на далекой их родине где-нибудь под Москвой.

С острова Андра шхуна «Saddie F. Caller» отправилась далее к берегам Новой Ирландии, где капитан Веббер продолжал выгодную торговлю с туземцами. Здесь шхуна попала в сильный шторм, который растрепал ее паруса и расшатал ванты так, что она потеряла способность противостоять ветрам и течению. Вследствие этого ее отнесло к Соломонову архипелагу, где ей пришлось простоять около месяца, исправляя повреждения, причиненные штормом.

Деревня Телят.

Десять месяцев продолжались странствования Миклухи-Маклая на шхуне «Saddie F. Caller» по островам Меланезии. Теперь капитан Веббер, по условию договора, должен был доставить русского путешественника в бухту Астролябия на берег Маклая. Но Миклуха-Маклай неожиданно отменил свое решение. В одном частном письме он так объяснял это: «Мое мнение о личностях, находившихся на шхуне, было таково, что я не захотел подвергать моих черных друзей риску этого знакомства».

Миклуха-Маклай предпочел высадиться на острове Варэ. Он знал, что там ожидается миссионерский пароход «Эленгован», который должен отправиться вдоль юго-восточного побережья Новой Гвинеи. Миклуха-Маклай очень хотел побывать в этих незнакомых ему местах.

Оставляя шхуну «Saddie F. Caller», Миклуха-Маклай не взял собранные им многочисленные коллекции.

— Считая вас честным человеком, — сказал он капитану Вебберу, — я надеюсь, что вы сдадите все мои вещи исправно в русское консульство в Сиднее, почему мне не надо никакой расписки.

К сожалению, на обратном пути капитан Веббер умер, и шхуна отправилась в Сан-Франциско, не заходя в Сидней. Ценнейшие коллекции русского ученого бесследно пропали для науки.

21 января 1880 года на остров Варэ пришел пароход «Эленгован», конечным пунктом рейса которого был порт Моресби на юго-восточном берегу Новой Гвинеи. Порт Моресби, названный так по имени капитана английского военного судна «Basilisk», привлекал Миклуху-Маклая тем, что, по слухам, в окрестностях его жило какое-то «желтое» или «малайское» племя. Проверить эти слухи он считал необходимым.

Хотя от острова Варэ до порта Моресби считалось всего триста морских миль, «Эленгован» дошел туда только через двадцать три дня. В его задачу входило посещение всех населенных пунктов, где вели свою деятельность миссионеры. Это обстоятельство дало возможность русскому ученому хорошо ознакомиться со всем юго-восточным побережьем Новой Гвинеи.

По прибытии в порт Моресби Миклуха-Маклай немедленно начал поиски «желтых» людей. Но никакого «желтого» племени он не нашел, хотя и установил, что жители многих деревень имели здесь примесь малайской крови.

В порту Моресби «Эленгован» простоял до апреля 1880 года. Так как Миклуха-Маклай опять заболел тропической лихорадкой,

ему пришлось спешно оставить порт Моресби с его нездоровым климатом и через Торресов пролив перебраться в Австралию. Там ему оказали гостеприимство в доме местного администратора Честера, жена которого самоотверженно ухаживала за русским путешественником и помогла ему победить болезнь.

На обратном пути в Сидней Миклуха-Маклай заехал на несколько дней в Брисбейн. Там его приняли так радушно, что «несколько дней» растянулись на несколько месяцев. Правительство Квинсленда, столицей которого был Брисбейн, отвело прославленному путешественнику для его научных занятий здание городского музея и предоставило право бесплатного проезда по всем железным дорогам Австралии.

Последним обстоятельством Миклуха-Маклай воспользовался, чтобы проехать шестьсот миль в глубь австралийского материка и посмотреть безволосых людей, о которых ему очень много говорили. Безволосых людей он нашел, но особенность эта, передававшаяся, как он установил, по наследству, принадлежала не целому племени, а всего только одной семье.

ТРИБУН ЧЕРНОГО ПЛЕМЕНИ

Только в январе 1881 года, после почти двухлетнего отсутствия, вернулся Миклуха-Маклай в Сидней. Здесь он энергично принялся за продолжение строительства морской зоологической станции, которое без него было заброшено. Для этой цели правительство Австралии предоставило в его распоряжение 400 фунтов стерлингов, что дало возможность завершить дело.

Хотя строительство станции поглощало у русского ученого много трудов и времени, но главной целью его во вращения в Сидней было не это. Он хотел открыто выступить с громким протестом против эксплоатации и истребления туземцев на островах Тихого океана. За время своего путешествия на шхуне «Saddie F. Caller» он узнал так много возмутительных подробностей о насильственном вывозе трэдорами туземцев островов для работы на плантациях, принадлежавших белым, что считал своим долгом поднять теперь голос против этих скрытых форм обращения людей в рабство.

Он пишет открытое письмо английскому верховному комиссару в западной части Тихого океана сэру Арту Гордону, в котором с негодованием говорит: «Самое поверхностное и беспристрастное наблюдение открывает вереницу злоупотреблений, сопровождающих вывоз туземцев Меланезии на плантации в Австралию, Новую Каледонию, Фиджи, Самоа. Это весьма редко без обмана, иногда с помощью насилия обходящееся добытие темнокожих рабочж прикрывается в английских колониях эпитетом «Free labour trade»[21], так как название «Slave trade»[22], хотя и более приближается к истине, не особенно благозвучно и должно быть избегнуто».

Далее он писал, что истребление туземного населения не только несправедливая жестокость, но и непростительный промах в политико-экономическом отношении, так как белые по климатическим условиям не могут ни заниматься тяжелым трудом, ни размножаться под тропиками. В заключение он требовал срочно принять меры против скрытых форм обращения туземцев в рабство. Копии этого письма были переданы им государственному секретарю колоний и другим должностным лицам.

Впрочем, Миклуха-Маклай не заблуждался насчет того, какое последствие будет иметь его выступление. В конце своего письма он с горечью приписал: «Не могу удержаться от

пессимистического заключения, что справедливость моих доводов окажется, важной причиной к тому, что мое письмо останется без желаемых последствий».

И все-таки он продолжал рассылать письма английским властям, защищая право на жизнь и свободу первобытных народов. Он обращается к статс-секретарю по делам колоний в Лондоне, составляет специальный доклад под заглавием: «Похищение людей в рабство в пределах Западного Тихого океана».

Его везде любезно выслушивают, ему охотно и вежливо отвечают, но дальше этого дело не двигается.

Когда стало известно, что в Новой Зеландии возник проект колонизации берега Маклая, Миклуха-Маклай немедленно обратился с письмом к коммодору Вильсону, начальнику австралийской морской станции, доказывая, что туземцы берега Маклая с полным правом владеют своей территорией, и требуя воспретить экспедиции, если таковая будет отправлена, привозить с собой огнестрельное орудие и спиртные напитки, «во избежание кровопролитий и осложнений в будущем».

Несмотря на это, к Миклухе-Маклаю явился новозеландский агент Ромилли (Romilly) и, выражая внешне свое сочувствие русскому ученому, собрал у него все сведения о папуасах берега Маклая и даже получил список папуасских слов, составленный самим ученым. После этого Ромилли отправился в Новую Гвинею, где стал выдавать себя за брата Маклая, благодаря чему встретил радушный прием и полное доверие со стороны туземцев. Ему удалось таким образом собрать все нужные сведения, но дальнейших последствий это посещение не имело, так как англичане более заинтересовались юго-восточным берегом Новой Гвинеи ввиду его непосредственной близости к материку Австралии.

В августе 1881 года в Сиднее было получено известие, что на южном берегу Новой Гвинеи, в деревне Колау, которую Миклуха-Маклай посетил на «Эленговане», туземцы убили четырех тичеров (миссионеров) с женами и детьми. Коммодор Вильсон немедленно выехал туда на вое ном судне «Volverine» для расследования дела и наказания туземцев. Миклуха-Маклай принял участие в этой экспедиции, и, благодаря его энергичным настояниям деревня не была уничтожена, а наказанию подвергся только непосредственный участник убийства — папуас Квайпо.

Вернувшись в октябре в Сидней, Миклуха-Маклай обратился в Русское географическое общество с ходатайством о назначении ему субсидии для прожития около двух лет в Сиднее, где он мог бы обработать и подготовить на русском языке свои научные

труды по антропологии и этнографии. В качестве мотива своей просьбы он представил следующие соображения: во-первых, после одиннадцатилетнего пребывания под тропиками здоровье его вынуждает избегать переселения в холодный климат, а климат Сиднея он считал для себя подходящим; во-вторых, основав в Сиднее в 1881 году морскую зоологическую станцию и будучи теперь ее почетным директором, он был тем самым обеспечен удобным помещением для своих работ; в-третьих, Сидней, расположенный вблизи поля исследований Миклухи-Маклая, являлся удобным пунктом; экскурсии оттуда на острова не могли вызывать ни больших затруднений, ни значительных издержек; в-четвертых, достаточно полная библиотека в Сиднее, равно как и богатый музей местной фауны и этнологические коллекции могли быть также весьма ценным пособием при работе с подготовкой к печати его трудов; в-пятых, за последние два года он сосредоточил все свои коллекции, манускрипты, рисунки, книги и т. п. в Сиднее; сюда же он передал из Сингапура коллекции, собранные им еще в 1876

1877 годах, что составляло общей сложностью материал весом до пяти тонн.

Относительно средств, необходимых для осуществления задуманного плана работ, Миклуха-Маклай писал Географическому обществу, что «изданием своих путешествий он имел в виду быть поставленным в возможность заплатить долги, к которым он вынужден был прибегнуть для совершения некоторых из своих путешествий. Из числа этих долгов один долг фирме Дюммер и К° в Батавии, не будучи уплачен в 1876 году, вследствие нарастания процентов довел сумму долгов до 1350 фунтов стерлингов».

Одновременно с этим Миклуха-Маклай сообщал Географическому обществу, что четырехсот фунтов стерлингов в год будет достаточно для скромной жизни в Австралии на предполагаемое им время.

Но ему не пришлось дождаться ответа от Географического общества. В феврале 1882 года в Мельбурн пришла русская военная эскадра в составе кораблей: «Африка», Пластун» и «Вестник». Миклуха-Маклай решил воспользоваться этим обстоятельством и съездить на родину, по которой он не переставал тосковать. Кроме того, он рассчитывал устроить в Петербурге одно очень важное для него дело — добиться от русского правительства протектората над берегом Маклая и разрешения организовать там колонию на началах полного равноправия белых и черных, с сохранением первобытного коммунистического устройства жизни папуасов.

Выехав немедленно из Сиднея в Мельбурн, он застал Русскую эскадру готовой к отплытию. Командующий эскадрой с полным радушием встретил знаменитого соотечественника и распорядился предоставить ему комфортабельную каюту на клипере «Вестник».

На «Вестнике» Миклуха-Маклай доехал до Сингапура, эскадра должна была задержаться на некоторое время, и пересел на другой русский военный корабль — «Азия»,

отправлявшийся через Суэцкий канал в Европу. На «Азии знаменитый путешественник прибыл благополучно в Геную, где в то время находился русский броненосец «Петр Великий», отправлявшийся прямым курсом в Кронштадт. Пересев на броненосец, Миклуха-Маклай в сентябре 1882 года вернулся в Россию после более чем двенадцатилетнего отсутствия, завершив таким образом свое кругосветное плавание на военных судах русского флота.

НА РОДИНЕ

Немедленно по прибытии на родину Миклуха-Маклай развернул энергичную деятельность. В начале октября 1882 года он уже выступает на открытом собрании Русского географического общества с обширным докладом о результатах своих путешествий. Доклад собрал многочисленную аудиторию; переполненный зал восторженными рукоплесканиями приветствовал знаменитого русского путешественника.

Но Миклуха-Маклай знал, что большинство членов Географического общества не сочувствовало его демократической и гуманистической деятельности. Поэтому он закончил свой доклад следующими замечательными словами: «Если заметят, что я ни слова не говорю о новооткрытых видах райских птиц, сотнях и тысячах редких насекомых, меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог отчего я, ради вопросов по этнологии, которая не составляет моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций. Я отвечу на это, что те же райские птицы и бабочки будут летать в Новой Гвинее и в далеком будущем, между тем как почти наверное, при повторных отношениях с белыми, не только нравы и обычаи теперешних папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи, подобно тому, как я искал оран-семи в лесах Малаккского полуострова. Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав».

В том же месяце Миклуха-Маклай прочитал четыре публичные лекции в Петербурге, а затем отправился в Москву, где выступил на публичном собрании «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» в Политехническом музее. Миклуха-Маклай не был блестящим оратором, но его выступления всегда вызывали широкий интерес и сочувственное отношение публики. В московских и петербургских газетах давались подробные отчеты о лекциях знаменитого путешественника. «Общество любителей естествознания» присудило ему золотую медаль за его работы по антропологии и этнографии папуасов.

Совет Русского географического общества, под влиянием успеха общественных выступлений Миклухи-Маклая, пришел к заключению, что он, «как путешественник, приносящий честь русскому имени, вполне заслуживает поддержки со стороны

Географического общества. К сожалению, Географическое общество поставлено в полную невозможность оказать ему необходимую помощь как по недостатку собственных средств, так и потому, что предметы исследований Миклухи-Маклая не входят непосредственно в круг деятельности Географического общества, точно определенный его уставом и ограниченный лишь изучением отечества и стран сопредельных. Ввиду всего этого совет постановил обратиться к министру финансов с изложением всех обстоятельств, относящихся до путешествий, совершенных Миклухой-Маклаем в течение последних 12 лет, а также предложения относительно разработки и напечатания его трудов, и просить его представить все это на усмотрение государя императора».

Такой казенной отпиской ответил совет Русского географического общества на просьбу замечательного путешественника о скромной материальной помощи. Верноподданные бюрократы представили все дело на «милость» коронованного жандарма Александра III, который «милостиво соизволил» выдать Миклухе-Маклаю двенадцать тысяч рублей на уплату долгов, сделанных им для покрытия его расходов по путешествиям, и восемь тысяч рублей на двухлетнее пребывание в Сиднее для обработки оставшихся там коллекций и приготовления к печати научных результатов его двенадцатилетней исследовательской работы.

Миклуха-Маклай воспользовался этой «милостью», что бы подвинуть вперед дело помощи его друзьям-папуасам. Он решил добиться личной аудиенции у Александра III чтобы изложить свой план организации папуасской республики под протекторатом России. Он обратился к гофмаршалу императорского двора, князю Оболенскому, с просьбой устроить ему эту аудиенцию. Оболенский ответил, что в аудиенции нет необходимости, так как он сам может передать царю все, что Миклуха-Маклай хотел сообщить лично. Не желая такого посредничества, знаменитый путешественник решил действовать другим путем для достижения своей цели. Он обратился со следующим письмом к всемогущему тогда К. П. Победоносцеву:

«Ноябрь 14, 1882 г.

Желая выразить мою благодарность е. и. в. государю императору за его милостивое решение моего дела, а также перед отъездом в Австралию переговорить об интересующем е. в. деле, я обратился к гофмаршалу князю В. Р. Оболенскому с просьбой сообщить мне день, когда государю императору угодно будет меня видеть.

Письмо мое было отправлено в Гатчино в субботу на

предпрошлой неделе, между тем как князь Оболенский был в Санкт-Петербурге, почему я только в среду получил ответ от князя, который предложил мне передать через него, что я имею сообщить государю.

Чувствуя себя нездоровым, я сказал князю при свидании с ним в четверг, что напишу его величеству.

Я сделал это отчасти, написав благодарственное письмо, но не сказав ни слова о том вопросе, который, я полагаю, может интересовать государя императора действительно. Я это не сделал потому, что, обдумав обстоятельно, что имею сообщить, я пришел к заключению, что пока я еще в С.-Петербурге и государь император, если ему будет угодно (и если ему об этом доложат), выслушает меня лично, то это будет для дела и для благополучного устройства его несравненно удовлетворительнее, чем длинное письмо.

Итак, я желал бы (не ради меня, а ради самого дела) иметь счастье передать лично е. и. в. государю императору, что имею сообщить, на что не потребуется более десяти или пятнадцати минут времени.

Миклуха-Маклай».

Мы точно воспроизвели здесь это письмо знаменитого путешественника, до сих пор еще нигде не опубликованное. Несмотря на его чисто официальную форму, оно показывает, с каким чувством собственного достоинства и прямотой выступал Миклуха-Маклай в защиту своей идеи. Он подчеркивает, что хлопочет не для себя лично, а ради самого дела, которому посвятил всю свою жизнь; он отказывается иметь дело с придворными посредниками, потому что кто же лучше него самого мог говорить в защиту тех, кто в глазах правительств всех «цивилизованных» стран того времени даже не заслуживал названия настоящих людей.

Миклухе-Маклаю удалось все-таки добиться свидания с Александром III. Оно состоялось в конце ноября 1882 года, но, как и нужно было ожидать, не привело ни к какому положительному результату.

Путешественник понял, что ждать ему в Петербурге больше нечего, и в начале декабря того же года выехал из России.

16 декабря Миклуха-Маклай выступил на заседании Берлинского антропологического общества с научным докладом, встретившим горячий прием со стороны профессора Р. Вирхова.

Из Берлина русский ученый отправился через Париж в Шотландию, где у него были друзья, с которыми он встретился и сблизился в Австралии.

Из Англии он выехал на почтовом пароходе «Britic India Line»

(«Линия Британской Индии»); его путь лежал через Неаполь, Порт-Саид, Красное море, берега которого он исходил пешком тринадцать лет назад, затем Индийский океан и Зондский архипелаг.

В Батавию пароход пришел ночью и бросил якорь в полной темноте. Сверкающие огни стоявшего рядом военного судна обратили на себя внимание Миклухи-Маклая. Это был русский корвет «Скобелев», на борту которого находился адмирал Копытов, лично знавший путешественника.

Несмотря на позднее время, Миклуха-Маклай попросил у капитана парохода шлюпку и немедленно отправился на русский корвет. Разбудив спавшего адмирала, он спросил его, куда должен итти «Скобелев». Узнав, что корвет идет к островам Меланезии и, возможно, зайдет на берег Маклая, путешественник предложил адмиралу сопровождать его, так как знанием туземного языка он мог быть очень полезен в этом плавании.

Это неожиданное решение Миклухи-Маклая было вызвано желанием еще раз навестить своих друзей папуасов и привезти им подарки, обещанные еще в 1872 году.

Адмирал Копытов с радостью воспользовался предложением знаменитого путешественника.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ

Берег Маклая с неудержимой силой притягивал к себе русского путешественника. Здесь он провел свои лучшие годы, здесь он узнал и полюбил людей, которых до него третировали как полуживотных. Им он хотел теперь отдать все свои силы.

Отправив свои вещи в Сидней на английском пароходе «Chyelassa», Миклуха-Маклай с ручным багажом перебрался на корвет «Скобелев», который вышел из Батавии на другое же утро.

По дороге корвет зашел в Макассар и Амбойну, где, по просьбе путешественника, были куплены бычок, две телки и несколько коз местной породы, уже акклиматизировавшиеся в Малайском архипелаге. Они предназначались в подарок папуасам берега Маклая. Путешественник вез своим друзьям и другие полезные вещи: малайские паранги (большие ножи), красную бумажную материю, бусы, небольшие зеркала и так далее. Кроме того, было куплено множество семян разного рода, между прочим семена дуриана, мангустана, манго, нескольких видов хлебного дерева и многих других полезных растений и овощей.

17 марта утром корвет «Скобелев» медленно вошел в залив Астролябия и в половине шестого вечера бросил якорь у берега Маклая. Путешественник сошел на берег и был радостно встречен туземцами. Поздоровавшись со своими старыми приятелями из Гумбу, он сказал, что придет к ним в деревню завтра, а сегодня должен вернуться ночевать на корвет. Сделал он это из осторожности, так как чувствовал себя плохо и боялся, что, если он останется ночью на берегу, к нему снова возвратится тропическая лихорадка.

Корвет «Скобелев» простоял в бухте Астролябия только сутки, и эти сутки были последними, проведенными русским ученым среди друзей-папуасов. В своем дневнике он оставил превосходное, полное сердечной теплоты и невольной грусти описание этого дня:

«18 марта адмирал, несколько офицеров и я съехали на берег около деревни Бонгу. Сопровождаемые туземцами, которые, перебивая один другого, обращались ко мне с расспросами, где я буду жить, когда начать строить мне хижину и тому подобное, мы обошли деревню. Она показалась мне на этот раз как-то меньше и запущеннее, чем в 1876—1877 годах.

Припомнив расположение деревни, я скоро обнаружил, что

целые две площадки с окружающими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травою, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились.

Сообразно с моими инструкциями, данными при отъезде в 1877 году, все девушки и молодые женщины были удалены; оставалось только несколько безобразных старух. Помня также мои советы, туземцы явились не только без оружия, но даже и без малейшего украшения. Вид их поэтому был сегодня довольно мизерный (дикие без украшений, лохматые, напоминают одетого в лохмотья европейца), тем более, что почти вся молодежь отсутствовала. Одни находились в Богатим по случаю происходившего там большого «ая» и «муна» (празднеств), другие, вероятно, были в лесу, охраняя женщин.

Мой старый приятель Саул рассказал мне длинную историю о «тамо-инглис» (вероятно, экспедиции шхуны «Dove»), затем о приходе в Гарагасси «абадам Маклай» (брата Маклая), как они, вероятно, назвали Ромильи.

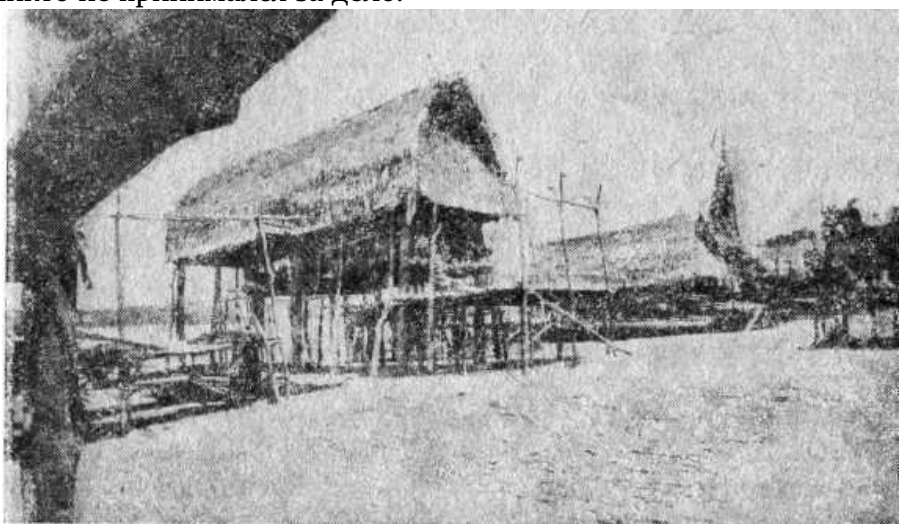
Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем.

— Туй муэн-сен (Туй умер), — ответил мне Саул.

Я очень пожалел о моем старом приятеле.

Я оставил туземцев Бонгу в большом волнении, объявив, что приведу им быка, корову, козла и коз. Все повторяли за мной имена этих животных; все хотели их видеть сейчас же.

Я объяснил, что для приведенного скота надо построить изгородь, чтобы он не разбежался. Туземцы много говорили, и никто не принимался за дело.



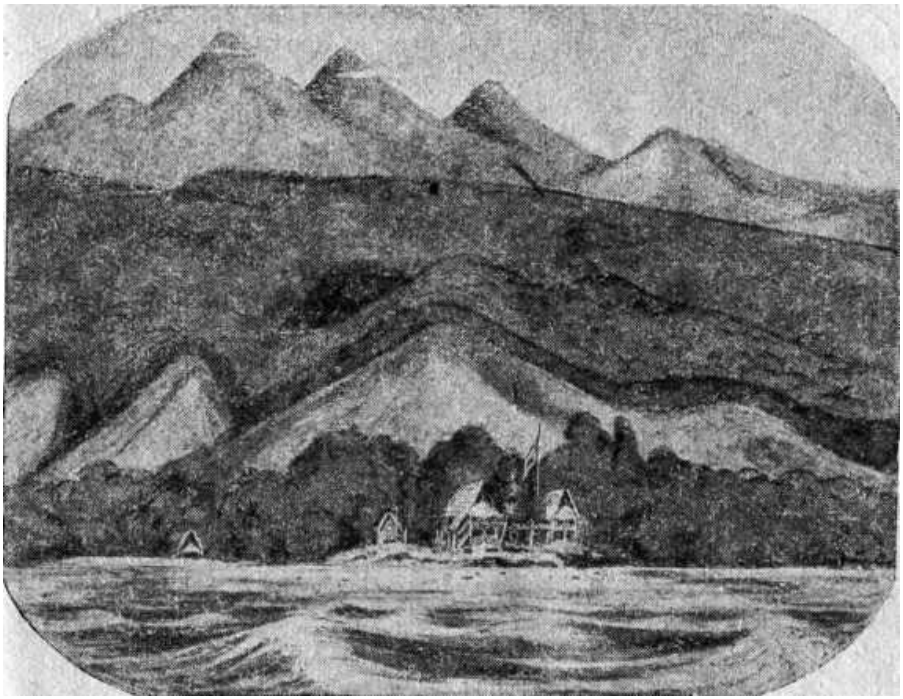
Деревня Карепупа на южном берегу Новой Гвинеи.

Сказав, что я приведу быка, корову и коз к заходу солнца, я направился к тому месту, где в 1876—1877 годах стоял мой дом. Придя туда, я почти не узнал местности. Под большими деревьями, которые некогда окружали мой дом, рос теперь всюду густой кустарник; только местами изредка проглядывали между зеленью посаженные мною кокосовые пальмы, бананы и множество дынного дерева[23], которое поднималось высокими стволами значительной толщины. Вместо широких дорожек, содержавшихся всегда в большой чистоте, около моей хижины оказались теперь две-три тропинки, по которым можно было пробраться только с трудом. Я пошел прямо туда, где прежде стоял дом. Между кустами я нашел полдюжины еще стоявших свай, и это было все.

Припоминая, с какими хлопотами я строил себе дом, с, каким терпением я разводил плантацию, мне трудно верилось, что каких-нибудь пяти-шести лет было достаточно, чтобы превратить все в глухой уголок густого леса. Это был пример роскошного плодородия почвы.

Времени на размышления, однако, у меня не было, почему я приказал сопровождавшим меня туземцам расчистить то место, где в 1877 году у меня росла кукуруза и где мне показалось, что кустарник был не так част. Я велел выдергивать с корнями небольшие деревца, что при большом числе рабочих рук оказалось вовсе не трудно. Расчищенное место было вскопано матросами, имевшими с собой железные лопаты, на пространстве нескольких квадратных сажен. Я послал туземцев за водой, а сам, с помощью моего слуги из Амбойны Энса и обоих матросов, стал рассаживать молодые растения и семена, привезенные из Амбойны. Принесенная в бамбуках вода послужила для поливки вновь посаженных растений. Не посадил я только семян кофе, отдав их Саулу и некоторым другим туземцам для передачи жителям горных деревень, где для кофейного дерева климат подходит больше, нежели па берегу Маклая.

Туземцы, повидимому, интересовались всей этой процедурой. Я, тем не менее, не был уверен, что мой эксперимент удастся, и даже боялся, чтобы на вновь взрытую землю не явились в тот же день или на другой свиньи и не разрыли новую плантацию; сделать же достаточно прочную изгородь было невозможно. У меня не было времени, чтобы приглядеть за ее сооружением самому, а туземцы были слишком возбуждены приходом корвета и постройкой у деревни забора для скота.



Дом Миклухи-Маклая близ Бонгу.

Я отправился лесом по хорошо знакомой тропинке в Горенду; но и тропинка была сильно запущена; невысокий тогда кустарник вырос теперь в большие деревья, так что знакомая тропинка показалась мне совершенно новой. Добравшись, наконец, до места, где шесть лет тому назад была расположена деревня Горенду, я был окончательно поражен ее измененным видом. Вместо значительной деревни оставались только две-три хижины; все заросло до неузнаваемости. Мне стало почему-то так грустно, что я поспешил выйти к морю и отправиться обратно на корвет.

После полдника и короткого отдыха я вернулся на берег и пошел снова в Бонгу. Я чувствовал себя как дома, и мне положительно кажется, что ни к одному уголку земного шара, где мне приходилось жить во время моих странствований, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи. Каждое дерево казалось мне старым знакомым.

Когда я пришел в деревню, вокруг меня собралась толпа. Многих знакомых лиц я не мог досчитаться; многие показались мне совершенно незнакомыми: в мой последний приезд они были еще юношами, а теперь у них самих были дети. Только немногие старики оказались моими прежними старыми приятелями.

Два обстоятельства особенно бросились мне в глаза. Во-первых, мне и всем окружающим меня казалось, что как будто только вчера, а не шесть лет тому назад я был в Бонгу последний

раз; во-вторых, мне показалось странным отсутствие всякой дружеской демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов после моего долгого отсутствия. Подумав немного, я нашел второе обстоятельство совершенно понятным: ведь я сам ничем особенным не выражал моего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скачут от радости при виде меня. Были однакож и такие среди них, которые, прислонясь к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия. «И этот умер, — говорили они, — и этот, и этот».

Всем хотелось, чтобы я по-старому поселился между ними, но на этот раз уже в самой деревне; хотели также знать, когда я опять вернусь и что им делать, если «тамо-инглис» снова появятся.

Несколько мальчиков, перегоняя друг друга и запыхавшись, прибежали с известием, что «тамо-русс» с «бумборо-русс» (большая русская свинья) приближаются в «кабум-ани-доро» (в шлюпке очень большой). Все бросились бежать; я тоже последовал за толпой.

Действительно, большой баркас шел недалеко от берега. Так как вследствие отлогости берега большому баркасу нельзя было подойти к нему, то офицер, в распоряжении которого находился баркас, скомандовал нескольким матросам, чтобы они, засучив панталоны, соскочили в воду.

Большая толпа жителей Бонгу, Горенду и Гумбу молча стояла вдоль берега, следя за каждым движением людей. Двое из выскочивших матросов держали концы веревок, привязанных к рогам бычка. Из накренившегося на один бок баркаса выскочило молодое животное и, очутившись в воде, направилось сперва вплавь, а затем бегом к берегу, так что матросам было не легко сдерживать его. Бычок побежал вдоль берега и тянул бегущих за ним матросов. Было крайне комично видеть, как около сотни туземцев при виде нового для них животного, казавшегося им громадным — больше дикого кабана, рассыпались во все стороны; некоторые даже полезли на деревья, другие бросились в море. За бычком последовала корова, оказавшаяся гораздо смирнее его. За нею появился козел в сопровождении коз. Всех их матросы вели за веревки, привязанные к рогам. Вся эта процессия направилась в деревню, куда я тоже поспешил, чтобы распорядиться и приказать туземцам помочь матросам.

В деревне была сооружена изгородь, метров пятнадцати в квадрате, для бычка и коровы. С некоторыми затруднениями матросы заставили их перепрыгнуть через высокий порог изгороди. Калитка была сейчас же заколочена, так как я полагал,

что пройдет некоторое время, пока животные привыкнут к своему положению. Несколько матросов с баркаса, пришедшие смотреть на деревню, наломали в лесу молодых ветвей разных деревьев и бросили их за изгородь; повидимому, угощение пришлось по вкусу корове, которая тотчас же принялась жевать ветки. Бычок же был очень неспокоен, он ходил вдоль изгороди, нюхая воздух и как бы ища выхода. Присутствие матросов, которые ухаживали за ними во время переезда из Амбойны успокаивало животных. Рога были освобождены от веревок и животные, кажется, почувствовали себя еще спокойнее. Козла и коз, за неимением другого помещения, я предложил туземцам поместить в одну из хижин и сказал, чтобы женщины принесли им завтра молодого унана[24]. Один из матросов заметил, что нужно было бы показать туземцам, каким образом доят коз. Когда спрошенный мною табир[25] был принесен и матрос стал доить одну из коз, все туземцы сбежались посмотреть на это диво. Возгласам и расспросам не было конца, но никто не отважился попробовать молока, которое и было выпито матросами.

Солнце уже садилось, и я сказал матросам, что им пора собираться на корвет. Оба матроса, находившиеся в изгороди, должны были перепрыгнуть через забор, так как калитки не было. Я продолжал давать туземцам кое-какие инструкции относительно их поведения в случае прихода белых. В это время возгласы туземцев заставили меня обратить внимание на поведение бычка, По уходе матросов он стал очень беспокоен, все бегал вдоль изгороди и, как мне сказали туземцы, хотел сломать забор.

Я поспешил на место и увидел, что рогами бычку удалось разворотить в одном месте верхнюю часть забора. Сбежавшиеся туземцы приводили беднягу в ярость. Он еще раз бросился к забору с нагнутой головой, и еще несколько палок вылетело из изгороди. Не успел я крикнуть одному из туземцев, чтобы он побежал за тамо-русс, как бычок отбежал от забора, кинулся опять к нему, но на этот раз уже с намерением перескочить через него. Это ему удалось, и он, выбравшись на свободу, как бешеный полетел по деревне. Туземцы быстро попрятались кто куда. Я остался один и мог видеть, как телке удалось тоже перескочить через ограду и побежать вслед за бычком. Сомневаясь в удаче, я все-таки скорым шагом пошел по тропинке к морю, где был встречен возвращающимися матросами. Я в двух словах рассказал им, в чем дело. Они отвечали, что, вероятно, удастся загнать бычка обратно в изгородь, так как он очень ручной. Когда мы вернулись в деревню, то оказалось, что бычок и телка нашли тропинку, ведущую в лес. Я послал туземцев в обход, чтобы не

допустить бычка зайти слишком далеко; матросы же должны были, стараясь по возможности не пугать животных, попытаться загнать их обратно в деревню. Не стану распространяться далее. Вся эта история кончилась тем, что попытка вовсе не удалась, так как, завидев людей, бычок стремительно пустился вперед, а туземцы, разумеется, разбежались в разные стороны. За бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайшие холмы.

Было уже темно, когда мы вернулись на корвет после постигшей нас неудачи. Я был так утомлен происшествиями дня, что, несмотря на большое желание, не смог исполнить обещанного, то есть вернуться ночевать в Бонгу».

Дальнейшая история подарка Миклухи-Маклая папуасам рассказана Финшем, побывавшим на берегу Маклая в следующем 1884 году. Финш нашел бычка и корову в деревне Бонгу в прекрасном состоянии. Туземцы очень ценили подарок своего, друга и, с гордостью произнося слово «бик», прибавляли к нему «Маклай».

19 марта корвет «Скобелев» поднял якорь и направился в пролив между островком Били-Били и материком Новой Гвинеи. По берегу большой толпой бежали туземцы, вопившие: «О, Маклай! О, Маклай! Еме-ме! Еме-ба! Гена!» Они словно предчувствовали, что никогда уже больше не увидят своего друга.

От Новой Гвинеи корвет взял курс на острова Адмиралтейства, затем на Филиппинские острова, где простоял в Маниле несколько дней, а потом направился на север, во Владивосток. Но Миклухи-Маклая уже не было на его борту. В Маниле он пересел на испанский пароход, шедший в Гонконг, а оттуда с почтовым пароходом через порты Дарвина и порты восточной Австралии благополучно прибыл в Сидней в июне 1883 года.

ВО ВЛАСТИ УТОПИИ

В Сиднее Миклуху-Маклая ждала большая неприятность: во время его отсутствия сгорел его коттедж, причем погибла часть ценнейших коллекций, собранных им с такими усилиями. Ему пришлось временно поселиться в здании новой биологической станции. Оно еще не было окончательно оборудовано и вообще оказалось мало приспособленным для жилья, хотя заключало в себе рабочие кабинеты и спальни для шести лиц. Стояло это здание обособленно, недалеко от входа в гавань, в нескольких м[и]лях от Сиднея, сообщение с которым поддерживалось только пароходом, приходившим утром и уходившим вечером.

Несмотря на полное отсутствие каких-либо удобств, Миклуха-Маклай, поселившись на станции, целые дни проводил за работой в кабинете, наполненном книгами и банками с различными препаратами. В сущности говоря, это и был расцвет научной работы станции, так как после отъезда Миклухи-Маклая из Сиднея в Россию в 1886 году станция окончательно запустела, и через некоторое время ею воспользовались для опытов по искусственному рыборазведению. В 1887 году на ее месте была устроена база для миноносок.

Работая на своей станции, Миклуха-Маклай, сначала изредка, а потом все чаще, стал навещать семью бывшего премьер-министра Нового Южного Уэльса, сэра Робертсона, жившего в своем имении «Clobelly», в двух километрах расстояния от морской зоологической станции. Скоро стало ясно, что его привлекает общество молодой и красивой Маргариты Робертсон, дочери бывшего премьера. Чувство русского ученого не осталось неразделенным. Не только громкая слава о его путешествиях, но и внешность, полная мужества и своеобразной красоты, привлекала к нему людей. Вот как описывает внешность Миклухи-Маклая один из его современников: «Над высоким лбом поднимались у него обильные кудри рыжевато-шатеновых волос; небольшие усы и коротко подстриженные баки и борода окаймляли узкое бледное лицо с прямым, правильным носом и большими мечтательными глазами. Личность его внушала симпатию женщинам, но он сам предпочитал одиночество и не любил женского общества».

Последнее замечание, впрочем, надо принять с оговоркой — так было до 1884 года; в этом году, 27 февраля, он вступил в брак с Маргаритой Робертсон. В молодой женщине он нашел надежного друга, вполне понимавшего его и сочувствовавшего его

благородной деятельности.

В марте 1884 года Миклуха-Маклай вновь обратился к русскому правительству с предложением официально признать самостоятельность берега Маклая и принять эту территорию под свое покровительство. Его обращение было продиктовано тем, что в восьмидесятые годы особенно усилилось стремление европейских держав к захвату океанийских островов. Каждый год Англия, Германия и Франция заявляли свои притязания то на ту, то на другую территорию. Желая заинтересовать русское правительство своим предложением, Миклуха-Маклай обратился с письмом к великому князю Алексею Александровичу, считавшемуся шефом русского военного флота, доказывая ему, какие преимущества получил бы русский тихоокеанский флот, имея собственные базы в таком важном географическом пункте на рубеже Индии и Австралии. Но его предложение и на этот раз было принято с полным равнодушием. Ученый даже не получил ответа на свое письмо.

Миклуха-Маклай оставался в Сиднее до февраля 1886 года. За это время у него родилось два сына: Александр-Нильс и Владимир-Оллан. В феврале 1886 года он решил на время оставить семью и поехать в Петербург, намереваясь лично выступить в защиту своих предложений. Чтобы широко заинтересовать общественность России, в первую очередь молодежь, от которой он ждал горячего отклика, Миклуха-Маклай решил издать свои научные работы и дневники путешествий. Кроме того, он взял с собой уцелевшие коллекции, предполагая выставить их на всеобщее обозрение в зале Академии наук в Петербурге.

Летом 1886 года знаменитый путешественник был уже в северной столице. Первым делом он официально представил свой проекту устройства русской колонии на берегу Маклая.

Но в это время случилось то, чего больше всего боялся Миклуха-Маклай. Германия самым наглым образом посягнула на северо-восточную часть Гвинеи, объявив о своем протекторате над ней.

Страстно желая осуществить свою мечту, Миклуха-Маклай обратился тогда к царскому правительству с предложением основать русскую колонию «на одном из островов Тихого океана».

По распоряжению Александра III знаменитому путешественнику было предложено несколько вопросов. На первый вопрос, какой именно остров он имеет в виду, Миклуха-Маклай ответил, что колония могла бы быть основана на одном из независимых еще островов. На второй вопрос — об отношениях будущих колонистов к земельной собственности —

он ответил, что колонисты будут занимать свободные земли или же земли, добровольно уступленные местными жителями. На третий вопрос — о денежных средствах для осуществления предприятия — он прямого ответа не дал, заявив, что каждое лицо, которое пожелает поселиться в колонии, должно будет располагать определенной суммой, необходимой для переезда, первоначального обзаведения и так далее. Этот уклончивый ответ объяснялся тем, что, задумав основать колонию на утопических основах первобытного коммунизма, Миклуха-Маклай не представлял себе, какую там роль должны играть деньги. Поэтому платой за переезд и покупкой в России необходимого на первоначальное обзаведение инвентаря, казалось ему, полностью исчерпывалась потребность колонистов в деньгах. На четвертый вопрос, какие у него имеются ручательства в том, что переселенцы найдут средства к пропитанию ввиду трудности для белых заниматься под тропиками полевыми работами, он ответил, что колония будет устроена в местности с подходящим климатом, здоровой водой и там, где есть строевой материал. А плодородная почва с избытком вознаградит труд колонистов. На пятый вопрос, какое сообщение предполагается установить между колонией и метрополией, он ответил, что можно приобрести на средства колонистов морские парусные (или даже паровое) суда.

Однако Миклуха-Маклай ясно понимал, что цели, которые он ставит перед собой, не могут заинтересовать царское правительство. Поэтому, не ожидая ничего хорошего от официального ответа на свой проект, он обратился через газеты с призывом ехать с ним на берег Маклая для основания там колонии. По субботам у себя на петербургской квартире — Тележная, 18 — он принимал всех желающих ехать, подробно расспрашивая их, чтобы определить степень их пригодности для осуществления его плана. Охотников переселиться в новую колонию нашлось более двух тысяч человек. Квартира на Тележной улице стала настоящим штабом по организации замечательного, хотя и утопического эксперимента.

К сожалению, полное отсутствие материальных средств и сильное ухудшение здоровья самого Миклухи-Маклая сорвали начатое предприятие. Но и эта неудача не могла сломить железной энергии и настойчивости выдающегося путешественника. В своей автобиографии, написанной позднее, он говорит: «Несмотря на эту неудачу, я однакоже не потерял надежды осуществить со временем задуманный мною план».

МИКЛУХА-МАКЛАЙ И ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Одним из наиболее действенных способов привлечь широкое общественное внимание к своей идее знаменитый путешественник считал опубликование результатов своих научных работ и дневников путешествий. Он печатает в журналах отрывки из своих записных книжек и рассылает оттиски этих статей многим авторитетным лицам, чье мнение могло обладать большим удельным весом. Так он вступает в переписку с великим русским писателем Львом Николаевичем Толстым. В конце сентября 1886 года он пишет ему следующее письмо[26]:

«Ваше сиятельство, глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Дорогою из деревни (Киевской губернии) в Москву, в июне месяце, мне хотелось очень заехать в Ясную Поляну и иметь удовольствие познакомиться с вами. Но разные обстоятельства, о которых было бы слишком долго и неинтересно рассказывать, помешали этому. Надеюсь, что в следующий раз, на пути домой (то есть с острова Тихого океана), проездом из Москвы в Киев, мне удастся заглянуть к вам.

Я случайно слышал, что вы интересуетесь некоторыми эпизодами моих странствований. Не знаю, насколько это верно, но на всякий случай, рискуя даже показаться «навязчивым», посылаю вашему сиятельству две брошюры, касающиеся моего пребывания в Новой Гвинее.

Надеюсь, что ваше сиятельство извинит меня, если посылка окажется лишней.

Остаюсь с истинным глубоким уважением

Миклуха-Маклай».

Знаменитый путешественник не ошибался, надеясь встретить интерес и сочувствие со стороны великого писателя. Лев Толстой не только поблагодарил Миклуху-Маклая за посылку, но как несравненный художник дал ему несколько советов, которыми путешественник с признательностью воспользовался. Вот что писал ему Лев Толстой:

«Многоуважаемый Николай Николаевич!

Очень благодарен за присылку ваших брошюр. Я с радостью их прочел и нашел в них кое-что из того, что меня интересует. Интересует — не интересует, — а умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе, обязательное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не

пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают.

Мне ваше дело представляется так: люди жили так долго под обманом насилия, что наивно убедились в том, и насилующие и насилуемые, что это-то уродливое отношение людей не только между людоедами и не христианами, но и между христианами, и есть самое нормальное. И вдруг один человек под предлогом научных исследований (пожалуйста, простите меня за откровенное выражение моих убеждений) является один среди самых страшных диких, вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый, отживший humbug (обман.— Н. В.), от которого давно пора освободиться людям, хотящим жить разумом. Вот это-то меня в вашей деятельности трогает и восхищает, и поэтому-то я особенно желаю вас видеть и войти в общение с вами.

Мне хочется вам сказать следующее: если ваша коллекция очень важна, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все научные наблюдения ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которое вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом и поэтому, ради всего святого, изложите с величайшей подробностью и со свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком. в которые вы вступили там с людьми. Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми.

Не взыщите за нескладность письма. Я болен и пишу лежа с неперестающей болью. Пишите мне и не возражайте на мои нападки на научные наблюдения, — я беру эти слова назад, — а отвечайте на существенное. А если заедете, хорошо бы было.

Уважающий вас

Л. Толстой».

Письмо Толстого было послано из Ясной Поляны 25 сентября и получено путешественником в начале октября. Хотя Миклуха-Маклай не мог согласиться со взглядами Толстого на науку, да и все мировоззрение великого писателя было ему чуждо, тем не менее сочувствующий и ободряющий голос Толстого был ему

дорог и очень нужен, особенно теперь, когда в октябре стало известно решение, принятое относительно его проекта комитетом, учрежденным, по специальному решению Александра III, из представителей министерства иностранных дел, внутренних дел, финансов, морского и военного. Решение это было безусловно отрицательным. На докладе комитета Александр III наложил резолюцию: «Считать это дело окончательно конченным; Миклухе-Маклаю отказать».

Теперь Миклухе-Маклаю оставалось одно: последовать совету великого писателя и написать книгу, которая заставила бы по-новому взглянуть на то, что делается в колониях, вызвала бы широкий интерес к угнетаемым туземцам и нашла бы сторонников для осуществления задуманного им плана. Для этой цели ему нужно было съездить в Сидней за материалами и семьей.

Но неожиданный приступ болезни задержал его в Петербурге на несколько месяцев. Только в феврале 1887 года он почувствовал себя лучше и мог ответить Льву Толстому на его письмо. Приводим это письмо полностью:

«21 февраля 1887 г., С.-Петербург.

Ваше сиятельство,

глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Позвольте искренно поблагодарить вас за письмо от сентября 25-го и вместе с тем прошу простить, что так долго не отвечал на него.

Письмо ваше было не только для меня интересно, но результат чтения его повлияет немало на содержание книги о моих путешествиях.

Обдумав ваши замечания и найдя, что без ущерба научному значению описания моего путешествия, рискуя единственно показаться некоторым читателям слишком субъективным и говорящим чересчур много о собственной личности, я решил включить в мою книгу многое, что прежде, то есть до получения вашего письма, думал выбросить.

Я знаю, что теперь многие, не знающие меня достаточно, читая мою книгу, будут недоверчиво пожимать плечами, сомневаясь и так далее.

Но это мне все равно, так как я убежден, что самым суровым критиком моей книги, ее правдивости, добросовестности во всех отношениях, буду я сам.

Итак, глубокоуважаемый Лев Николаевич, ваше письмо сделало свое дело.

Разумеется, я не буду возражать на ваши нападки на науку, ради которой я работал всю жизнь, надеясь подвинуть ее по мере

сил и способностей, и для которой я всегда готов всем пожертвовать.

Мое здоровье было скверно последние месяца два, да и теперь оно все еще нехорошо. Как только поправлюсь немного более, отправлюсь в Сидней; буду назад в конце мая.

Летом или осенью, дорогою в Киевскую губернию, заеду к вам в Ясную Поляну.

Посылаю, непрошенный, мою фотографию, в обмен на вашу.

С глубоким уважением

Миклуха-Маклай».

В мае 1877 года путешественник был уже в Сиднее. Там он провел всего несколько дней, ровно столько, сколько было необходимо для ликвидации его дел. Вскоре с женой и двумя маленькими сыновьями он выехал обратно в Россию. Не оправившись еще как следует от болезни в Петербурге, в Сидней он приехал совсем больным, страдая острой невралгией и ревматизмом. Ему следовало лечь в больницу и отдохнуть, по крайней мере, несколько месяцев, но, занятый новыми замыслами, он не замечал, что делается с ним самим. Напрасно друзья просили его не спешить с отъездом, он считал, что не имеет права терять времени. Совсем больной Миклуха-Маклай вернулся па родину и горячо принялся за подготовку своих дневников к печати, намереваясь издать их в виде большой книги о путешествиях.

Между тем здоровье его продолжало катастрофически ухудшаться. Ему не было еще сорока двух лет, а он уже производил впечатление старого человека. Тропическая лихорадка, бывшая страшным его спутником в течение шестнадцати лет, сделала свое губительное дело.

В январе он пишет свое последнее письмо Л. Н. Толстому, спеша поделиться с ним своей радостью: только что в журнале «Северный вестник» были напечатаны его записки о путешествии на острова Адмиралтейства. Эти записки, как одну из глав книги, над которой он работал, Миклуха-Маклай посылал теперь Толстому со следующим письмом:

«С.-Петербург, Галерная, д. 50, кв. 12.

2 января 1888 года.

Ваше сиятельство,

глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Зная, что мои отношения к туземцам островов Тихого океана отчасти интересуют вас, я посылаю вам прилагаемую брошюру — «Отрывки из моего дневника 1879 года».

Острова Адмиралтейства принадлежали в то время к весьма редко посещаемым шкиперами и трэдорами. Жители их слыли за

«людоедов, очень коварных и кровожадных». Слава эта оберегала туземцев долго от нашествия белых. Их боялись и не трогали.

Ввиду вышесказанного, я полагаю, что они сохранили свою первобытность, почему они были для меня вдвойне интересны, и я пожелал провести несколько дней между ними.

Замечу, что, когда я писал дневник на островах Андра, обыкновенно по вечерам, я часто был так утомлен, что спешил записать свои наблюдения, делал это часто ex offitio[27], чтобы скорей лечь спать!..

Печатая «отрывок», я должен был выпустить многие чисто научные разъяснения, замечания, ссылки и тому подобные, интересные только специалистам-антропологам. Кроме того, дамская цензура редакции «Северного вестника» сочла долгом выпустить несколько примечаний, даже несмотря на то, что были переведены мною на латинский язык! Последние сокращения ослабляют отчасти впечатления «couleur locale» (les points manquant sur les i's...e!)[28], но только отчасти.

Относительно «слога» и «русского языка белого папуаса», на которых иные мои хорошие знакомые сильно нападают, я могу ответить:

> Und wenus Euch Ernst ist was zu sagen
> Ist's nottig Worten nach zu sagen (Goethe. Faust)[29]

Перед отъездом в Австралию, в январе, кажется, я послал вашему сиятельству мою фотографию, вашей — еще не получил, но ожидаю.

With the heartient grae tings for the now your I remain your faithfully[30].

Миклуха-Маклай».

В половине февраля 1888 года состояние здоровья Миклухи-Маклая стало настолько опасным, что жена его согласилась поместить больного в клинику. Последние шесть недель жизни замечательного путешественника были омрачены тяжелыми страданиями. Но и тут он остался верен себе. Когда он получил известие, что Германия официально объявила берег Маклая своей колонией и послала туда военные корабли, он, лежа на смертном одре, собрал последние силы и послал негодующую телеграмму Бисмарку от имени своих папуасских друзей, на что имел безусловное право:

«Туземцы берега Маклая протестуют против присоединения их к Германии».

Это был поступок честного, благородного и в то же время наивного утописта. Он мечтал построить свободное трудовое

общество папуасов, забывая о немецких военных крейсерах. Миклуха-Маклай не знал, что освобождение трудящихся, в том числе и цветных, придет лишь тогда, когда пролетарии силой сбросят капиталистическое ярмо со своей шеи и водрузят алое знамя социализма.

Телеграмма Миклухи-Маклая явилась последним делом его жизни. 14 апреля 1888 года Николай Николаевич Миклуха-Маклай скончался.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миклуха-Маклай отдал лучшие свои годы на изучение первобытного населения неизвестных тогда еще территорий Новой Гвинеи. Но он видел в папуасах не только объекты для научных наблюдений, он сумел их полюбить и всю свою замечательную энергию отдал на защиту их свободы и благосостояния. Анатом в юности, он сосредоточился потом на антропологии и этнографии, а под конец жизни думал только о судьбе берега Маклая, о своих друзьях-папуасах и об основании утопической колонии на островах Тихого океана.

Этого не могла ему простить буржуазная наука. Ее представители всячески пытались умалить значение научных работ Миклухи-Маклая. Вместе с тем различного рода колониальные дельцы империалистических стран непрочь были использовать в своих интересах научные изыскания Миклухи-Маклая.

Так, некий Финш, проникший под маской ученого в доверие к выдающемуся русскому ученому и выведавший результаты его исследований, помог впоследствии Бисмарку наметить план захвата северо-восточной части Новой Гвинеи.

Буржуазные ученые травили Миклуху-Маклая. Но даже и они вынуждены были признать, что все написанное Миклухой-Маклаем по антропологии папуасов и меланезийцев является чрезвычайно ценным; в изучении этих народов русский ученый должен быть признан одним из самых выдающихся авторитетов. Действительно, ни один универсальный труд по антропологии, этнографии и географии не обходится без постоянных ссылок на его имя, и его небольшие по размерам работы в этих областях могут быть признаны классическими.

Буржуазная наука не могла простить русскому ученому, что он неизменно видел в «чернокожих дикарях» прежде, всего людей, с которыми обращался по-человечески, стремился достигнуть взаимного понимания и считал, что долг цивилизованного человека — быть с ними всегда справедливым, не допускать никакого насилия и помогать им подняться на новую, более высокую ступень культуры и счастливой жизни. Буржуазным ученым эти цели Миклухи-Маклая не только оставались чуждыми, но и вызывали их суровое порицание.

Но Миклухе Маклаю ближе всего были интересы демократии и человеческого прогресса. А это обязывало его бороться с эксплоатацией, расовым высокомерием и бесчеловечностью,

которые превращали сказочно-чудесный мир экваториальных стран в арену страданий и унижений цветного человечества.

Недаром память о Миклухе-Маклае стала светлой надеждой папуасов его берега. «Миклуха-Маклай, — свидетельствует этнограф Б. Хаген, работавший впоследствии к Новой Гвинее,— сумел завоевать самое широкое доверие, уважение и даже любовь папуасов. Хорошей памяти, которую оставил по себе первый белый житель залива Астролябия, следует приписать мягкое, дружественное, предупредительное отношение туземцев к позднейшим пришельцам. Мы, преемники Миклухи Маклая, впоследствии воспользовались этим в своих интересах... Ах, если бы мы все взяли в пример поведение этого человека...»

До какой степени простиралась справедливость и честность русского путешественника в отношении туземцев, может показать случай, рассказанный П. А. Кропоткиным» лично знавшим Миклуху-Маклая. «Миклуха-Маклай, — пишет Кропоткин, — поставил себе правилом, которому следовал неуклонно, быть всегда прямым с дикарями и никогда их не обманывать, даже в мелочах, даже для научных целей. Когда он путешествовал по Малайскому архипелагу, к нему на службу поступил туземец, выговоривший, чтобы его никогда не фотографировали: как известно, дикари считают, что вместе с фотографией берется некоторая часть их самих. И вот однажды, когда дикарь крепко спал, Миклухе-Маклаю, собиравшему антропологические материалы, страшно захотелось сфотографировать своего слугу, так как он мог служить типичным представителем своего племени. Дикарь, конечно, никогда бы не узнал про фотографию, но Миклуха-Маклай вспомнил свой уговор и устоял перед искушением. Эта мелкая черта вполне характеризует его. Зато, когда он оставлял Новую Гвинею, дикари взяли с него обещание вернуться. И он выполнил это через несколько лет, хотя был тогда сильно болен. Этот замечательный человек напечатал, однако, лишь самую незначительную часть своих поистине драгоценных наблюдений.

Миклуху-Маклая упрекали в том, что он мало выступал в печати со своими работами, но это не всегда зависело только от него.

После смерти путешественника остался почти готовым к печати первый большой том его сочинений, куда входили дневники его путешествий по Новой Гвинее и островам Меланезии. Отдельные статьи, входившие в него, были переписаны набело по нескольку раз, даже оглавление этого тома было составлено самим Миклухой-Маклаем.

Брат путешественника, Михаил Николаевич, зная, что еще в

1882 году Русское географическое общество заявило, что «приложит все усилия, чтобы при помощи правительства и частных лиц облегчить издание путешествий Н. Н. Миклухи-Маклая», обратился к обществу с запиской. В этой записке он говорил о необходимости в интересах самого общества издать возможно скорее дневники путешественника и все другие его работы, в том числе напечатанные в английских и немецких журналах, переведя их, разумеется, на русский язык.

В ответ на эту записку совет Географического общества постановил «озаботиться приисканием лица, которому бы поручить обработку посмертного издания трудов Н. Н. Миклухи-Маклая».

Однако поиски велись такими темпами, что подходящее лицо было найдено только через десять лет. В 1898 году Географическое общество поручило известному географу Д. Н. Анучину взять на себя обработку трудов Миклухи-Маклая. Д. Н. Анучин с радостью согласился и в короткое время составил план издания. Совет Географического общества, рассмотрев план, предложенный Анучиным, одобрил его, но не предпринимал никаких шагов для получения средств на издание.

Напрасно Д. М. Анучин лично и письменно доказывал совету Географического общества необходимость издания трудов замечательного русского путешественника, рукописи и материалы которого оно приняло на хранение с условием их издания. Он писал, что многие интересующиеся лица, в России и за границей, запрашивают его, когда же, наконец, будут изданы путешествия Миклухи-Маклая. Все было тщетно. Преодолеть бюрократизм «ученого» общества не могли никакие усилия.

Наконец, наступил 1913 год, когда исполнилось двадцать пять лет со дня смерти путешественника. Но даже и эта годовщина не принесла ничего нового в смысле издания трудов Миклухи-Маклая. Тогда Анучин выступил в печати с объяснением, почему до сих пор издание не состоялось, и пессимистически заявлял: «Вообще издание сочинений Миклухи-Маклая едва ли когда состоится, так как весьма сомнительно, чтобы нашлись для этого средства, а главное — лицо достаточно компетентное, которое приняло бы на себя труд разобраться в этой куче тетрадей, записных книжек, заметок и рисунков, приняло бы во внимание все напечатанное Миклухой-Маклаем на русском и иностранных языках, подготовило бы все это к печати... Все это требует времени, кропотливого труда, знаний, охоты, одушевления идеей такого издания, и мало вероятно, чтобы оказался кто-нибудь, готовый приложить все для такого дела».

Сам же Д. Н. Анучин отказывался от дальнейших бесполезных

попыток добиться положительных результатов в этом направлении. В обстановке полного равнодушия и тупого бюрократизма оставались лежать под спудом замечательные документы, превосходные труды, которыми по праву могла бы гордиться литература любого народа.

Но вот грянула Великая социалистическая революция, освободившая навсегда народы царской России. Она вызвала из забвения труды замечательного русского путешественника. В золотую книгу славных имен доблестных сынов нашей великой родины она вписала еще одно замечательное имя.

Упорная борьба Миклухи-Маклая, его глубокая вера в то, что человек — это величайшая ценность из всего существующего на земле, его гуманизм и демократизм делают теперь, в нашу величественную сталинскую эпоху, имя замечательного русского ученого, писателя, путешественника особенно нам близким и дорогим. Его деятельность ценна не только тем, что показывает, как в прошлом лучшие сыны великого русского народа умели отстаивать свои передовые идеалы, несмотря на варварский произвол царизма и тупой эгоизм буржуазного общества; его деятельность ценна для нас также тем, что дает нам подлинно научную основу для разоблачения изуверских «теорий» фашистских расистов.

В ряды лучших людей прогрессивного человечества с полным правом может встать человек, оставивший нам свои прекрасные труды, воспитывающие гуманизм, содружество и уважение к людям, независимо от их цвета и исторических отличий. Миклуха-Маклай наш. Он принадлежит стране победившего социализма, где под солнцем Сталинской Конституции расцветает жизнь, которая была его мечтой и которой он отдал все свои силы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Бунзен, Роберт-Вильгельм (1811—1899) — известный физик и химик. Особенно прославился исследованиями над действием света на химические реакции, положившими начало новой науке — физиохимии. Совместно с Кирхгофом занимался разработкой спектрального анализа, при помощи которого открыл новые химические элементы — рубидий и цезий. Известен также как изобретатель.

Буташевич-Петрашевский, М. В. (1821—1866) — основатель революционного кружка, члены которого получили название петрашевцев. Петрашевский был последователем утопического социализма Фурье и республиканско-федеративного строя. После ареста петрашевцев был приговорен к расстрелу, но «помилован» с заменой расстрела вечной каторгой. В 1856 г. переведен на поселение. Умер в Сибири.

Вирхов, Рудольф (1821—1892) — один из основоположников современной патологии. Считал, что основой патологических процессов являются целлюлярные (клеточные) изменения. Свое учение назвал «целлюлярной патологией». В своих работах не был свободен от односторонне-механистического образа мышления, уживавшегося тогда с виталистическими концепциями. В молодости Вирхов проявлял себя как сторонник демократических реформ в области общественной медицины и коммунального благоустройства. В последние годы своей жизни сильно поправел и сблизился с реакционным прусским правительством.

Гейссер, Людовик (1818—1867) — историк. В 1847 г. вместе с Гервинусом основал газету. В 1848 г. был избран в баденскую палату. Боролся с великогерманской партией.

Геккель, Эрнст (1831—1919) знаменитый зоолог-материалист, страстно защищавший дарвиновское учение от нападок антидарвинистов и развивший самостоятельно ряд существенных вопросов (например биогенетический закон и др.) эволюционного учения. Уже в первой своей работе о радиоляриях (1862) Геккель пытается применить эволюционную теорию, и в частности дарвинизм, к построению родословной этой группы простейших.

В 1866 г. Геккель выпускает капитальный труд «Общая морфология организмов», в котором последовательно проводит революционную точку зрения через все области биологии, обосновывает учение о самопроизвольном зарождении жизни (архигония).

Особенно широкую популярность эти идеи Геккеля приобрели с выходом его знаменитой «Естественной истории миротворения» (1868), в которой он подробно обосновывает и свои схемы родословных (генеалогические) деревьев различных групп животного мира.

В 1874 г. Геккель в своей «Антропологии» дает смелую трактовку проблемы происхождения человека с точки зрения эволюционной теории. Он использует обширнейший материал, доказывающий животную природу человека, обосновывает родство, человека с человекообразными обезьянами, делает первую попытку построения родословного дерева человека. Это сочинение особенно обострило начавшиеся еще в связи с предыдущими его выступлениями нападки на Геккеля со стороны клерикалов и реакционеров. Геккель, с самого начала своей деятельности объявивший войну религии и старой додарвиновской биологии, энергично продолжал защиту дарвинизма. Свой материализм Геккель называл «монизмом» и противопоставлял его идеалистическому дуализму. Отвергая понятия «душа», «бог», «свобода воли», «бессмертие», Геккель считал единственной реальностью «субстанцию», которая представляет собой единство материи и энергии.

Ленин иногда отмечал у Э. Геккеля «философскую наивность», «желание считаться с господствующим филистерским предрассудком против материализма». Однако в целом Ленин неизменно подчеркивал выдающееся значение Геккеля — ученого, борца с поповщиной в естествознании. Работы Геккеля сыграли большую роль в распространении естественно-исторического материализма. Его книги — «Мировые загадки», «Чудеса природы» — расходились в миллионах экземпляров на всех языках. Для пропаганды «монизма» в борьбе с церковью Геккель организовал в 1906 г. «Союз монистов». Под конец жизни Геккель создал в Иене музей по эволюционной теории.

Гельмгольц, Герман (1821—1894)—великий ученый-естествоиспытатель. В 1847 г., независимо от Р. Майера, написал работу о законе сохранения энергии.

notes

Примечания

1

Ф. М. Достоевский. «Дневник писателя» за 1876 г.

2

А. Пыпин, Мои заметки. «Вестник Европы», 1905 г., № 3, стр. 9.

3

В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 142, изд. 3-е.

4

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 474.

В. И. Ленин, Соч., т. XIII, стр 295, изд. 3-е.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2-я, стр. 389.

К. Маркс и Ф, Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2-я, стр. 391—39.

8

Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 96. Соцэкгиз, 1931 г.

9

Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 57. Партиздат, 1933 г.

10

К. Маркс. Капитал, т. I. стр. 119. Соцэкгиз. 1931 г.

11

«Еме-ме» и «Еме-ба» — туземные приветствия.

12

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 6. Партиздат, 1932 г.

13

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 22—23. Партиздат, 1932 г,

14

К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 31. Партиздат, 1933 г.

15

Брахицефалы — люди с круглой, короткой формой головы. Брахицефалы встречаются в различных областях земного шара.

16

Долихоцефалы — люди, голова которых имеет продолговатую форму; также встречаются в различных областях земного шара.

17

Пощади, господин.

18

Фэ — туземные деньги, изготовлявшиеся на островах Пелау из грубо обтесанного белого камня. Делаются они в форме дисков с отверстием посредине. Достигают семи футов в диаметре и нескольких тонн весом. Самые большие фэ по ценности соответствуют тысяче долларов.

19

Проценты, которые берут европейцы при этой торговле, выманивая мелкий бисер на черепаху и перламутр, могут считаться сотнями. Один из опытных трэдоров, много лет занимавшийся этим делом, рассказывал мне, что во многих случаях при торге на островах Тихого океана барыш в 800% не редкость. Разумеется, главная выгода достается главной фирме, которая доставляет трэдорам — своим агентам — предметы для мены, с назначением цен, по которым от них принимаются произведения островов. Не помню всех сообщенных цен, но все они были значительно высоки; например пустая бутылка от вина или пива ценилась приблизительно около одного доллара. Понятно, что трэдоры при торговле с туземцами также не упускают случая набить еще большую цену, чтобы и для себя заработать что-нибудь. (Примечание Миклухи-Маклая.)

20

Пенитенциарий — место для наказаний.

21

«Free labour trade» — торговля свободным трудом.

22

«Slave trade» — рабский труд.

23

Вообще я замечал, что дынное дерево (Carica papуа) очень быстро акклиматизировалось на берегу Маклая. Теперь нет деревни, где бы оно не росло. (Примечание Миклухи-Маклая.)

24

Унан — сухая трава.

25

Табир — деревянное блюдо.

26

Это письмо и остальные письма Миклухи-Маклая, адресованные, Л. Н. Толстому, печатаются впервые. (Примечание редакции.)

27

По должности.

28

Пропусками точек над і.

29

Если нужно вам что-нибудь сказать, то нужно повторять слова. (Гете. Фауст.)

30

Сердечно поздравляю с новым годом и остаюсь вам преданным.